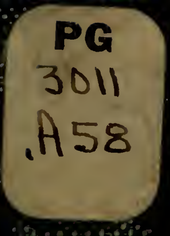

PG
3011
.A58

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛIОТЕКА Г.В.ЮДИНА
U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

ХАРАКТЕРИСТИКИ СОВРЕМЕННОЙ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

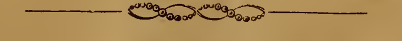
ИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ съ Н. А. НЕКРАСОВЫМЪ.

М. А. Антоновича.

II.

POST-SCRIPTUM. — СОДЕРЖАНІЕ и ПРОГРАММА «ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ» ЗА ПРОШЛЫЙ ГОДЪ.

Ю. Г. Жуковскаго.

ПЕТЕРБУРГЪ.

1869.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

ХАРАКТЕРИСТИКИ СОВРЕМЕННОЙ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ГЛАВНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	строка	вмѣсто:	слѣдуетъ:
39	14	вертуозноссстью	виртуозностью
42	1	хрѣхи	грѣхи
43	10	судѣ	суды
114	2	ее	ея
114	18—19	выгодной, какъ лице пріобрѣвшее репутацію неспособнаго; онъ	выгодной; какъ лицо, пріобрѣвшее репутацію неспособнаго, онъ
115	11, 27	найболѣе	наиболѣе
116	14	журнальному	либеральному
123	2	призываю принять	призываю, принятъ
147	25	сверхъественную	сверхъестественную
149	19	нравственнымъ возвышеніямъ	нравственнаго возвышенія
152	7	мнѣнія	мнѣнія,
153	4	удовлотворить	удовлетворить
156	5	конечно весьма,	конечно, весьма
161	7	существовало	существуетъ
165	14	въ мѣстности	въ мѣстности,
170	25	не только Астраханской и	не только Астраханской, но и
185	25	міровоззрѣніе съ высоты	міровоззрѣніе, съ высоты
196	11	Запискахъ	Записокъ
196	28	какъ, видите	какъ видите

Antonovich, Maksim Alekseevich.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

ХАРАКТЕРИСТИКИ СОВРЕМЕННОЙ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ съ Н. А. НЕКРАСОВЫМЪ.

М. А. Антоновича.

II.

POST-SCRIPTUM. — СОДЕРЖАНІЕ и ПРОГРАММА «ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ» ЗА ПРОШЛЫЙ ГОДЪ.

Ю. Г. Жуковскаго.

ПЕТЕРБУРГЪ.

1869.

Типографія **А. М. Котомина**, Вознесен. пр., д. № 23/81.
Содержатель Типографіи жит. имѣетъ Коломен. части, 1 уч. по Фонтанкѣ, д. № 131, кв. № 2.

I.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ

СЪ Н. А. НЕКРАСОВЫМЪ

М. А. Антоновича.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ

съ Н. А. НЕКРАСОВЫМЪ.

Прелиминарныя оговорки. — Мотивы, побудившіе меня къ напечатанію этого объясненія.

Милостивый государь
Николай Алексѣевичъ!

Настоящее мое объясненіе съ Вами есть прощальное. Послѣ нѣсколькихъ, впрочемъ немногихъ, лѣтъ общей литературной работы и взаимнаго сотрудничества, мы разстались, не простившись ни словесно и лично, ни письменно. Личнаго прощанья я не особенно и желаю; но письменное считаю необходимымъ, такъ какъ прежняя связь наша была исключительно письменная. Извините, что я даю гласность настоящему объясненію. Къ этому побудили меня нѣкоторыя довольно серьезныя соображенія.

Во 1-хъ, Вы человѣкъ игравшій и играющій одну

*

изъ видныхъ ролей въ русской литературѣ; Вамъ слѣдовательно будетъ принадлежать довольно мѣста въ исторіи русской литературы сколько вслѣдствіе вашихъ личныхъ литературныхъ дѣяній, столько или еще болѣе вслѣдствіе того, что ваше имя было связано, хотя конечно самымъ внѣшнимъ образомъ, съ лучшими литературными дѣятелями и со всѣмъ, что появилось лучшаго въ нашей литературѣ въ послѣднее время, и потому историкъ ея долженъ будетъ долго останавливаться на Васъ. Онъ не ограничится разборомъ одной вашей литературной или поэтической дѣятельности, а захочетъ, какъ это дѣлаютъ всѣ историки литературы, нарисовать вашъ полный образъ, воспроизвести вашу не поэтическую только, но и нравственно человѣческую физіономію. Исполненіе этой задачи будетъ для него очень затруднительно; онъ встрѣтитъ разнорѣчивые факты, которые не легко согласить, темные намеки, которые не легко разъяснить. Я имѣю смѣлость думать, что настоящимъ объясненіемъ я окажу хоть небольшую услугу будущему историку русской литературы, хоть нѣсколько облегчу его трудъ. Въ этомъ объясненіи будетъ рѣчь о нашихъ литературныхъ сношеніяхъ, о прекращеніи ихъ и о возникновеніи вашихъ новыхъ сношеній; въ немъ выступятъ такимъ образомъ два различные момента вашей литературной дѣятельности въ ея отношеніяхъ къ общему направленію литературы. Не можетъ быть, чтобы во всемъ этомъ не нашлось ни одной черты, ни одного указанія, которыми будущій историкъ могъ бы воспользоваться для характеристики вашей

дѣятельности и литературнаго направленія нашего времени.

О вашихъ историкахъ нужно позаботиться теперь тѣмъ болѣе, что Вы, имѣя какія-то странныя понятія объ исторіи, предписываете имъ просто несообразныя требованія. Вы хотите, чтобы они Васъ изображали не такимъ, какъ Вы есть, а какимъ Вамъ хочется быть изображенными; Вы заявляете претензіи, чтобы они заносили въ свои лѣтописи не то, что они найдутъ нужнымъ, а что Вамъ угодно, требуете, чтобы они разбирали и цѣнили не всѣ ваши произведенія, а только нѣкоторыя, избранныя Ваши, чтобы они словомъ ставили Вамъ на счетъ не всѣ ваши дѣйствія, а только такія, какія Вамъ будетъ угодно принять на вашъ счетъ. Вамъ хочется, чтобы потомство и историки баловали Васъ также, какъ балуютъ современники, превозносящіе ваши подвиги одного рода и смотрящіе сквозь пальцы на ваши же подвиги только въ другомъ родѣ. Вотъ что Вы говорите своимъ будущимъ историкамъ:

«Меня всегда пугало то обиліе плохихъ стихотвореній, которое наводняло литературу по смерти каждаго поэта, сколько-нибудь обращавшаго на себя вниманіе публики. Не говоря уже о печатныхъ источникахъ, выкапывались рукописныя тетрадки съ дѣтскими упражненіями автора, — тетрадки иногда даже происхожденія сомнительнаго; оказывались альбомы. Припоминались экспромты. И все это печаталось въ журналахъ, сборникахъ, отдѣльныхъ статьяхъ, съ именемъ покойнаго, а потомъ переходило въ полное собраніе его сочиненій, и переходило иногда зря, безъ необходимыхъ поясненій: дурное перемѣшивалось съ хорошимъ, отдѣланное съ неотдѣланнымъ; даже въ пьесахъ, много разъ пе-

чатавшихся при авторѣ, возстановлялись потомъ, по черновой рукописи, стихи и цѣлыя строфы, зачеркнутыя имъ и очевидно ненужныя.

«Всякому дорого свое, и я не желалъ бы, чтобъ случилось что нибудь подобное съ моими стихотвореніями. Поэтому я рѣшился самъ пересмотрѣть старые журналы, газеты и отдѣльныя брошюры (Примѣч. Тетрадки съ дѣтскими упражненіями я уничтожилъ; въ альбомы не писывалъ, экспромтовъ не говаривалъ), въ которыхъ, начиная съ 1838 года, помѣщалъ я свои первые опыты и напечатать въ приложеніяхъ къ моимъ стихотвореніямъ то, что окажется сколько-нибудь характернымъ, адресуя теперь же къ моимъ роднымъ и господамъ библіографамъ мою покорнѣйшую просьбу: *не перепечатывать ничего остальнаго, послѣ моей смерти.*»

Забавна эта заботливость о своей будущей исторіи! Что Вы такъ боитесь, чтобы кто нибудь послѣ вашей смерти не напечаталъ вашихъ юношескихъ упражненій и вообще стихотвореній, которыя Вамъ кажутся плохими. Ну если они нравятся библіографамъ или нужны имъ почему нибудь; и пусть ихъ печатаютъ и читаютъ; ваша слава отъ этого нисколько не пострадаетъ. Вы смотрите на ваши стихотворенія съ одной точки зрѣнія, а библіографы будутъ смотрѣть на нихъ съ другой и можетъ быть для нихъ будетъ важно именно то, что Вы прячете, уничтожаете и просите не перепечатывать; это-то они несчастные и будутъ искать со всеусердіемъ и безполезно. Я напримѣръ, хоть и не библіографъ, но ужасно усердно ищу одно ваше не напечатанное стихотвореніе, и заплатилъ бы Вамъ за него большія деньги. Я хоть и не историкъ литературы, однако уже сильно почувствовалъ неудобство и стѣснительность вашей политики съ вашими

стихотвореніями. Мнѣ хотѣлось прослѣдить хронологически развитіе вашего генія и увидѣть, какъ зачалась и постепенно росла въ вашихъ стихотвореніяхъ гражданская идея. Если бы существовало полное собраніе вашихъ сочиненій въ хронологическомъ порядкѣ, то это дѣло было бы довольно легко; теперь же трудности его остановили меня. Извольте въ самомъ дѣлѣ рыться почти цѣлый годъ и разузнавать, какія и гдѣ были напечатаны ваши стихотворенія; да и то еще многаго не узнаешь изъ того, что извѣстно только Вамъ однимъ. Даже въ вашихъ изданныхъ и собрапныхъ Вами стихотвореніяхъ не вездѣ указанъ годъ.

Поэтому позвольте мнѣ, Николай Алексѣевичъ, обратиться къ Вамъ отъ лица библіографовъ и будущихъ историковъ нашей литературы съ покорнѣйшей просьбой напечатать полный списокъ вашихъ стихотвореній, непремѣнно всѣхъ и тѣхъ, которыя Вы считаете плохими, въ хронологическомъ порядкѣ. За это Вамъ многіе скажутъ большое спасибо.

Во 2-хъ, я позволяю себѣ, хоть можетъ быть и неосновательно, надѣяться, что настоящее объясненіе будетъ имѣть нѣкоторое дѣйствіе хоть на нѣсколькихъ читателей и предохранитъ ихъ отъ ложнаго и небезвреднаго увлеченія тѣмъ, что заслуживаетъ не увлеченія, а противоположнаго настроенія, что есть не выраженіе порыва искренняго чувства и полета безкорыстной мысли, а просто лицемѣрное литературное краснобайство, разсчитанное самымъ холоднымъ прозаическимъ образомъ.

Въ 3-хъ, прекращеніе между нами литературныхъ сношеній иногда комментируется въ публикѣ самымъ двусмысленнымъ образомъ; и въ общемъ нашемъ интересѣ желательно было бы разсѣять эти комментаріи. Ни причины, ни мотивы нашего литературнаго разрыва или расхожденія неизвѣстны гласнымъ и печатнымъ образомъ; это и рождаетъ всякіе слухи. Такъ всегда бывало. Помните, сколько было слуховъ, когда Вы съ Панаевымъ отдѣлились отъ г. Краевскаго, бросили „Отечественныя Записки“, взяли себѣ „Современникъ“; но всѣ они разсѣялись и дѣло разъяснилось, послѣ того какъ полемика, завязавшаяся между Вами и г. Краевскимъ раскрыла всѣмъ глаза и показала серьезныя основанія и настоящія причины вашего разрыва. Потомъ, когда Вы разстались съ г. Тургеневымъ, было то же самое. Одни слухи говорили, что Вы разстались съ нимъ изъ-за денегъ, что г. Тургеневъ отвергъ и бросилъ Васъ и т. д.; другіе же утверждали, что Вы отвергли и бросили г. Тургенева. Дѣло потребовало печатнаго разъясненія. Г. Тургеневъ напечаталъ, что онъ вовсе не отвергнутъ, а напротивъ самъ не хочетъ имѣть дѣло съ Вами, и въ доказательство привелъ выдержку изъ вашихъ писемъ къ нему, гдѣ Вы говорите, что часто его видаете во снѣ. Печатная полемика противъ г. Тургенева, веденная въ „Современникѣ“, показала наконецъ, въ чемъ было дѣло. Не удивительно, что и въ настоящемъ нашемъ случаѣ, не разъясненномъ гласно, возникаютъ разнорѣчивые и неосновательные слухи. Какіе-то люди пускаютъ слухи,

будто бы я горю желаніемъ сотрудничать съ Вами въ журналѣ г. Краевскаго, а Вы никакъ не хотите удовлетворить этому желанію, будто я дѣлаю авансы, которые Вы съ гордостью отвергаете. Эти слухи, конечно, не лестны для меня; но кому нибудь, можетъ быть, кажется, что они не лестны и для васъ; и потому лучше всего разъяснить истину и разсѣять ихъ. Вы больше чѣмъ кто нибудь другой знаете, до какой степени несправедливы эти слухи. Или можетъ быть это Вы же сами и распускаете эти слухи? можетъ быть Вы сами воображаете, что я питаю желаніе сотрудничать съ Вами, а Вы ни за что не хотите моего сотрудничества и „заперли передо мною дверь“? Поэтому, чтобы сейчасъ же покончить съ этими слухами, я представлю здѣсь соображеніе, на основаніи котораго всякій можетъ судить остепени достовѣрности ихъ и которое даже Васъ должно будетъ заставить не поддерживать этихъ слуховъ, если Вы ихъ поддерживаете.

Вы усердно старались пріобрѣсти и съ замѣтнымъ удовольствіемъ приняли сотрудничество г. Г. З. Елисеева (Грыцько), и теперь не отказываетесь отъ этого сотрудничества и вѣроятно постараетесь закрѣпить его за „Отечественными Записками“ до тѣхъ поръ, пока сами будете въ этомъ журналѣ. А я думаю, что сотрудничество г. Елисеева равняется моему сотрудничеству, что принявши его въ журналъ, Вы все равно что приняли меня, потому что въ литературномъ отношеніи я равенъ ему, или по крайней мѣрѣ былъ прежде равенъ ему. Вопросъ объ относительномъ достоинствѣ его и моихъ литературныхъ

способностей тутъ не имѣетъ значенія; на него конечно Вы и не обращали вниманія. Вы принимали въ сотрудничество г. Елисеева какъ человѣка извѣстныхъ убѣжденій, какъ выразителя извѣстнаго литературнаго направленія. А очень хорошо извѣстно мнѣ, Вамъ и всему читающему міру, что г. Елисеевъ раздѣляетъ, или по крайней мѣрѣ раздѣлялъ прежде, такія же убѣжденія, какъ и я, служилъ такому же направленію, какъ и я. Слѣдовательно, хотя я и не состою въ числѣ сотрудниковъ „Отечественныхъ Записокъ", однако тамъ невидимо витаетъ мой духъ, мой умъ, мои мысли и чувства, представляемыя г. Елисеевымъ. Непослѣдовательно и невозможно, принимая его, отвергать меня. А такъ какъ онъ принятъ, то значитъ я не отвергнутъ. И потому, если меня нѣтъ въ „Отечественныхъ Запискахъ", то это значитъ произошло отъ моей воли, а не отъ вашей,—что и требовалось доказать.

На это Вы можете возразить, сказавши, что г. Елисеева теперь уже нельзя равнять со мною, что онъ измѣнилъ свои убѣжденія и принялъ другое направленіе, вслѣдствіе чего и удостоился чести быть принятымъ въ „Отечественныя Записки". Въ такомъ случаѣ долгъ добросовѣстности требовалъ бы, чтобы Вы, или самъ г. Елисеевъ, или вашъ общій редакторъ заявили публично и печатно объ этомъ измѣненіи; потому что большинство вашей публики увѣрено, что Вы у себя ставите на видъ имя г. Елисеева именно съ цѣлью показать, что съ г. Елисеевымъ вошелъ въ „Отечественныя Записки" его прежній духъ, его прежнее направленіе, его прежнія

убѣжденія, нисколько не измѣнившіяся. Ужъ что нибудь одно: или Вы не можете отвергать меня и не должны отрицаться отъ меня, или же г. Елисеевъ измѣнился. Увѣрять же одну сторону, что г. Елисеевъ измѣнился, исправился, что онъ не то, что былъ прежде, и чѣмъ остаются доселѣ его прежніе единомышленники, и что поэтому только онъ и принятъ въ „Отечественныя Записки", и въ то же самое время стараться показать другой сторонѣ, что г. Елисеевъ нисколько не измѣнился, что онъ не отсталъ отъ своихъ прежнихъ единомышленниковъ, а пожалуй еще превзошелъ ихъ,—это не хорошо, по крайней мѣрѣ весьма нелогично и негуманно.

Въ 4-хъ. Четвертое соображеніе, побудившее меня дать гласность настоящему объясненію касается ближайшимъ образомъ только Васъ однихъ. Неизвѣстно почему, или лучше сказать очень хорошо извѣстно почему, литература или, точнѣе говоря, трудящаяся и рабочая литературная братія относится къ Вамъ подобострастно, льстиво, заискивающимъ образомъ, и всякую правду о Васъ хранитъ, какъ святыню, въ самомъ сокровенномъ тайникѣ своей души. Г. Мясоѣдовъ еще не успѣлъ устранить „невыгодныхъ условій умственнаго труда"; а между тѣмъ голодъ и нужда, — эти ужаснѣйшіе тираны изъ всѣхъ когда либо существовавшихъ и имѣющихъ существовать на свѣтѣ,—ежеминутно предъявляютъ свои грозныя требованія и не хотятъ ждать, пока устроится „самопомощь" г. Мясоѣдова. И потому литературная фирма Краевскій-Некрасовъ, владѣющая такими обширными за-

веденіями, какъ „Отечественныя Записки“ и „Голосъ“, представляется для литературныхъ тружениковъ раемъ, Эльдорадо и т. д. Сколько тамъ можно достать работы, сколько тамъ мѣстъ! Объ этихъ мѣстахъ мечтаютъ, на нихъ разсчитываютъ литераторы всѣхъ цеховъ: ученые, публицисты, критики, рецензенты, поэты, беллетристы, хроникеры и всевозможныхъ сортовъ и родовъ фельетонисты. Прежде эта литературная армія раздѣлена была на два лагеря: одинъ былъ преданъ Вамъ, другой находился подъ вліяніемъ г. Краевскаго; теперь же вслѣдствіе вашего соединенія и они соединились; лагерь г. Краевскаго, прежде позволявшій себѣ относиться къ Вамъ свободно и независимо, теперь относится къ Вамъ или рабски почтительно, или совершенно молчаливо, и въ свою очередь лагерь, принадлежавшій Вамъ и съ такимъ гражданскимъ негодованіемъ и отвращеніемъ относившійся къ г. Краевскому, теперь съ покорностью и раболѣпствомъ преклонился предъ нимъ и спряталъ въ задній карманъ свое гражданское негодованіе.

Пріобрѣтеніе Вами въ свое распоряженіе большаго журнала и союзъ съ г. Краевскимъ, распоряжающимся ежедневной газетой, есть геніальная мѣра, оградившая Васъ отъ всякихъ нападеній. Въ противномъ случаѣ, та же самая литературная братія, которая теперь увивается передъ Вами, заклевала бы Васъ за ваши гражданскіе подвиги, какъ клевала она прежде г. Краевскаго. Говорятъ даже, будто бы Вы пробовали средство и меня заставить замолчать, или не пустить въ литературу; но

это средство нелитературно и я знаю объ немъ только по слухамъ, которые быть можетъ совсѣмъ несправедливы. Ужели же въ самомъ дѣлѣ, Николай Алексѣевичъ, эти слухи справедливы? Нѣтъ, я отказываюсь вѣрить имъ. Но во всякомъ случаѣ, изъ любезности къ Вамъ, выдамъ Вамъ слѣдующій секретъ: та нелитературная, но имѣющая вліяніе на литературу сфера, въ которой Вы вращаетесь, хотя и отдѣлена отъ насъ китайскою стѣною, однако слухи изъ нея по временамъ и совершенно случайно доходятъ и до насъ... Правда, раздаются иногда противъ Васъ непокорные голоса, но они исходятъ изъ отсталаго нелиберальнаго лагеря; и дѣло имѣетъ такой видъ, какъ будто Вамъ не покоряются только за Вашъ крайній либерализмъ.

Поэтому, на основаніи вышеизложеннаго, я думаю, что Вамъ самимъ было бы пріятно, чтобы съ Вами поговорилъ кто нибудь какъ равный съ равнымъ, отнесся бы къ Вамъ независимо, безъ подобострастія, безъ лести,—что я и намѣренъ сдѣлать въ настоящемъ объясненіи, въ которомъ я, если придется, не скрою отъ Васъ и такихъ истинъ, которыя будутъ, быть можетъ, не совсѣмъ пріятны для Васъ, которыя или скрываются, или проходятся молчаніемъ въ заискивающей передъ Вами прессѣ.

Впрочемъ не подумайте, пожалуйста, что это объясненіе будетъ ожесточеннымъ обличеніемъ Васъ, что я стану разбирать Васъ по косточкамъ, разоблачать всевозможные факты и учиню настоящую диффамацію. Нѣтъ,

нѣтъ и нѣтъ; не бойтесь ничего подобнаго и смѣло читайте объясненіе до конца: въ немъ Вы не найдете ни одного факта, не относящагося къ литературѣ и не входящаго въ сферу нашихъ сношеній съ Вами, которыя были чисто литературнаго характера; всѣ факты, которыхъ я буду касаться, печатные, или засвидѣтельствованы печатно; и если въ одномъ или двухъ случаяхъ я буду упоминать о фактахъ, еще не появившихся въ печати, то они прямо относятся къ тому разряду фактовъ, который обыкновенно обозначается названіемъ „литературныхъ воспоминаній".

Правило, котораго я строжайше и неуклонно держусь въ этомъ объясненіи, есть правдивость и искренность. Можетъ быть Вамъ покажется, что тотъ или другой фактъ невѣрно представленъ или истолкованъ; въ такомъ случаѣ вѣрьте мнѣ, что это сдѣлано безъ всякой преднамѣренности, совершенно искренно и по крайнему моему разумѣнію; я представляю и излагаю все такъ, какъ это мнѣ дѣйствительно кажется, по моему глубокому убѣжденію. Въ истинѣ большей части фактовъ и ихъ объясненій я также увѣренъ, какъ въ своемъ собственномъ существованіи; я вполнѣ ручаюсь за нихъ. Въ то же время я смѣло утверждаю, что если не большую часть, то непремѣнно половину изложенныхъ въ этомъ объясненіи мыслей и толкованій раздѣляютъ болѣе способные къ пониманію даже между тѣми людьми, которые окружаютъ Васъ и сотрудничаютъ съ Вами; въ душѣ они во многомъ согласятся со мною, если только

не во всемъ. Даже я думаю, и Вы сами въ душѣ согласитесь со мною въ весьма многомъ.

. Послѣ этихъ преллминарныхъ оговорокъ, я приступлю къ самому объясненію.

ГЛАВА I.

Личныя воспоминанія и благодарность.

Прежде всего позвольте мнѣ благодарить Васъ, Николай Алексѣевичъ, за тѣ минуты и даже часы удовольствія, которыя я проводилъ въ обществѣ съ Вами. Я разумѣю здѣсь не ваши обильныя трапезы, за которыми мы при прозаическомъ яденьи и питьи были развлекаемы поэтическими угощеніями: музыкой, пѣніемъ, разсказами и импровизированными представленіями лучшихъ актеровъ, чтеніемъ не напечатанныхъ стихотвореній и приготовлявшихся къ печати беллетристическихъ произведеній, читавшихся самими творцами ихъ, и проч. И за это все слѣдуетъ благодарить, и я благодарю. Но не это я имѣю въ виду. Главнымъ образомъ я благодарю Васъ за тѣ задушевныя бесѣды, въ которыхъ между прочимъ Вы съ такимъ жаромъ, одушевленіемъ, любовью, даже восторгомъ говорили о людяхъ, которые были дороги намъ и которымъ принадлежала вся наша любовь. Дѣйствительно, чрезвычайно пріятно было видѣть въ Васъ, человѣкѣ извѣстнаго поколѣнія, которое

враждебно и въ лучшемъ случаѣ недовѣрчиво относилось къ новому времени, столько юношескаго жара и увлеченія первыми представителями и руководителями этого времени. Если даже это увлеченіе было лицемѣрно, если Вы просто только играли роль, то во всякомъ случаѣ Вы играли ее превосходно и ваша игра дѣйствовала не дурно на окружавшихъ зрителей, въ томъ числѣ и на меня; она оживляла наши собственныя мысли и чувства. И какъ же не благодарить Васъ за это? Кромѣ того во всѣхъ случаяхъ, когда бывало выскажется какая нибудь либеральная мысль, или кому нибудь придетъ въ голову какой нибудь смѣлый литературный планъ, Вы прежде всѣхъ поддерживали эту мысль и этотъ планъ; другіе бывало медлятъ, обсуждаютъ, представляютъ сомнѣнія и возраженія, но Вы прямо и съ увлеченіемъ отдаетесь плану, поддерживаете его, одобряете и т. д. Конечно все это происходило только на словахъ и планы рѣдко переходили въ дѣло; но тѣмъ не менѣе ваше, хотя и словесное мужество, возбуждало мужество и поддерживало бодрость въ окружавшихъ и слушавшихъ Васъ, въ числѣ которыхъ приходилось бывать и мнѣ; за это я и считаю себя обязаннымъ благодарностью Вамъ. Иногда впрочемъ этой бодрости наносились чувствительные удары, и она падала тѣмъ ниже, чѣмъ выше подымалась прежде вслѣдствіе однихъ искусственныхъ словесныхъ возбужденій; но это уже изнанка предмета, которой я здѣсь не хочу касаться.

Поблагодаривъ Васъ за все, за что я чувствую благо-

дарность, я съ своей стороны прошу Васъ не поминать меня лихомъ во всемъ, что входило въ сферу нашихъ частныхъ личныхъ сношеній.

ГЛАВА II.

Разрывъ Некрасова съ Краевскимъ. — Причины его. — Пророчество Бѣлинскаго. — Возвышеніе «Современника» вслѣдствіе вступленія въ него новыхъ дѣятелей. — Польза, извлеченная изъ нихъ Некрасовымъ и его отреченіе отъ нихъ. — Экономическая бѣдность «Современника», оказавшаяся богатствомъ.

Ваша замѣтная литературная дѣятельность и литературная репутація начинается вашимъ разрывомъ съ г. Краевскимъ, которому какъ будто суждено играть роковую роль въ вашей литературной судьбѣ; этотъ разрывъ послѣдовалъ въ 1846 году. Въ то время уже вполнѣ сложилась и установилась литературная физіономія г. Краевскаго. Уже тогда молодые литераторы, сотрудничавшіе въ „Отечественныхъ Запискахъ“, видѣли, что г. Краевскій есть существо бездарное, ничего не смыслящее въ дѣлѣ литературы, не умѣющее отличить Бѣлинскаго отъ какого нибудь слабоумнаго писаки, что собственно до литературы и литературныхъ убѣжденій, никогда не бывавшихъ въ его головѣ, ему не было никакого дѣла, что онъ исключительно имѣлъ въ виду меркантильные разсчеты, грубо эксплуатировалъ дарови-

тыхъ людей, пользуясь ихъ деликатностью, совѣстливостью и крайней неопытностью въ денежныхъ дѣлахъ, что онъ былъ самый тугой безцеремонный кулакъ, причинявшій много моральныхъ страданій людямъ, обогащавшимъ его своими трудами и дарованіями. Объ этомъ мы находимъ любопытныя и драгоцѣнныя свидѣтельства въ „Воспоминаніяхъ" И. И. Панаева. Когда Бѣлинскій поступилъ въ „Отечественныя Записки" и внесъ въ нихъ совершенно новое направленіе, то г. Краевскій даже не замѣтилъ этого, а потомъ замѣтивши былъ недоволенъ въ первую минуту, но наконецъ успокоился и примирился съ этимъ направленіемъ; и Панаевъ объясняетъ это такъ:

«Въ области мысли Краевскій не былъ такъ силенъ, какъ въ области денежныхъ разсчетовъ, и долженъ былъ безусловно покориться Бѣлинскому; ему также легко было промѣнять свой прежній образъ мыслей на новый, какъ выпить стаканъ воды... Къ тому же новое направленіе, можетъ быть, еще обѣщало усиленіе подписки («Современникъ», 1861. № XI. 54—5).»

«Отношеніе Бѣлинскаго къ г. Краевскому съ каждымъ днемъ становилось тяжелѣе... Г. Краевскій сдѣлалъ какую-то ничтожную прибавку къ его платѣ послѣ его женитьбы, все еще ссылаясь на свое стѣсненное положеніе и на долги...

«—Боже мой, если бы я могъ освободиться отъ этого человѣка, говорилъ намъ Бѣлинскій: —я былъ бы, мнѣ кажется, счастливѣйшимъ смертнымъ. Ходить мнѣ къ нему, любезничать, улыбаться, въ ту минуту, когда дрожишь отъ злобы и негодованія,—это подлое лицемѣріе невыносимо для меня. А между тѣмъ, что мнѣ дѣлать?... гдѣ выходъ изъ этого положенія?... Если бы вы только могли вообразить, съ какимъ ощущеніемъ я всякій разъ иду къ нему за своими собственными, трудовыми, въ потѣ лица выработанными деньгами!

«Краевскій, продолжаетъ Панаевъ, всѣхъ насъ въ душѣ своей

считалъ мальчишками, по крайней мѣрѣ это презрительное слово, говорятъ, вырвалось у него въ минуту гнѣва противъ насъ...

«И мы были дѣйствительно мальчишками, и первымъ мальчишкой изъ насъ былъ Бѣлинскій. Не сознавая того, что г. Краевскій, при пособіи своихъ друзей, *—ва и М—а, не могъ бы продержаться болѣе двухъ лѣтъ съ своимъ журналомъ,—Бѣлинскій и всѣ мы съ чего-то воображали, на-оборотъ, что мы зависимъ отъ г. Краевскаго, что намъ нѣтъ безъ него спасенія и наперерывъ другъ передъ другомъ, за ничтожную плату, а нѣкоторые совсѣмъ безкорыстно, употребляли всѣ, Богомъ данныя намъ способности—для обогащенія г. Краевскаго. Лишенные всякаго практическаго смысла, не находя въ себѣ достаточно самостоятельности, мы создали себѣ кумиръ, украшали его своими приношеніями и жертвами, кланялись ему, дорожили его вниманіемъ, даже робѣли передъ нимъ, и если осмѣливались роптать на него, то изподтишка.

«Какъ же винить кумира за то, что онъ умѣлъ ловко пользоваться положеніемъ, въ которое его поставили неопытные въ дѣлахъ житейскихъ юноши?

«Всѣ кумиры—и гораздо позначительнѣе, обыкновенно поступаютъ такъ....

«Если бы Бѣлинскій и друзья его, выносившіе «Отечественныя Записки» на своихъ плечахъ, въ одинъ прекрасный день, вдругъ одушевились энергіей, въ полномъ сознаніи своихъ силъ пришли къ г. Краевскому, какъ власть имѣющіе, и сказали бы ему:

«Милостивый государь! До сихъ поръ мы, по нашей молодости, подчинялись вашей силѣ, которую мы сами же развили въ васъ нашимъ добровольнымъ подчиненіемъ вамъ и отреченіемъ отъ собственной воли. Теперь мы сознали, что вы собственно ничего, что вы не имѣете самостоятельной духовной силы, а держитесь на поприщѣ журналистики только Бѣлинскимъ и его кружкомъ. Силу, вамъ данную имъ, вы употребляли до сихъ поръ исключительно только для своей личной выгоды.... Мы чувствуемъ теперь, что можемъ обойтись и безъ васъ.... Вотъ вамъ ваши «Отечественныя Записки», — управляйтесь съ ними, какъ хотите....»

«Что бы отвѣчалъ г. Краевскій на такую геройскую, неожиданную выходку?

«Онъ, какъ всякій человѣкъ въ крайнемъ положеніи, вѣроятно, струхнулъ бы, сталъ бы увѣрять, что никогда никого не думалъ притѣснять, что онъ всегда считалъ Бѣлинскаго своимъ спасителемъ, предлагалъ бы ему различныя уступки и, въ случаѣ упорства Бѣлинскаго, вѣроятно принялъ бы его въ половинную долю, какъ это онъ сдѣлалъ въ наши дни съ г. Дудышкинымъ.

«Бѣлинскій, конечно, растрогался бы этимъ и согласился, не разсчитавъ того, что вся матеріальная часть журнала осталась бы все-таки на рукахъ г. Краевскаго — и онъ могъ, какъ человѣкъ ловкій и практическій, выводить Бѣлинскому къ концу года какіе угодно счеты. Все-таки положеніе Бѣлинскаго при этомъ значительно улучшилось бы.

«Но ни Бѣлинскому и никому изъ нихъ не приходила такая дерзость въ голову, да если бы и пришла кому-нибудь, то не могла бы осуществиться, потому что вообще въ насъ, русскихъ людяхъ, нетолько не было тогда, но и до сихъ поръ нѣтъ ни малѣйшаго единодушія, никакого esprit de corps, потому что мы до сихъ поръ только герои на словахъ, а трусы на дѣлѣ.

«Если бы Бѣлинскому и пришла мысль открыто возстать противъ г. Краевскаго, —то онъ навѣрно бы встрѣтилъ противорѣчіе въ своихъ друзьяхъ (да', между друзьями непремѣнно отыщется хоть одинъ Іуда-предатель, который во время стачки забѣжитъ заднимъ ходомъ къ хозяину, сбавитъ немножко, и по уменьшонной цѣнѣ продастъ свою душу) и не успѣлъ бы согласить ихъ на свой подвигъ....

«Вотъ отчего разнаго рода практики торжествуютъ въ семъ мірѣ и преспокойно загребаютъ жаръ чужими руками, еще прикидываясь подъ-часъ либералами и толкуя о гуманизмѣ» (Соврем. 1861. № XI. 61—4).

Правда, сущая правда! Загребаютъ, и прикидываются при этомъ не только либералами, а даже радикалами, и тутъ же проливаютъ еще гражданскія слезы.

Изъ всѣхъ литераторовъ, работавшихъ на г. Краев-

скаго, только одни Вы, Николай Алексѣевичъ, уже тогда „обнаруживали смѣлый практическій взглядъ не по лѣтамъ“, какъ говоритъ Панаевъ, взглядъ, который рѣдко встрѣчается въ поэтахъ; только Вы одни были также сильны въ области денежныхъ разсчетовъ, какъ и г. Краевскій; только Вы одни могли помѣряться съ нимъ финансовою сообразительностью и удачнымъ прожектерствомъ. Видя все это, проницательный Бѣлинскій сдѣлалъ о Васъ слѣдующее замѣчательное пророчество, сохраненное Панаевымъ:

„Некрасовъ пойдетъ далеко.... Это не то, что мы.... Онъ наживетъ себѣ капиталецъ!“

Понимая лучше всѣхъ замыслы г. Краевскаго, Вы не только сами не поддавались ему, но еще и другихъ возбуждали не поддаваться, запрашивать съ него какъ можно больше и не уступать ничего. Наконецъ Вы рѣшились совершенно отложиться отъ г. Краевскаго и завести новый журналъ; дѣйствительно, соединившись съ Панаевымъ, Вы взяли себѣ (въ 1847 г.) „Современникъ“.

Оставивши „Отечественныя Записки“, Вы показали, что отрекаетесь отъ г. Краевскаго, отъ всѣхъ дѣлъ его, отъ служенія ему, отъ духа его, отъ системы его дѣйствій по журналистикѣ, что Вы не хотите быть кулакомъ, что Вамъ напротивъ дороже всего литературные интересы. За Вами ушли и присоединились къ вашему журналу всѣ лучшіе литераторы того времени, такъ много вытерпѣвшіе отъ меркантильности г. Краевскаго; никто

изъ нихъ не могъ предполагать, что въ вашемъ журналѣ измѣнится только сцена, обстановка, дѣйствующія лица, но что сущность разыгрываемой пьесы, отношеніе между ролями дѣйствующихъ лицъ останется тоже, что въ „Отечественныхъ Запискахъ", что Вы будете играть роль Краевскаго, а другія дѣйствующія лица останутся на прежнемъ положеніи.

Литературная борьба, которую Вы вели противъ г. Краевскаго и „Отечественныхъ Записокъ", была искусна и до нѣкоторой степени успѣшна, хотя она и не доставила „Современнику" замѣтнаго перевѣса надъ „Отечественными Записками". Благодаря трудамъ Бѣлинскаго, Искандера, повѣстямъ Тургенева, Гончарова, „Современникъ" сразу сталъ наравнѣ съ „Отечественными Записками", и первенство между ними колебалось долго, не доставаясь ни одному, именно до тѣхъ поръ, пока не явились на поприщѣ литературы свѣжія и могучія силы и при томъ не беллетристы, въ родѣ Тургенева и Гончарова, которыми долго располагалъ вашъ журналъ, но критики и мыслители въ родѣ Бѣлинскаго и Искандера, которыхъ скоро не стало въ вашемъ журналѣ.

Когда явились подобныя силы, Вамъ удалось пріобрѣсти ихъ для вашего журнала; сначала Чернышевскій, а потомъ Добролюбовъ вмѣстѣ сдѣлались руководителями и направителями „Современника". Г. Краевскій былъ побѣжденъ, его „Отечественныя Записки" падали все ниже и ниже, по мѣрѣ того, какъ возвышался вашъ „Современникъ", который имѣлъ блестящій невиданный

дотолѣ успѣхъ. Онъ со славою сталъ во главѣ литературы, сдѣлался ея руководителемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ просто повелителемъ. Слава его озарила своимъ отблескомъ и Васъ; Вы стояли передъ Краевскимъ какъ ангелъ свѣта передъ ангеломъ тьмы, и кто бы повѣрилъ тогда, если бы сказали, что въ душѣ Вы Краевскій и черезъ нѣсколько лѣтъ сольетесь съ нимъ во едино!

Ваша связь съ упомянутыми выше литературными дѣятелями, кромѣ матеріальныхъ выгодъ, приготовлявшихъ исполненіе пророчества Бѣлинскаго, принесла Вамъ громадную поэтическо-гражданскую выгоду. Всѣ ваши лучшія по мысли стихотворенія относятся къ періоду вашихъ сношеній съ этими дѣятелями, и навѣрное навѣяны ими; ваша муза, воспитываемая ихъ вліяніемъ, приняла новое направленіе. Не помню гдѣ, какой-то критикъ сказалъ, что ваши стихотворенія — это переложенныя въ стихи статьи Добролюбова. Конечно это не точно, преувеличенно, но мысль лежащая въ основаніи этихъ словъ вполнѣ вѣрна. Вы обладаете удивительною способностью пользоваться чужими мыслями для своихъ стихотвореній, какъ вашъ другъ г. Краевскій обладаетъ, по словамъ Панаева, соотвѣтствующею способностью пользоваться чужими трудами для своего обогащенія. По нерѣдкимъ рѣшительнымъ опытамъ я убѣился, до какой степени Вы чувствительны и воспріимчивы къ болѣе или менѣе оригинальнымъ мыслямъ и чувствамъ, выражаемымъ другими; Вы ихъ ловите такъ сказать на лету; для Васъ

достаточно одного намека. Затѣмъ уже собственною самостоятельною дѣятельностью Вы составляете внѣшнія формы и поэтическіе образы для выраженія этихъ мыслей и чувствъ. Оттого-то въ вашихъ стихотвореніяхъ иногда попадаются несоотвѣтствія между содержаніемъ и формой, натяжки, тяжеловатость стиха, неуклюжесть, какая-то деревянистая беззвучность; такъ и видно, что въ этихъ случаяхъ выражаемое Вами не пережито и не перечувствовано Вами самими, что мысль не органически родилась въ Васъ; потому что еслибы Вы сами родили ее, то она вылетала бы свободно, легко, сама себѣ нашла бы дорогу наружу, сама пріискала бы себѣ соотвѣтствующую форму и летѣла бы впереди стиховъ, давая имъ быстроту и звучность; у Васъ же напротивъ, мысль взята, заимствована, и Вы трудитесь, натужитесь, какъ бы ее облечь въ приличную форму, на которой конечно въ такихъ случаяхъ и видны слѣдствія натугъ. Я увѣренъ, Вы сами признаете справедливость этого замѣчанія и не откажете ему въ проницательности. Кромѣ того это замѣчаніе подтверждается еще тѣмъ, что Вамъ также легко перестроить свою лиру на совершенно новый ладъ, какъ вашему другу, г. Краевскому, „легко промѣнять прежній образъ мыслей на новый“; что Вы съ одинаковымъ увлеченіемъ и искусствомъ можете и восхвалять и порицать одинъ и тотъ же предметъ, что Вамъ ничего не стоитъ сегодня метать на лирѣ громы гражданскаго негодованія въ какого нибудь вельможу, швейцаръ котораго отогналъ отъ его параднаго подъѣзда „деревен-

скихъ русскихъ людей", а завтра на той же лирѣ рабски льстить ему и прославлять его доблести восторженнымъ мадригаломъ*); что Вамъ нужна только тема, какова бы она ни была, а Вы ужъ обработаете ее поэтически. Иногда даже самая поэтическая обработка у Васъ заимствованная; поэтическіе образы и картины, встрѣчавшіяся на жизненномъ пути другимъ, иногда воспроизводятся Вами такъ, какъ будто бы они принадлежали вашей собственной жизни и самостоятельно подмѣчены Вами

---

*) Кстати о «Парадномъ подъѣздѣ». Вотъ изъ него образчикъ легкости и силы вашего стиха; Вы говорите, что возвращаясь отъ вельможи,

Возвращаясь *иной* напѣваетъ «трамъ-трамъ» (для рифмы: «по утрамъ»),
А иные просители *плачутъ.*
Разъ, я видѣлъ, сюда мужики подошли,
Деревенскіе русскіе люди,
Помолились на церковь и стали вдали,
Свѣсивъ *русыя головы* къ груди.

Подобная вещь дурна даже для прозы, хуже всякой пародіи; у Добролюбова, когда онъ для пародіи перекладывалъ публицистическія статьи въ стихи, эти стихи всегда бывали лучше приведенныхъ. Вамъ непремѣнно хотѣлось сказать какой нибудь комплиментъ мужикамъ, меньшей братіи; и вотъ, должно быть, послѣ не короткаго раздумья, Вы возвеличили ихъ, сказавши «*деревенскіе русскіе люди*» — стихъ ничего не означающій, ничего не выражающій и наконецъ дубовый. Но эта тема могла бы завлечь меня далеко; да она и не строго относится къ дѣлу. Помните только, что я говорю *иногда*, а не всегда; потому что есть же у Васъ и удачные стихи.

самими. Но я не могу говорить объ этомъ съ твердою увѣренностью, такъ какъ для этого у меня мало опытовъ и доказательствъ.

Все вышесказанное отнюдь не можетъ служить къ вашему охужденію. Это напротивъ дѣлаетъ Вамъ честь, что Вы такъ чутки и воспріимчивы къ чужимъ хорошимъ мыслямъ. Другому вдалбливаютъ, вбиваютъ въ голову какія нибудь внушенія и мысли, а онъ и тогда не можетъ усвоить ихъ; Вы же сразу завладѣвали оригинальными идеями, которыя, иногда даже случайно, развивали передъ Вами богатые оригинальностью и свѣтлыми гуманными взглядами направители вашего журнала, такъ высоко его поставившіе. Одно только жаль, что Вы заимствовались отъ нихъ мыслями, но не моральными принципами и притомъ только на прокатъ, для стихотвореній и печати, а не для практики и жизни.

Итакъ вашъ журналъ стоялъ на верху славы и величія; Вы благоденствовали и либеральничали; изъ подъ вашего пера выходили даже самыя радикальныя стихотворенія. Солнце ярко свѣтило Вамъ; былъ свѣжій попутно-либеральный вѣтеръ; все шло прекрасно какъ по маслу... Вдругъ налетѣла мрачная туча, грянулъ громъ и молнія ударила въ вашъ журналъ, который лишился руководителя; пришло время испытанія для вашего либерализма и вашего гражданскаго мужества. Въ эту страшную минуту ваше мужество, говорятъ, поколебалось. Разсказываютъ, что Вы въ одномъ собраніи формально отрекались отъ вашихъ сотрудниковъ, высоко поднявшихъ и

обогатившихъ вашъ журналъ, утверждали, что Вы ни душою ни тѣломъ не повинны въ томъ, что дѣлалось въ вашемъ журналѣ, что они держали Васъ въ рукахъ (!), что они разстроили даже матеріальную часть журнала (!!), что Вы давно хотѣли, но не могли отдѣлаться отъ нихъ, что Вы рады, что наконецъ были избавлены отъ нихъ хоть такимъ образомъ, и т. д. въ этомъ родѣ. Когда эти слухи дошли до нашей горсти друзей, въ то время начинавшихъ литераторовъ, то мы рѣшили, на основаніи ихъ, что Вы покаялись, исправились, бросили свой прежній либерализмъ, перестроили свою лиру и вознамѣрились быть благонамѣреннымъ поэтомъ, который будетъ карать и съ корнемъ истреблять то, что прежде самъ же сѣялъ. Вслѣдствіе этого мы нашли себѣ другія мѣста и занятія, позабывъ и думать объ Васъ и о „Современникѣ", въ которомъ мы были до сихъ поръ случайными сотрудниками.

Но къ изумленію нашему, Вы снова обратились къ намъ и притомъ съ предложеніемъ, чтобы мы приняли постоянное сотрудничество въ „Современникѣ". Вашъ чувствительный барометръ показывалъ Вамъ, что состояніе атмосферы улучшилось, что тучи разсѣеваются, солнышко понемногу выглядываетъ и открывается возможность либеральничать по прежнему. Мы не скрыли отъ Васъ, сколь удивительно и неожиданно было для насъ ваше предложеніе, откровенно и прямо изложили передъ Вами приведенные слухи, указали даже источникъ ихъ и прежде чѣмъ дать отвѣтъ на ваше предложеніе, по-

требовали отъ Васъ объясненія на счетъ слуховъ. Я живо помню и до сихъ поръ, съ какимъ негодованіемъ, съ какою энергіей Вы протестовали противъ этихъ слуховъ и какъ горячо опровергали приписываемыя Вамъ въ нихъ слова. Я, въ то время еще совершенно не знавшій Васъ, сразу увѣровалъ въ вашу оклеветанную невинность; но слушавшій вмѣстѣ со мною товарищъ мой былъ болѣе скептиченъ, предлагалъ разныя возраженія, недоумѣвалъ, съ чего могли взяться подобные слухи и проч. Послѣдовавшая затѣмъ ваша страстная рѣчь, произнесенная съ лихорадочнымъ жаромъ, чуть не со слезами на глазахъ, указавшая на множество вашихъ враговъ, въ томъ числѣ и на г. Краевскаго, какъ на вѣроятныхъ распространителей означенныхъ слуховъ, и заключенная выраженіемъ вашей любви и благодарности тѣмъ лицамъ, въ отреченіи отъ которыхъ Васъ обвиняли, тронула наконецъ тоже почти до слезъ и вполнѣ убѣдила моего скептическаго товарища. Мы рѣшили, что Вы не намѣрены перестраивать своей лиры и не отрекаетесь отъ своихъ прежнихъ дѣяній; мой товарищъ говорилъ: „нѣтъ, такъ нельзя прикидываться; лицемѣрящій человѣкъ такъ не можетъ говорить“, — въ чемъ я вполнѣ соглашался съ нимъ. Не знаю, какъ думаетъ объ этомъ мой товарищъ теперь, но я съ своей стороны убѣдился, что для ловкаго человѣка все возможно, что искусный лицедѣй можетъ растрогаться до слезъ даже по поводу Гекубы. Такому убѣжденію между прочимъ содѣйствовало ваше вторичное отреченіе отъ вашей прежней лиры, отъ вашихъ дѣй-

ствій и мыслей, на этотъ разъ къ счастью засвидѣтельствованное формально и печатно.

Итакъ мы вступили въ литературный союзъ съ Вами; и съ этого только времени начались между нами близкія сношенія. Нашъ кружокъ не могъ удержать „Современникъ“ на прежней высотѣ, но и не очень низко спустилъ его съ этой высоты и во всякомъ случаѣ поддержалъ его перевѣсъ и превосходство надъ „Отечественными Записками“.

Въ это время г. Краевскій, который олицетворялъ собою съ 1846 года типъ журналиста, старающагося добиться литературнымъ путемъ вовсе не литературныхъ цѣлей, старался захватить въ литературѣ побольше мѣста и вліянія, основалъ еще новый органъ для распространенія того литературнаго растлѣнія, котораго и безъ того было довольно. Противодѣйствіе вреднымъ замысламъ и вліянію г. Краевскаго „Современникъ“ считалъ одною изъ своихъ непосредственныхъ задачъ; Вы сами одушевлялись этой задачей и своими забавными разсказами объ Андреѣ еще болѣе уясняли намъ г. Краевскаго, т. е. не его лично, а олицетворяемый имъ типъ литературнаго кулачества, для достиженія своихъ цѣлей готоваго на все, на какое угодно лицемѣріе, клевету, выдумку, измѣну, на нарушеніе и поруганіе всего, что относится къ чести и совѣсти. И ужели же послѣ этого къ намъ могло закрасться въ голову хоть малѣйшее подозрѣніе относительно того, не принадлежите ли и Вы къ подобному типу?

Дѣла вашего журнала, повидимому, должны были идти хорошо; таково и было общее мнѣніе посторонних людей. Но Вы честнымъ словомъ вполнѣ убѣдили насъ, что вашъ журналъ рѣшительно ничего не приноситъ Вамъ, кромѣ заботъ, хлопотъ, огорченій и матеріальныхъ потерь, что для поддержанія его Вы должны дѣлать долги и т. д. Намъ было жалко Васъ, жалко вашего бѣдствующаго журнала; и мы съ настоящимъ овечьимъ самоотверженіемъ и преданностью отказывались сами, сами и добровольно, по вашему предложенію, отъ слѣдовавшихъ намъ по условію съ Вами крупныхъ суммъ, отказывались въ пользу бѣднаго журнала, т. е. въ вашу. Воображаю я, какъ Вы должны были смѣяться въ душѣ надъ этими овечками, которыя не только охотно дозволяютъ стричь себя, но еще считаютъ это подвигомъ съ своей стороны, поддержкой журнала и литературы. Я думаю въ вашемъ воображеніи тотчасъ же сформировалась преуморительная басня: „литературныя овечки, съ удовольствіемъ отдающія себя на стриженіе и съѣденіе литературнымъ волкамъ въ овечьей кожѣ“. Къ сожалѣнію Вы подобныя пьесы глубоко храните въ вашей душѣ, а для печати предпочитаете болѣе подходящіе къ вашему положенію тѣ ваши стишки, гдѣ Вы съ увлеченіемъ описываете, вѣроятно по собственному опыту, какъ пріятно страдать и носить „терновые вѣнки“ за идею. — Говорите послѣ этого, что подъ луною можетъ быть что нибудь новое; напротивъ, вся жизнь людей есть просто повтореніе одинаковыхъ старыхъ исторій. Вспомните, что

говорилъ Панаевъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ о времени и положенія, бывшемъ лѣтъ 25 тому назадъ. „Всѣ мы съ чего-то воображали, что зависимъ отъ г. Краевскаго, что намъ нѣтъ безъ него спасенія и наперерывъ другъ передъ другомъ, за ничтожную плату, а нѣкоторые совсѣмъ безкорыстно, употребляли всѣ Богомъ данныя намъ способности — для обогащенія г. Краевскаго“.

Во все время въ вашемъ журналѣ господствовало полное согласіе и единодушіе; не было ни внѣшнихъ, ни внутреннихъ раздоровъ; у насъ были общія цѣли и стремленія, желанія и надежды; даже эти противные матеріальные интересы не нарушали нашего добраго согласія. Мы работали дружно и были дружны съ Вами даже въ личныхъ отношеніяхъ. Одно только маленькое облако недоумѣнія смущало насъ. Мы не могли не замѣтить, что Вы вращаетесь постоянно въ двухъ полярно противоположныхъ сферахъ, т. е. въ нашей и другой, такъ называемой высшей, которая была не только противоположна, но еще и враждебна нашей, и находитесь съ нею даже въ амикальныхъ отношеніяхъ, будучи въ дружбѣ съ нами. Приходя къ Вамъ въ редакціонную комнату, мы иногда на столѣ среди кипы либеральныхъ и задирательныхъ статей встрѣчали визитныя карточки съ именами такихъ особъ, что статьи въ ужасѣ задрожали бы и спрятали имена своихъ авторовъ, если бы могли знать, съ какою карточкой они лежатъ рядомъ, и съ своей стороны карточка особы устыдилась бы и прониклась пре-

зрѣніемъ, еслибъ могла знать, въ какомъ сосѣдствѣ она лежитъ. Мы думали, что это просто дѣло вашего личнаго вкуса, слѣдствіе естественнаго желанія имѣть разнообразныя развлеченія, которыми ужъ через-чуръ была бѣдна наша сфера. Но потомъ мы, съ своею проницательностью, еще лучше объяснили дѣло; мы рѣшили, что Вы витаете въ высшей сферѣ неохотно, по необходимости, чтобы хорошенько изучить ее и потомъ бичевать въ сатирахъ, что Вы собираете въ ней оригиналы для своихъ поэтическихъ каррикатуръ. Эта наша геніальная догадка подтверждалась тѣмъ, что Вы дѣйствительно читывали намъ сатиры на эту сферу, хотя и воздерживались отъ печатанія ихъ. Такое поэтическое самоотверженіе, насильно гнавшее Васъ въ сферу, столь несоотвѣтствующую вашимъ поэтическимъ идеаламъ, и столь несимпатичную вашей музѣ, съ любовью воспѣвавшей меньшую братію, мужиковъ, „деревенскихъ русскихъ людей", еще болѣе возвышало Васъ въ нашихъ глазахъ.

Наконецъ только въ послѣдніе годы у насъ стали выходить легкія размолвки при концѣ года. Г. Слѣпцовъ, извѣстный сочинитель мелкихъ разсказовъ, сталъ подбивать насъ на стачку и бунтъ противъ Васъ; помните, какъ Вы нѣкогда подбивали Бѣлинскаго противъ г. Краевскаго; онъ сталъ объяснять намъ, что журналъ вашъ поставленъ не такъ, какъ бы слѣдовало, что мы не должны поддаваться Вамъ, что мы должны предъявить Вамъ большія претензіи и требованія доли, что Вамъ уже слишкомъ хорошо отъ журнала и т. д. Мнѣ

было бы весьма непріятно, еслибы эта моя откровенность повредила г. Слѣпцову въ вашихъ глазахъ. Поэтому прошу Васъ, Николай Алексѣевичъ, простите ему этотъ старый грѣшокъ, какъ теперь г. Краевскій простилъ Вамъ; я думаю, онъ достаточно искупилъ его своею покорностью Вамъ; я надѣюсь, что онъ теперь не станетъ больше подбивать сотрудниковъ „Отечественныхъ Записокъ“ ни противъ Васъ, ни противъ г. Краевскаго. Эти и подобныя внушенія г. Слѣпцова, какъ нѣкогда внушенія райскаго змія, смутили наивную довѣрчивость и безпритязательную услужливость нашихъ душъ. Мы стали роптать на Васъ сначала „изподтишка“, точь въ точь какъ нѣкогда Бѣлинскій, Панаевъ, Вы и весь вашъ кружокъ роптали на г. Краевскаго. Потомъ нашъ ропотъ осмѣлился дойти и до Васъ. Вы нисколько не смутились имъ; Вы — нужно это сказать къ чести вашей — предложили намъ, совершенно добровольно и безъ всякаго съ нашей стороны требованія, самимъ убѣдиться въ положеніи журнала и документально разобрать дѣла его. Мы воспользовались вашимъ предупредительнымъ предложеніемъ, и дѣйствительно нашли, что вашъ журналъ почти ежегодно былъ обременяемъ 20-ю тысячами чистаго дохода и что на немъ лежало не мало долговъ, но такихъ долговъ, которые всякій съ великимъ удовольствіемъ согласился бы взять на себя, потому что они были съ плюсомъ. Г. Елисеевъ можетъ Вамъ удовлетворительно разъяснить эти долги; вѣроятно онъ не забылъ объ нихъ; потому что въ то время онъ очень

зло и забавно комментировалъ эти долги и съ удовольствіемъ соглашался взять ихъ на себя, также какъ и всѣ мы.

Эта исторія весьма сильно смутила насъ; наша довѣрчивость поколебалась; многое въ нашихъ головахъ перевернулось вверхъ ногами; червь сомнѣнія закрался въ наши умы. Какъ только начало работать сомнѣніе, оно тотчасъ же освѣтило прежде темную для насъ область; глаза наши раскрылись на многое; и мы сами стали смѣяться надъ нашею прежнею проницательностью. Тогда-то наконецъ разъяснилось для насъ и ваше витаніе въ высшихъ сферахъ, — пунктъ, имѣвшій и имѣющій большое вліяніе на нашу и вашу судьбу.

ГЛАВА III.

Некрасовъ старается свалить всю вину либерализма на своихъ сотрудниковъ и успѣваетъ въ этомъ. — Его одновременное служеніе двумъ противоположнымъ партіямъ. — Выгоды его положенія. — Формальный и моральный судъ надъ его сотрудниками.— Оцѣнка положенія Некрасова и его сотрудниковъ.—Опроверженіе предполагаемыхъ возраженій. — Наша отставка. — Нѣсколько общихъ замѣчаній о перемѣнѣ убѣжденій и ренегатствѣ.

Ни размолвки между нами и Вами, происходившія вслѣдствіе подстрекательствъ г. Слѣпцова, ни сюрпризы открытые нами въ положеніи журнала не поколебали глубоко нашихъ отношеній съ Вами; они только поубавили нашу довѣрчивость, но не поселили въ насъ никакой

враждебности и не разорвали нашихъ связей. Мы не придавали своимъ требованіямъ и претензіямъ на долю большой важности, не дѣлали изъ нихъ „кабинетскаго“ вопроса, — что доказывается тѣмъ, что журналъ до послѣдняго времени оставался на старомъ положеніи, безъ доли для насъ. Можетъ быть наша заработная плата была недостаточна, если сопоставлять ее съ тѣмъ, что Вы получали и смотрѣть на дѣло такъ, что мы были такіе же дѣятели въ журналѣ, какъ и Вы; но съ точки зрѣнія обыкновенныхъ общепринятыхъ условій литературно экономическаго производства она была достаточна, — это я всегда скажу; и ни въ какомъ случаѣ не была ничтожна, каковою бывала плата сотрудниковъ г. Краевскаго, какъ жаловался Панаевъ. Вы—нужно это сказать къ чести вашей — не очень прижимали насъ, а именно столько, сколько позволяла это наша же собственная наивная податливость.

Но насъ очень и очень непріятно поразило и оттолкнуло отъ Васъ открытіе другаго факта, который можетъ быть существовалъ уже давно, но открытъ былъ нами въ послѣднее время нашихъ сношеній, когда во второй разъ представилось испытаніе для вашего гражданскаго мужества. Это крупный фактъ, любопытно характеризующій наши общественныя отношенія и нашу общественную совѣсть и мораль. Вопреки всѣмъ нашимъ геніальнымъ соображеніямъ и проницательнымъ догадкамъ оказалось, что Вы витаете въ высшей сферѣ вовсе не для сатиры и каррикатуръ, а для совершенно противо-

*

положныхъ цѣлей, и подъ рукой распускаете въ ней тѣ же самыя мысли, которыя приписывались Вамъ послѣ первой остановки вашего журнала и отъ которыхъ Вы отрекались съ такой энергіей. Оказалось, что Вы дѣйствительно по прежнему прикидываетесь казанскимъ сиротой, который на счетъ либерализма ничего знать не знаетъ и вѣдать не вѣдаетъ, который не повиненъ ни душой, ни тѣломъ въ прегрѣшеніяхъ либеральнаго журнала, представляете дѣло такъ, какъ будто весь либерализмъ проистекаетъ только отъ вашихъ сотрудниковъ. которые такъ ловки и изворотливы, что умѣютъ замаскировать и скрыть свои либеральныя литературныя затѣи и проказы отъ самыхъ зоркихъ глазъ, что Вы не можете справиться съ ними, что, напротивъ, они Васъ держатъ въ рукахъ, и проч., и проч. Неизвѣстно, какъ при этомъ объяснялось существованіе вашихъ либерально-забористыхъ стихотвореній; вѣроятно ихъ тоже писали ваши сотрудники и насильно заставляли Васъ подписываться подъ ними. Какъ бы то ни было, но только у высокопоставленныхъ лицъ, имѣвшихъ въ своемъ вѣденіи литературу, сложилось такое убѣжденіе: „Некрасовъ благонамѣреннѣйшій и надежнѣйшій литераторъ; все зло происходитъ отъ его „генеральнаго штаба“, который, пользуясь невнимательностью или оплошностью своего патрона, распространяетъ непохвальный крайній либерализмъ; впрочемъ Некрасовъ все-таки обуздываетъ и сдерживаетъ своихъ сотрудниковъ и потому они въ его уздѣ еще могутъ быть терпимы, а безъ этого, предостав-

ленные самимъ себѣ, они... и т. д.“ Вотъ оно какъ дѣло повернулось! Сказанное мною не выдумка, не предположеніе и догадка, не слухъ или сплетня, а фактъ, фактъ дѣйствительный, неопровержимый, непреложный, фактъ, котораго и Вы не станете отрицать, а можете сказать только одно, что онъ совершился безъ вашего участія и произведенъ не Вами. Можетъ быть; дальше посмотримъ.

Я думаю, что будетъ не слишкомъ смѣлымъ и невѣроятнымъ предположеніе, что приведенное убѣжденіе высокопоставленныхъ лицъ вполнѣ раздѣлялось лицами менѣе высокопоставленными и стоящими на низшихъ, прямо соприкасающихся съ литературою ступеняхъ. Кто знаетъ іерархическія отношенія, тому это предположеніе покажется истиннымъ.

По мѣрѣ того, какъ репутація большаго либерала становилась все непріятнѣе и стѣснительнѣе, Вы все съ большимъ и большимъ упорствомъ пропагандировали въ извѣстной сферѣ мысль, что Вы ни мало не повинны въ либеральныхъ грѣхахъ вашего журнала, что Вы даже сами не знаете, куда стремится вашъ журналъ, и когда Вамъ стали говорить, что онъ стремился въ непохвальную сторону, то Вы поторопились отречься отъ него, отъ его духа и направленія, и свое ренегатство засвидѣтельствовали, къ счастью, формальнымъ актомъ, въ стишкахъ, которыхъ впрочемъ Вы, по свойственному Вамъ благоразумію, не напечатали, потому что Вамъ хотѣлось скрыть отъ публики, что Вы превратились въ такого же подблюднаго поэта, какимъ былъ Майковъ,

и даже, пожалуй, похуже, потому что послѣдній никогда особенно не либеральничалъ и не возставалъ, какъ Вы, противъ подблюдныхъ льстецовъ. Одно ренегатство — это было бы еще ничего, или не очень много. Но Вы при этомъ еще хотѣли свалить вину на другихъ; Вамъ захотѣлось еще подуськивать на другихъ, въ доказательство вашей невинности; существуетъ-де большое зло и его нужно истребить съ корнемъ. Это пріемъ уже весьма некрасивый и непоэтическій, возбудившій, говорятъ, презрѣніе даже въ тѣхъ, передъ которыми Вы виляли хвостомъ. Какъ бы то ни было, Вы достигли цѣли: за Вами въ извѣстной сферѣ утвердилась еще больше ваша репутація, какъ благонамѣреннаго піиты, который воспѣваетъ кротость, покорность и всякія доблести и бичуетъ продерзость, ослушаніе и крамолу.

Посмотрите, какъ все это прекрасно характеризуетъ наше такъ называемое общество и въ какомъ свѣтѣ представляетъ его развитость, политическую чуткость и опытность. Двѣ противоположныя партіи или, точнѣе, двѣ разныя сферы, два противоположные полюса, считаютъ одного и того же человѣка въ одно и тоже время своимъ; и та и другая видятъ въ немъ своего выразителя, своего пѣвца, своего бойца на лирѣ. Для одной онъ поэтъ-гражданинъ, гордый проповѣдникъ непреклонной независимости, „терновыхъ вѣнцовъ“ и т. д.; а для другой онъ стихотворецъ-музыкантъ, могущій служить однимъ изъ украшеній и развлеченій на парадныхъ обѣдахъ, официантскій article изъ того прибора, который

называется „литературой на обѣдѣ" и который недавно и такъ смѣшительно былъ описанъ въ „Отечественныхъ Запискахъ", впрочемъ безъ упоминанія объ Васъ. И той и другой онъ удовлетворяетъ одинаково удачно; отъ той и отъ другой онъ пользуется одинаковой поддержкой. Это уже естественно, и всегда такъ бываетъ, что ласковый теленокъ сосетъ у двухъ матокъ. Тутъ право не знаешь, чему больше удивляться: проницательности ли этихъ партій, такъ хорошо умѣющихъ отличать своихъ отъ не своихъ, друзей отъ недруговъ, или этому человѣку, съ нечеловѣческимъ искусствомъ и ловкостью умѣющему угодить и вашимъ и нашимъ, служащему въ одно время и свѣчкой и кочергой, и дѣлающему это съ такою вертуозностью, что даже окружающіе его и сотрудничающіе съ нимъ люди не скоро замѣчаютъ эту двойственную игру и добираются до ея смысла.

Но ваше завидное или, лучше сказать, незавидное счастье не ограничилось этимъ; фортуна подняла Васъ еще выше, на кульминирующую точку. Пользуясь выгодами вашихъ двухъ противуположныхъ репутацій, Вы не терпѣли невыгодъ ни одной изъ нихъ, — положеніе, лучше котораго уже ничего не можетъ быть. Вся либеральная слава и почести, всѣ видимыя и невидимыя, вещественныя и невещественныя блага, приносимыя либерализмомъ, сыпались обильно на вашу голову, вся гражданская жатва поступала въ ваши житницы; между тѣмъ отвѣтственности за либерализмъ Вы не несли никакой, она лежала на плечахъ и спинахъ у другихъ. Потому

что публика, благословляющая и награждающая либерализмъ, была вполнѣ убѣждена, что иниціатива и возбужденіе его принадлежатъ Вамъ и въ своемъ убѣжденіи опиралась на ваши напечатанныя стихотворенія; въ то время, какъ другая публика, не очень расположенная жаловать и баловать либерализмъ, была увѣрена, что вы неповинны въ немъ, что корень и вѣтви его лежатъ въ другихъ, и свою увѣренность основывала на вашихъ формальныхъ и не формальныхъ заявленіяхъ и на вашихъ ненапечатанныхъ стихотвореніяхъ. Такимъ образомъ и вышло, что Вы катаетесь, а другіе возятъ для Васъ саночки, Вы кушаете каштаны, которые для Васъ выгребаютъ изъ огня другіе, обжигая при этомъ свои пальцы, Вы испиваете сладкую медовую чашу либеральныхъ грѣховъ, а другіе расхлебываютъ за Васъ горькую чашу наказанія за эти грѣхи. Не знаю какъ называется этотъ пріемъ поэтически, можетъ быть гражданскимъ подвигомъ, а прозаически его можно назвать такъ, что мнѣ даже не хочется печатно употребить это названіе.

Даже вашъ другъ, ci-devant врагъ, г. Краевскій, находился въ менѣе завидномъ положеніи. Онъ прямо и открыто сталъ на одну сторону, искренно присталъ къ одной партіи и пользовался у ней репутаціей, уваженіемъ, покровительствомъ и пособіями; но за то уже не прикидывался либераломъ, не надѣвалъ радикальной кожи, не геройствовалъ граждански на словахъ. Либералы наши были такъ проницательны, что замѣтили это, не считали г. Краевскаго своимъ; они смотрѣли на него съ такимъ

негодованіемъ и презрѣніемъ, съ какимъ восторгомъ и благоговѣніемъ взирали на г. Некрасова. Мы сами, грѣшные люди, нѣкогда подсмѣивались надъ г. Краевскимъ, даже не подозрѣвая того, что между нами сидятъ люди не хуже его. Теперь Андрей Александровичъ имѣетъ право въ этомъ пунктѣ посмѣяться и на нашъ счетъ.— Есть у насъ еще только одинъ литературный либералъ и даже радикалъ, который идетъ по вашимъ стопамъ, Николай Алексѣевичъ, и держится вашей политики; это извѣстный г. Благосвѣтловъ. Но онъ ваша копія въ уменьшенномъ видѣ; онъ меньше калибромъ; онъ тоже слоняется въ разныя стороны, но только понемножку. Притомъ онъ уже нѣсколько выведенъ на чистую воду.

Не такъ давно весь читающій и даже нечитающій міръ, вся Россія видѣли знаменательное зрѣлище, наглядно представлявшее всю прелесть вашего положенія. Въ то время, какъ Вы сладко покоились на лаврахъ и розахъ, составлявшихъ жатву либерализма, два несчастныхъ субъекта, два главныхъ жнеца этихъ лавровъ и розъ въ это самое время отдувались за Васъ, фигурировали на скамьѣ осужденныхъ и на собственныхъ плечахъ выносили наказаніе за либерализмъ вашего журнала. Вольно же было имъ подставлять вмѣсто Васъ свои спины, скажете Вы, на то была ихъ добрая воля. Это правда; такъ и я думаю, такъ думали и всѣ; и на этомъ основаніи много потѣшались надъ этими субъектами: вотъ-де простофили, овечки. Отъ вашего сатирическаго взгляда тоже конечно не могла укрыться сатиричность положенія

этихъ добровольныхъ страдальцевъ за чужіе хрѣхи, хотя Вы, по вашему всегдашнему обыкновенію, сатиру спрятали въ себѣ, а напечатали какъ будто въ честь этимъ страдальцамъ оду, въ которой сквозь видный міру плачъ просвѣчиваетъ незримый, невѣдомый ему смѣхъ; хотя и тутъ Вы выдержали свой характеръ и ухитрились представить дѣло такъ, какъ будто это Вы сами лично подвергались суду, ажитаціямъ по поводу звонка, и терпѣли непріятности отъ блохъ, клоповъ и таракановъ. Вы говорите, что все это терпѣлъ поэтъ; всякій, незнающій дѣла, сейчасъ подумаетъ, что это Вы и скажетъ: бѣдненькій Некрасовъ! сколько онъ выстрадалъ для насъ! А оказывается, что этотъ Некрасовъ такъ далекъ былъ отъ этихъ непріятностей, какъ небо отъ земли, что онъ ихъ и въ глаза не видалъ. Это все выстрадали его сотрудники, подвергшіеся остротамъ насмѣшниковъ. Но при этомъ можно попросить всѣхъ этихъ насмѣшниковъ остановиться хоть на минуту и на томъ человѣкѣ, который такъ ловко эксплуатируетъ этихъ простаковъ и устраиваетъ дѣло такъ, что вся прелесть и сливки дѣла идутъ ему, а вся тяжесть его ложится на другихъ и подумать, не заслуживаетъ-ли и этотъ человѣкъ, если не смѣха, то какой нибудь другой награды и вѣнка за свое искуство.

Но не въ этомъ дѣло. Я хочу сказать вотъ что. Приведенный примѣръ суда и наказанія служитъ нагляднымъ выраженіемъ безчисленнаго множества другихъ менѣе наглядныхъ отношеній. Подобно этому видимому, формальному,

такъ сказать, осязательному суду съ его приговорами и наказаніями, существуетъ безчисленное множество другихъ судовъ моральныхъ, неформальныхъ, невидимыхъ, неуловимыхъ, но тѣмъ не менѣе дѣйствительныхъ, имѣющихъ весьма обширную почти необъятную область и таковую же компетенцію. Эти разнообразные, стоглазые и стоустые суды обнимаютъ и судятъ весь кругъ всѣхъ дѣйствій и отношеній человѣка; за каждымъ его шагомъ, за каждымъ движеніемъ непремѣнно слѣдитъ тотъ или другой изъ этихъ судовъ. Эти судѣ своею совокупностью составляютъ общественное мнѣніе публики, много значущей своимъ положеніемъ или вліяніемъ; они безпрестанно и непрерывно судятъ литературу и литераторовъ, быть можетъ, сами того не сознавая; произносятъ приговоры и опредѣляютъ наказанія тоже неуловимыя, незримыя, невещественныя, но всетаки дѣйствительныя и чувствительныя; мелкія и дробныя, но за то многочисленныя, поражающія каждую частицу, каждый пунктъ человѣческаго существа, дающія чувствовать себя на каждомъ шагу, при каждомъ движеніи.—Я и говорю, что и въ этомъ судѣ—съ г. Некрасовымъ и его бывшими сотрудниками почти ежедневно повторяется, только незримо для либеральной публики, таже самая исторія, которая происходила на глазахъ у всѣхъ въ формальномъ, видимомъ судѣ. Въ то время какъ г. Некрасовъ покоится на розахъ и пользуется даже благоволеніемъ неуловимаго неформальнаго суда, этотъ самый судъ обвиняетъ во всемъ его бывшихъ сотрудниковъ, на которыхъ и тяго-

тѣла поэтому кара наказаній, присуждаемыхъ этимъ судомъ. Отъ разнообразнѣйшихъ видовъ этихъ наказаній они не совсѣмъ еще освободились и до сихъ поръ и на каждомъ шагу встрѣчаютъ или запятую или даже точку съ запятой, между тѣмъ какъ г. Некрасовъ покоится безмятежно подъ смоковницей г. Краевскаго, союзъ съ которымъ служитъ для кого слѣдуетъ еще новой и вѣрнѣйшей порукой его благонамѣренности, и онъ можетъ смѣло увѣрять кого слѣдуетъ, что онъ началъ бы даже прямую борьбу противъ либерализма, еслибъ не боялся нападеній за это со стороны своихъ прежнихъ сотрудниковъ.

Скажите, Николай Алексѣевичъ, ужели справедливо подобное положеніе вещей? Видитъ Богъ, нѣтъ. Скажите, положа руку на сердце, ужели Вы не знали, что вашъ журналъ либеральничаетъ и не понимали его либерализма, ужели правда, что либеральничали только ваши сотрудники, безъ вашего вѣдома и воли? Не гораздо-ли справедливѣе будетъ сказать напротивъ, что Вамъ принадлежала инициатива либерализма, что Вы больше, чѣмъ всѣ ваши сотрудники, желали, чтобы вашъ журналъ казался либеральнымъ и какъ можно болѣе либеральнымъ, что Вы сами же подстрекали и возбуждали ихъ къ либерализму; потому что бывали напр. такіе случаи, что сотрудникъ, видя, что изъ его статьи по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ остаются только либеральные клочки безъ всякой сущности, хотѣлъ совсѣмъ уже уничтожить ихъ, но Вы всегда на-

стаивали, чтобъ остались въ статьѣ хоть клочки, хоть крупицы либерализма. Если Вы даже не согласитесь съ этимъ, то во всякомъ случаѣ никакъ не станете отрицать того, что Вы либеральничали въ одинакой степени съ вашими сотрудниками, что въ этомъ отношеніи вся разница между ими и Вами, не говоря объ искренности въ убѣжденіяхъ, состояла только въ томъ, что они либеральничали въ прозѣ, а Вы въ стихахъ. Очевидно, что это разница ничтожная, чисто внѣшняя; и еслибы судьба была справедлива, то изъ за такого пустячнаго различія не произвела бы между положеніемъ вашимъ и вашихъ сотрудниковъ той громадной существенной разницы, какая есть между ними на дѣлѣ. И зачѣмъ Вы подталкивали на это судьбу? Зачѣмъ въ извѣстнымъ случаяхъ не говорили просто: виноватъ, перестану, больше не буду? зачѣмъ въ этихъ случахъ говорили напротивъ: это зло и такое зло нужно вырвать съ корнемъ? Зачѣмъ? Зачѣмъ?

Я знаю, что въ штатѣ г. Краевскаго по департаменту „Отечественныхъ Записокъ“ существуетъ искусный діалектикъ, которому покажутся мои вышеизложенныя разъясненія и вопросы въ высшей степени неодобрительными съ либеральной точки зрѣнія и вредоносными для дѣла либерализма; онъ скажетъ, если не печатно, то подъ рукой, что я пишу доносъ на г. Некрасова и тѣмъ разумѣется мѣшаю ему развернуть въ „Отечественныхъ Запискахъ“ весь свой либерализмъ въ полной силѣ. На это я отвѣчу слѣдующее:

Во 1-хъ; а что же дѣлалъ г. Некрасовъ, когда увѣрялъ кого слѣдуетъ, что вина либерализма лежитъ вовсе не на немъ, а на другихъ? Я съ своей стороны говорю не такъ и не то; а что именно и какъ, о томъ будетъ ниже.

Во 2-хъ; вѣдь не на откупъ же въ самомъ дѣлѣ взяли литературный либерализмъ гг. Краевскій съ Некрасовымъ, чтобы преслѣдовать какъ нетерпимаго корчемника всякаго, кто бы захотѣлъ либеральничать помимо ихъ, и не долженъ же весь міръ стараться единственно о томъ, чтобы только имъ было какъ можно удобнѣе и половчѣе либеральничать, а тамъ въ другихъ мѣстахъ будь хоть потопъ.

Въ 3-хъ; самая строгая мораль запрещаетъ желать другому того, чего себѣ не желаешь, и наоборотъ ни одинъ, даже самый строжайшій моралистъ, не осудитъ за то, когда другому желаютъ того же, чего и себѣ. Я же говорю только, и прошу всѣхъ обратить на это особенное вниманіе, что въ либеральномъ отношеніи г. Некрасовъ стоялъ наравнѣ съ своими бывшими сотрудниками, что онъ такой же былъ либералъ, какъ и они; я не избавляю ихъ отъ вины и не сваливаю ее на него исключительно; я распредѣляю ее по справедливости, поровну, словомъ совершенно вопреки тому, какъ онъ дѣлалъ.

Въ 4-хъ и это самое главное; если бы здѣсь дѣло шло объ истинномъ либерализмѣ, объ искреннемъ убѣжденіи, то противъ него никто бы и слова не сказалъ. Но какая бы ширь ни дана была тому либерализму, кото-

рый оный дока діалектикъ, быть можетъ, вздумаетъ защищать отъ моихъ справедливыхъ замѣчаній, на какіе бы ходули онъ ни взобрался, во всякомъ случаѣ будетъ видно, что онъ поддѣльный, фальшивый либерализмъ. И я думаю, что нисколько не грѣшно выводить на чистую воду литературное лицемѣріе, хотя бы оно принимало на себя какую угодно либеральную личину; мало того, считаю это даже полезнымъ. Авось либо мысль о чистой водѣ удержитъ хоть одного литератора отъ искусительнаго стремленія бросаться такъ легко въ мутныя лужи лицемѣрія. У насъ ужъ и безъ того много лицемѣрныхъ либеральныхъ фразъ въ прозѣ и въ стихахъ, много до излишества, до пресыщенія, до тошноты.—Для подкрѣпленія себя я приведу здѣсь слѣдующее прекрасное мѣсто изъ одного „Внутренняго Обозрѣнія", когда-то напечатаннаго въ „Современникѣ".

«Мы уважаемъ всѣ направленія, начиная отъ духовнѣйшаго спиритуализма и матеріализма, если только эти убѣжденія выработаны въ человѣкѣ наукою и размышленіемъ. Какихъ бы мы сами воззрѣній ни держались, но мы всякому противнику нашихъ воззрѣній, и слѣдовательно съ нашей точки зрѣнія заблуждающемуся, но *добросовѣстно* трудящемуся, *добросовѣстно въ чемъ бы то ни было убѣжденному*, протягиваемъ нашу руку, какъ брату. Если онъ заблуждается, то заблуждается для истины. Быть можетъ онъ представляетъ примѣръ заблужденія очень печальный, но для человѣка возможный, и потому самому уже необходимый въ исторіи человѣческаго развитія для всесторонняго уясненія истины, для полнаго торжества ея. Заблужденія такого рода, до какихъ бы крайностей они не доходили, не могутприъ - носить существеннаго вреда, потому что они держатся на основаніяхъ, которыя могутъ быть изучаемы, повѣряемы, оцѣниваемы,

и если они дѣйствительно заблужденія, то не могутъ не пасть при свѣтѣ истины.

»*Но мы ненавидимъ ненавистью самою искреннею литературныхъ и нелитературныхъ звонарей*, барабанщиковъ, алармистовъ, которые не утомляютъ своего мозга никакими мыслями, *которые не имѣютъ никакихъ*, ни ими самими выработанныхъ, ни чужихъ, прочно усвоенныхъ ими *воззрѣній или убѣжденій*, которые имѣютъ только даръ краснобайства, или просто *байства* (voilà le mot). и между тѣмъ никогда не стѣснятся проповѣдывать, съ видомъ самымъ безукоризненнымъ, какую угодно нелѣпость, какъ мысль науки или какъ добытую, ими истину-

«Когда мы пишемъ эти строки, намъ невольно приходитъ на мысль одинъ литераторъ-ли, ученый-ли — какъ хотите назовите (не поэтъ-ли?),—но человѣкъ, написавшій какую-то книгу (не четыре-ли части стихотвореній?), которую многіе находятъ очень хорошею (очень либеральными стихотвореніями). Мы охотно этому вѣримъ, потому что для написанія нѣкоторыхъ очень хорошихъ книгъ (очень хорошихъ стихотвореній) не требуется никакого ума (совершенно справедливо), въ высшемъ и благороднѣйшемъ значеніи этого слова, а нужна только извѣстнаго рода силлогизація (чуткость и переимчивость къ чужимъ мыслямъ и упражненіе въ риѳмоплетствѣ), которая нужна и для *обдѣлыванія разнаго рода дѣлишекъ* (еще бы?! тутъ-то она особенно и нужна), и для канцелярскихъ бумагъ (можетъ быть) и т. д. Литераторъ этотъ или ученый сложенъ завидно; грудь и легкія его безподобны. голосъ его звученъ, какъ боевая труба. Черезъ нѣсколько комнатъ я слышу этотъ потрясающій голосъ,—и какихъ знаній, какихъ теорій, какихъ глубокомысленныхъ идей (гуманныхъ и гражданскихъ чувствъ) не доноситъ онъ до меня! Слушая эту безостановочную и нескончаемую трескотню словъ и фразъ, (стиховъ и риѳмъ), недоумѣваешь: обитала-ли въ этой головѣ, которая называется человѣческою и которая сочинила цѣлую книгу (четыре части стихотвореній), когда-нибудь разумная, свѣтло-сознанная человѣческая мысль? Впрочемъ, для чего я привожу этотъ примѣръ? Развѣ ихъ около насъ не многое множество (правда, правда). (Современ. 1861. № 2. Внутр. Обозр. 346—7).»

Надѣюсь, что эти 4 довода и подкрѣпляющее ихъ мѣсто вполнѣ убѣдятъ всякаго самаго взыскательнаго діалектика, что представляя г. Некрасова столь-же повиннымъ въ либерализмѣ, какъ и его бывшіе сотрудники, я никому этимъ не мѣшаю либеральничать, даже самому г. Некрасову.

Гражданскіе подвиги и отреченія г. Некрасова отъ своихъ сотрудниковъ убѣдили этихъ послѣднихъ, какъ и многихъ другихъ въ томъ, что онъ на этотъ разъ совершенно исправился, принялъ окончательное рѣшеніе перестроить свою лиру, и запѣть новую пѣсню, противоположную той, какая пѣлась имъ до сихъ поръ. Для насъ формальнымъ подтвержденіемъ этого служило то, что Вы, Николай Алексѣевичъ, дали намъ отставку, объявивши, что болѣе не нуждаетесь въ нашихъ услугахъ, въ нашемъ сотрудничествѣ. Это дѣло совершилось мирно, безъ всякой вражды. Вы дали намъ при этомъ даже великодушныя обѣщанія, которыя впрочемъ относительно меня сбылись только на 1/6. — Претензій на Васъ за отставку мы никакихъ не имѣли; осуждать Васъ за ренегатство не считали себя въ правѣ; потому что оно представлялось намъ тогда не ренегатствомъ, а просто естественнымъ и искреннимъ измѣненіемъ вашихъ убѣжденій; мы очень оцѣнили ту вашу искренность и добросовѣстность, по которой Вы, по измѣненіи вашихъ убѣжденій, уже не считали возможнымъ и приличнымъ оставаться въ литературныхъ связяхъ съ людьми, бывшими до измѣненія вашего вашими сотрудниками и единомышленни-

ками. Что-же такое, думали мы; человѣкъ съ своими убѣжденіями, какъ все живое, постоянно видоизмѣняется, развивается въ ту или другую сторону, идетъ впередъ или назадъ, почти помимо своей воли. Ньютонъ послѣ своихъ Principia сталъ сочинять толкованіе на Апокалипсисъ; Кантъ послѣ „Критики чистаго разума“ написалъ „Критику (нечистаго) практическаго разума“; г. Асконченскій послѣ грѣховно-плотскихъ стихотвореній въ честь персей и объятій Лурлеи сталъ сочинять духовно-аскетическія моральныя поученія; что же удивительнаго или страннаго, если подобнаго рода метаморфоза совершилась и съ г. Некрасовымъ! Послѣ такой метаморфозы уже нельзя будетъ выражать претензій на то, что г. Некрасовъ пользуется правами и привиллегіями, присвоенными анти-либеральнымъ, холопско-недужнымъ поэтамъ; потому что онъ дѣйствительно сталъ и служитъ таковымъ поэтомъ; теперь онъ уже со всею справедливостью и спокойною совѣстью можетъ отпираться отъ либерализма и отъ своихъ прежнихъ сотрудниковъ; но за то уже перестанетъ заявлять претензіи на либерализмъ, на вѣнки, розы и блага, доставляемыя либерализмомъ, не будетъ насаживать на свою удочку либераловъ сотрудниковъ и либеральныхъ червячковъ, чтобы ловить побольше всякой рыбки. Мы внутренно примирились съ г. Некрасовымъ и очень были рады за него, что онъ вслѣдствіе своей метаморфозы вышелъ изъ фальшиваго положенія, въ которомъ находился доселѣ, безпрестанно виляя то направо то налѣво, — что теперь прекратится

его двойная либерально-рабская игра, такъ какъ онъ сталъ рѣшительно на одну сторону.

Подобныя метаморфозы нельзя строго осуждать, если они искренни, безкорыстны, совершаются сами собой, естественно и органически; тогда они просто называются измѣненіемъ убѣжденій, и объ нихъ можно только жалѣть, если они направляются въ дурную сторону. Но когда метаморфоза съ человѣкомъ совершается не вслѣдствіе естественнаго логическаго переворота въ его мысляхъ, а вслѣдствіе какихъ-нибудь внѣшнихъ вліяній, корыстныхъ разсчетовъ и низкихъ эгоистическихъ побужденій, тогда она называется ренегатствомъ, продажностью, торговлею собою и тому подобными лестными названіями. Напримѣръ, когда католикъ обращается въ протестантство, потому что оно показалось ему лучшимъ и болѣе удовлетворяющимъ его стремленіямъ, тогда это называется перемѣною вѣры, а не ренегатствомъ. Когда же жидъ перекрещивается въ христіанство потому, что при этомъ даютъ ему деньги, или онъ надѣется выбрать воспріемникомъ себѣ какое-нибудь важное лицо и имѣть въ немъ покровителя или же видитъ возможность, перекрестившись, устроить какую нибудь выгодную коммерцію, — тогда это называется ренегатствомъ и т. п.; если же перекрещеный жидъ по прежнему продолжаетъ якшаться съ своей обрѣзанной братіей, не желая лишиться выгодъ общенія съ нею и увѣряетъ ее, что онъ въ душѣ вовсе не христіанинъ, а обрѣзанный, послѣ того какъ, можетъ быть, за минуту передъ этимъ увѣ-

рялъ кого-нибудь, что онъ въ душѣ настоящій христіанинъ, хотя и обрѣзанный по тѣлу, и только что снесъ на почту слѣдующее письмо къ возлюбленной: „Ты твердо держи въ уме своемъ мои размышленія, какъ только придемъ изъ пахода съ честью и со славой, сейчасъ же въ туже минуту я приму вашу светую русскую христіанскую веру и обвенчаюсь на тебе законнымъ бракомъ и наши дети всѣ будутъ родиться въ христіанской нашей верѣ, только незабудь высылать мнѣ деньги. Когда я приму вашу светую русскую православную вѣру, тогда я уже буду не Гиршевъ, а Ершовъ; тогда я уже совсемъ русскій. Пускай тогда лопаются со злости мои родители. Я имъ скажу: „молчите вы, жиды, подлецы! Плюю я вамъ обоимъ въ бороду". Но всеже ты мнѣ вышли денегъ, драгоцѣнная Лукерьюшка" (произведеніе „Искры"), тогда это нужно назвать уже пошлымъ ренегатствомъ, а точнѣе всего мазурничествомъ.

ГЛАВА IV.

Объявленіе объ изданіи «Отечественныхъ Записокъ» съ Некрасовымъ, Елисеевымъ «и проч.» — Смыслъ этого объявленія.

Послѣ нашей отставки вашъ журналъ, Николай Алексѣевичъ, существовалъ недолго, должно быть не больше мѣсяца; даже она, вопреки вашимъ разсчетамъ, не поддержала и не продлила его существованія. Для этого

оказались безсильными все ваше искусство, всѣ ваши отреченія и вся ваша „литература на обѣдѣ"; ваши громоотводы и щиты, купленные цѣною стольких моральных и неморальных жертв с вашей стороны, и удовлетворительно защищавшіе Вас в обыкновенное время, при обыкновенной непогодѣ, не могли защитить ваш журнал при необыкновенно сильной, экстраординарной грозѣ.

Не знаю, как Вы, Николай Алексѣевич, понимали эту отставку, как прощанье до свиданія, или навѣки; я понимал ее в послѣднем смыслѣ. Дѣйствительно с этого момента прекратились всякія сношенія с нами; с тѣх пор и до настоящей минуты я даже ни разу не видал Вас. Других моих товарищей Вы и послѣ того удостоивали иногда своим посѣщеніем, но меня нѣт. Уже как совершенно посторонній человѣк, я однако интересовался тѣм, куда и как устремится ваша новая дѣятельность, и все выжидал с нетерпѣніем, каков будет первый звук, первое слово вашей новой пѣсни на перестроенной лирѣ. Ждал я этого долго и, не дождавшись, рѣшил наконец, что Вы должно быть совсѣм оставили литературное печатное поприще, посвятили себя исключительно только непечатной „литературѣ на обѣдѣ" и нашли неблагоразумным являться перед публикой с перестроенной лирой.

Вдруг точно с неба сваливается, как снѣг на голову, объявленіе об изданіи „Отечественных Записок" в 1868 году; в нем возвѣщается, что редакція этого

древняго журнала подвергается радикальному измѣненію, что въ немъ будутъ помѣщаться стихотворенія г. Некрасова. А, подумалъ я, вотъ онъ, первый звукъ новой пѣсни на перестроенной лирѣ; соединеніе съ Краевскимъ послѣ почти четверть-вѣковой разлуки уже предсказываетъ, какова будетъ эта новая пѣсня! Далѣе слѣдовала разная шушера и шелуха изъ „Современника“, о которой напередъ можно было сказать, что она, по своей легковѣсности, полетитъ въ какую угодно сторону, въ которую подуетъ хоть малѣйшій вѣтерокъ и что она пойдетъ не только къ Краевскому, но и куда угодно подальше. Но черезъ нѣсколько строкъ далѣе говорится, о, изумленіе! что въ этомъ же журналѣ будутъ статьи г. Елисеева. Глазамъ не вѣрится; союзъ г. Елисеева съ г. Краевскимъ? — да это просто физическая невозможность; какое можетъ быть общеніе между свѣтомъ и тьмою? это должно быть не тотъ Елисеевъ, а какой-нибудь другой. Но увы! это тотъ, тотъ самый, Г. З. Елисеевъ, подъ псевдонимомъ извѣстный какъ Грыцько. Et tu quoque! То-то, видно на дѣлѣ гораздо труднѣе храбриться и бороться противъ г. Краевскаго, чѣмъ на словахъ; вѣроятно у г. Краевскаго есть какая-нибудь волшебная всемогущая палочка, отъ прикосновенія которой пропадаетъ всякая гражданско-либеральная заносчивость и непреклонность и является податливость и покорность. Наконецъ, послѣ перечисленія другихъ сотрудниковъ, въ объявленіи стоитъ: „и проч.“ Это еще что? кто скрывается подъ этой зловѣщей прибавкой? Ужели

никто не устоялъ противъ соблазновъ г. Краевскаго, соединившагося съ г. Некрасовымъ; ужели исполнилось роковое пророчество: „всѣ тамъ будемъ?“ Но оказалось, къ счастью, что подъ „и проч.“ не разумѣется никто, что это просто грубая уловка, сдѣланная для того, чтобъ каждый могъ подъ этимъ словомъ подразумѣвать что-нибудь лестное для журнала, какой-нибудь неудобоназываемый запрещенный плодъ.

Сопоставленіе г. Краевскаго съ г. Елисеевымъ сразу выдавало и освѣщало планъ, который предположенъ къ осуществленію въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Эти два имени своимъ совокупленіемъ служили заложникомъ и залогомъ каждое для особенной сферы. Для одной сферы г. Краевскій будетъ гарантіей, какъ испытанный, солидно-благонамѣренный литераторъ, который на старости лѣтъ не только самъ не станетъ либеральничать по мальчишески, но и никому другому не позволитъ дѣлать этого подъ прикрытіемъ его имени; а г. Елисеевъ будетъ приманкой для другой противоположной сферы, которая будетъ охотно наклевываться на этаго либеральнаго червячка. Одна струна будетъ натянута и будетъ звучать для однихъ, а другая—для другихъ и всѣ будутъ довольны. Итакъ снова начнется старая пѣсня: виляніе на ту и на другую сторону, хроманіе на обѣ ноги, угожденіе и вашимъ и нашимъ. Это уже настоящая политика Гиршева: „приму светую либеральную вѣру, только не забудь присылать деньги.“ Ужели еще не надоѣло Вамъ, Николай Алексѣевичъ, это двусмысленное положеніе, эта

двойственная игра на такихъ различныхъ струнахъ, какъ г. Краевскій и г. Елисеевъ?

ГЛАВА V.

Отношеніе отрицательной и обличительной литературы къ подвигамъ Некрасова.—Поразительная литературная судьба Краевскаго. — Его побѣда надъ «Современнымъ Словомъ», «Искрой», «Русскимъ Словомъ», «Дѣломъ» и «Внутреннимъ Обозрѣніемъ».

Ни одно изъ этихъ крупныхъ и знаменательныхъ событій, т. е. ни ренегатство г. Некрасова, ни его совокупленіе съ г. Краевскимъ, не только не было оцѣнено, но даже не было и замѣчено нашей литературой, такъ что ихъ нужно причислить къ „явленіямъ, пропущеннымъ нашей критикой", какъ выражалось нѣкогда „Время". А между тѣмъ, сколько въ этихъ событіяхъ было пищи для ума, для сердца и воображенія, сколько въ нихъ заключалось гражданскихъ уроковъ, какъ они были богаты политической моралью! И однакоже эти два факта какимъ-то чудомъ ушли даже отъ инквизиторскихъ глазъ и неумытнаго суда обличительной, отрицательной литературы и отъ эпиграммы-хохотуньи. Всѣ наши обличители, отрицатели „ложнаго", сатирики и юмористы, такъ зорко слѣдившіе за литературой и обществомъ, такъ безпощадно каравшіе всякое нелиберальное поползновеніе, всякую нерадикальную обмолвку, такъ жестоко бичевав-

шіе всякое гражданское поскользновеніе, такъ горько плакавшіе при видѣ всякаго колебанія гражданской доблести,—при видѣ этихъ фактовъ прикусили языки, повернулись къ нимъ спиною и какъ будто ничего не видя и не замѣчая, сохраняли свой обычный видъ и старались показать, будто предъ ихъ глазами не случилось ничего особеннаго. А между тѣмъ

Какой бы шумъ вы подняли, друзья,
Когда бы сдѣлалъ это я!

Что же, друзья, въ самомъ дѣлѣ вы такъ опростоволосились и не примѣтили слона? А помните, какъ бывало вы отрицали „ложныхъ“ становыхъ-взяточниковъ, помните, какъ доставалось отъ васъ Воронину всякій разъ, какъ онъ, бывало, пріобрѣтетъ себѣ новый домъ, помните, какъ вы, бывало, издѣвались надъ Майковымъ, когда онъ, при какомъ-нибудь торжественномъ случаѣ, произноситъ на обѣдѣ стихотвореніе, нисколько не противорѣчащее его убѣжденіямъ, помните, съ какимъ презрѣніемъ и заносчивостью вы относились къ поэту Полонскому, когда онъ, бывало, не желая либерально фиглярничать и надувать кого бы то ни было одними словами, пишетъ прямо то, что онъ мыслитъ и чувствуетъ, помните, какое отрицаніе вы задали г. Писемскому въ образѣ Никиты Тупорылова, за одинъ только его несчастный фельетончикъ? Но рядъ вашихъ обличительныхъ и отрицательныхъ подвиговъ безконеченъ; ихъ всѣхъ не перечесть. Замѣтно было, что вы жаждете хоть ничтожнаго нелиберальнаго фактика, что появленіе его

настоящій праздникъ для васъ и вы набрасываетесь на него, какъ голодные звѣри и потомъ либерально пережовываете его очень долгое время. Видно у васъ былъ большой недостатокъ въ сюжетахъ для обличеній и вы крайне затруднялись ихъ пріискиваніемъ. Помните, объ одномъ только кукельванѣ вы написали цѣлые томы обличеній философическихъ и юмористическихъ, въ прозѣ и въ стихахъ, съ иллюстраціями и каррикатурами. А вотъ тутъ совершаются событія, болѣе отрицательныя и одуряющія, чѣмъ кукельванъ и болѣе возмутительныя, чѣмъ дома Воронина и стихи Майкова, — настоящій кладъ для васъ, могшій дать вамъ столько обличительнаго матеріала, что его смѣло хватило бы на цѣлый годъ. И вдругъ вы игнорируете эти событія, молчите объ нихъ!? Да если бы еще только молчали, а то....

Вся эта обличительная клика, всѣ эти спеціально отрицательные, обличительные сатирическіе журналы, всѣ эти спеціально обличительные поэты и отрицательные сатирики, всѣ эти Преображенскіе, Знаменскіе, всѣ темные и мрачные человѣки, всѣ Бурбоновы,—не только преклонились благоговѣйно предъ гражданскими не „ложными“ подвигами г. Некрасова, что было еще не такъ зазорно, но принесли повинное раскаяніе и положили свои повинныя головы къ ногамъ тоже не „ложнаго“, а настоящаго, подлиннаго г. Краевскаго, котораго они съ такимъ азартомъ отрицали, обличали и бичевали въ теченіе столькихъ лѣтъ прозою, стихами и каррикатурами, который былъ для нихъ общимъ обличительнымъ мѣстомъ, къ насмѣш-

камъ и издѣвательствамъ надъ которымъ они прибѣгали всякій разъ при отсутствіи и истощеніи другихъ обличительныхъ рессурсовъ и который теперь сталъ для нихъ недосягаемымъ и неприкосновеннымъ божествомъ и ихъ судьбою; въ его не „ложномъ" соединеніи съ Некрасовымъ они увидѣли зарю новаго дня, начало новой счастливѣйшей эры для русской литературы!!—Что же значили, господа, всѣ ваши прежнія отрицанія, обличенія, весь вашъ сатирическій и юмористическій азартъ, вся ваша борьба, всѣ ваши знамена, которыя вы держали, какъ будто настоящіе люди и настоящіе литературные борцы? А вѣдь мы и въ правду думали тогда, что у васъ дѣйствительно водятся въ головѣ хоть какія нибудь, но искреннія и самостоятельныя мыслишки, что вы одушевляетесь убѣжденьицами, какія Богъ послалъ, но что все таки они у васъ есть и служатъ мотивомъ и возбужденіемъ вашихъ обличеній. Но теперь оказывается, увы! что вы были просто, выражаясь фразами одного стихотворенія, „фигляры, паяцы и шуты", что вы просто кривлялись для забавы публики, имѣя въ виду число строчекъ и приказаніе антрепренеровъ, что у васъ ничего не было ни въ душѣ, ни за душею, что ничего не стоитъ зажать вашъ обличительный ротъ и заставить васъ вмѣсто обличительныхъ сатиръ на извѣстный субъектъ сплетать рабскіе мадригалы тому же субъекту. Такъ вотъ отчего ваши отрицанія, обличенія и сатиры были мизерны и жалки, а подъ часъ даже пошлы, вотъ отчего они ни на кого и ни на что не дѣйствовали, и отскакивали отъ

всего, что они поражали, какъ горохъ отъ стѣны! А мы думали, что это происходило отъ вашей легковѣсности, оттого что вы очень мелко плавали; а оказывается теперь, что вы не имѣли вовсе никакого вѣсу и вовсе не плавали, а летали какъ перышко и вращались какъ флюгеръ.—Просто страшно и стыдно подумать, что грозное и гордое обличительное зданіе, которымъ такъ тщеславилась наша литература, было выведено на такомъ зыбкомъ и некрасивомъ основаніи. Значитъ дѣйствительно правда, что всю нашу обличительность можно охарактеризовать такимъ александринскимъ изреченіемъ: „дай четвертакъ, или рюмку водки; не дашь—обличу, а дашь воспою, прославлю“.

Г. Краевскій съ свойственною ему проницательностью сразу понялъ гражданскую литературу, смѣрявши ее на собственный аршинъ и безъ труда покорилъ себѣ всѣхъ отрицателей, обличителей прозаиковъ и поэтовъ, начиная съ г. Некрасова. Онъ увидѣлъ, что всѣ его Страховы, Зарины, Щегловы, Incognito, Крестовскіе и проч. не умѣютъ даже словесно казаться большими либералами, пускать пыль въ глаза и задавать либеральный шикъ; и потому прочь всѣхъ ихъ, а на мѣсто ихъ подавай патентованныхъ, прославившихся либераловъ и обличителей. Вотъ, друзья, какова награда за ваши усердные посильные труды. Помните г. Incognito, какъ вы когда-то, веселые, и дѣтски беззаботные, писали игривую статейку подъ названіемъ: „Расколъ въ нигилистахъ“ и предсказывали, что этотъ расколъ есть начало конца

нигилистовъ. Видите, какъ вы ошиблись; напротивъ, нигилисты вытѣснили васъ самихъ и стали на ваше мѣсто. Какой страшный урокъ для васъ! Воображали ли вы тогда, что вашъ патронъ станетъ когда нибудь во главѣ нигилистовъ? Никто этого не воображалъ, однако оно случилось.

Да, судьба этого патрона, г. Краевскаго, этого Нестора русской журналистики, удивительна, даже поразительна по своему величію. Въ теченіи болѣе четверти вѣка онъ стоялъ во главѣ русской журналистики и можно даже сказать держалъ въ своихъ рукахъ судьбу всей нашей литературы. За это время сколько воды утекло, сколько произошло въ литературѣ катастрофъ, переворотовъ и радикальныхъ перемѣнъ; сотни дѣятелей возвышались и падали, колесо фортуны сдѣлало милліоны оборотовъ и разшвыряло по сторонамъ тысячи субъектовъ; сколько было волненій, крушеній и сильнѣйшихъ грозъ,—но онъ, онъ одинъ, стоялъ недвижимый, неизмѣнный, непоколебимый. Часто вокругъ него ярились волны и со всѣхъ сторонъ слѣдовали ожесточенныя нападенія; но онъ въ этихъ случаяхъ подобился гранитному утесу, о который яростно, но безуспѣшно бьютъ морскія волны. Иногда казалось, какъ будто онъ колеблется, репутація его падала, обличители и нигилисты побивали его гражданскимъ презрѣніемъ; но это продолжалось недолго и побѣда оставалась за нимъ. Самые ожесточенные противники клали свое оружіе къ его ногамъ, изъявляли покорность и просили забвенія прошлаго. Вѣроятно онъ въ свою очередь

тоже не безъ презрѣнія принималъ эту покорность; и его презрѣніе къ бывшимъ противникамъ конечно было основательно; потому что каковъ бы онъ ни былъ самъ, но онъ все таки былъ выше ихъ, такъ какъ они же преклонялись предъ нимъ, сами унижали себя въ его глазахъ.

Едвали кто нибудь помнитъ теперь, какъ либерально было „Современное Слово“ и какъ ожесточенно оно преслѣдовало г. Краевскаго. Но потомъ оно смирилось и покорилось ему.

Вѣроятно всѣ помнятъ и до сихъ поръ, что такое прежде была „Искра“, поставившая для себя задачей „отрицаніе ложнаго во всѣхъ его проявленіяхъ въ жизни и искусствѣ“; она грозила превратиться въ либеральный пламень и зажечь чуть ли не самое море. Г. Краевскій былъ для нея конькомъ и едвали она надъ кѣмъ нибудь издѣвалась такъ много и такъ зло, какъ надъ нимъ. Однако наконецъ смирилась и стала подпускать г. Краевскому тонкую, чисто чичиковскую лесть. Его соединеніе съ г. Некрасовымъ она конечно не могла отрицать, потому что было не „ложно“, а дѣйствительно, и она привѣтствовала его какъ воскресеніе Бѣлинскаго, т. е. какъ будто это соединеніе равняется тому, какъ еслибы воскресъ самъ Бѣлинскій или появился какой нибудь критикъ, равный ему по таланту (при этомъ навѣрное улыбнулся и самъ солидный Андрей Александровичъ; только это была не улыбка самодовольствія, а улыбка презрѣнія къ „Искрѣ“). Какъ „Искра“ дошла до такого не „ложнаго“ заключенія,—рѣшить съ несо-

мнѣнностью трудно; вотъ вѣроятнѣйшая догадка. Кажется еще покойный Булгаринъ сказалъ объ „Искрѣ“ слѣдующее: „если дунуть на „Искру“, то она разгорится, а если плюнуть на нее, то она погаснетъ“. Вѣроятно г. Краевскій держался прежде перваго „ложнаго“ способа, и потому служилъ посмѣшищемъ для „Искры“; наконецъ вѣроятно прибѣгъ ко второму не „ложному“ способу и потому сразу превратился въ потухшихъ очахъ „Искры“ въ полъ-Бѣлинскаго.

„Русское Слово“ и „Дѣло“ также во многомъ повинны передъ г. Краевскимъ, и за это должны были принести ему жертву. Одинъ изъ учениковъ г. Благосвѣтлова, обращенный имъ въ либерализмъ и клявшійся въ неизмѣнной вѣрности ему, отрекся отъ своего учителя и перешелъ въ станъ г. Краевскаго. И самъ либеральнѣйшій г. Благосвѣтловъ теперь хранитъ почтительнѣйшее молчаніе какъ о Краевскомъ, такъ и о г. Некрасовѣ; послѣднее впрочемъ очень понятно.

Какъ относился къ г. Краевскому и его дѣятельности „Современникъ“ въ теченіи всего времени своего существованія, объ этомъ едвали нужно напоминать. Можно развѣ для полноты замѣтить, что Внутреннее Обозрѣніе въ „Современникѣ“ также не жаловало редактора „Отечественныхъ Записокъ“ и „Голоса“. Но теперь г. Краевскій совершенно спокоенъ на счетъ Внутренняго Обозрѣнія; оно его больше не безпокоитъ.

ГЛАВА VI.

Побѣда Краевскаго надъ самимъ Некрасовымъ.—Внезапное прекращеніе ихъ 23-хъ-лѣтней вражды.—Ихъ первое свиданіе послѣ 23-хъ-лѣтней разлуки.—Ихъ искусное единоборство въ дѣловомъ разговорѣ.

Но самое поразительное торжество г. Краевскаго есть его побѣда надъ исконнѣйшимъ его врагомъ, надъ другимъ Несторомъ русской журналистики, г. Некрасовымъ. Когда-то наши литературные остряки много потратили усилій на придумываніе разныхъ неожиданныхъ и остроумныхъ встрѣчъ, и описывали небывалыя встрѣчи, напр. Кокоревъ и Лафитъ, Перейра и Воронинъ, или что-то въ этомъ родѣ. Но ни одинъ изъ нихъ, при всей изобрѣтательности ихъ воображенія, не могъ придумать такой встрѣчи, какая предъ нами совершилась дѣйствительно, исторически. Встрѣча гг. Некрасова съ Краевскимъ послѣ почти четверть-вѣковой (23 л.) вражды и разлуки! Развѣ этотъ сюжетъ не достоинъ рѣзца, кисти, стиля, лиры и другихъ орудій, посредствомъ которыхъ духовныя идеи воплощаются въ матеріальные образы? Едвали мы найдемъ въ исторіи хоть одинъ примѣръ такой вражды, какая существовала между гг. Краевскимъ и Некрасовымъ; это была вражда ожесточенная, возвышенная и глубокая, совершенно принципіальная, вовсе не личная, а изъ за убѣжденій, вражда двухъ противоположныхъ

идей, тенденцій, двухъ діаметрально несогласимыхъ между собою идеаловъ; во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда принято для выраженія отношеній, противоположныхъ существовавшимъ между Орестомъ и Пилладомъ, говорить: „они живутъ какъ кошка съ собакой“, — можно было бы еще сильнѣе и точнѣе выражать ту же мысль такъ: „они живутъ какъ Краевскій съ Некрасовымъ“. Словомъ, вражда, существовавшая между Иваномъ Ивановичемъ и Иваномъ Никифоровичемъ была ничто, могла считаться даже дружбой въ сравненіи съ враждою между Андреемъ Александровичемъ и Николаемъ Алексѣевичемъ.

Но вдругъ эта вражда погасла, и наконецъ... они свидѣлись. Не думаю я, чтобы это свиданіе хоть въ чемъ нибудь уступало исторически знаменитымъ свиданіямъ Святополка съ Цимисхіемъ на Дунаѣ и Наполеона I съ Александромъ Благословеннымъ на Нѣманѣ. Первое описано я не знаю кѣмъ, второе Тьеромъ, а занимающее насъ свиданіе не описано никѣмъ. Я думаю, ни одинъ изъ нашихъ разсказчиковъ, ни г. Слѣпцовъ, ни даже самъ разрушающій „напрасныя опасенія“ и подающій напрасныя надежды г. Рѣшетниковъ не въ состояніи поэтически вообразить и воспроизвести главнѣйшія черты этого послѣдняго свиданія и развернуть передо мною слѣдующую, никому невѣдомую, картину. Гдѣ происходило это свиданіе, у г. Краевскаго или у г. Некрасова, или гдѣ нибудь на нейтральной почвѣ, на самой срединѣ Нѣмана? Кто кому первый сдѣлалъ визитъ?

Какими чувствами и ощущеніями волновались сердца нашихъ литературныхъ Несторовъ, когда одинъ изъ нихъ уже переступилъ порогъ квартиры другаго, а другой уже слышалъ приближающіеся шаги перваго? Наконецъ наступилъ рѣшительный роковой моментъ, моментъ самаго свиданія: два Нестора были уже въ 5-ти шагахъ одинъ отъ другаго. Какъ они, о Боже, взглянули въ глаза другъ другу, если только взглянули; можетъ быть они посмотрѣли только въ грудь одинъ другому. Какъ они нашли другъ друга послѣ четверть-вѣковой разлуки, помолодѣвшими или постарѣвшими, похорошѣвшими или подурнѣвшими? Увидѣлъ ли г. Некрасовъ въ кабинетѣ своего возвращеннаго друга столь знакомые ему нѣкогда образы „оригинальнаго стола съ шкапиками и таинственными ящичками„ и „необыкновеннаго алхимическаго костюма“, которые г. Краевскій скопировалъ у князя Одоевскаго, какъ разъяснилъ Панаевъ; или уже ничего этого нѣтъ и все устроено по новому? Кто первый началъ говорить, и каковъ былъ счастливецъ, этотъ первый звукъ, звукъ мира и любви послѣ 23-хъ-лѣтней вражды? Были ли при этомъ радостныя восклицанія, въ родѣ: а! Андрей Александровичъ! а! Николай Алексѣевичъ! или же просто послѣдовалъ холодный размѣнъ обычныхъ привѣтствій: здраствуйте Андрей Александровичъ!—мое почтеніе, Николай Алексѣевичъ! Послѣ этихъ привѣтствій, какое они чувствовали волненіе, или затрудненіе, какъ вздымались ихъ груди, каково было ихъ дыханіе, куда были устремлены ихъ очи; наконецъ, кто первый пре-

рвалъ эту томительную и мучительную паузу, кто началъ первый рѣчь, объяснявшую цѣль свиданія и мотивы возстановленія стараго союза? Началъ ли г. Некрасовъ и сказалъ своему собесѣднику слѣдующее:

— Я думаю, вы сами, Андрей Александровичъ, убѣдились теперь, что либеральныя удочки съ либеральными червячками несравненно заманчивѣе и выгоднѣе, чѣмъ ваши грубыя охранительныя западни и капканы. Конечно я потерпѣлъ наконецъ нѣкоторое пораженіе, но это вслѣдствіе моей оплошности и непринятія дѣйствительныхъ мѣръ; а за то какъ хорошо мнѣ было до этого, я думаю вамъ вполнѣ извѣстно, и я увѣренъ, вы даже завидовали мнѣ (при этомъ говорившій улыбнулся). Стало быть, когда мы соединимся съ вами, то это не принесетъ намъ ничего кромѣ обоюдныхъ выгодъ. Вмѣстѣ съ вами мы уже не сдѣлаемъ никакой оплошности и удвоимъ мѣры противъ возможныхъ пораженій, нисколько не ослабляя либеральныхъ приманокъ. Что же касается до вашихъ охранительныхъ принциповъ, то я думаю, что вы столь же преданы имъ, сколько я преданъ либеральнымъ принципамъ, и потому не станете сильно жалѣть объ нихъ, особенно когда дѣло идетъ о...

— Довольно, Николай Алексѣичъ, не продолжайте; я вполнѣ понимаю васъ. Соединимтесь, забудемъ прошлое; вѣдь между нами были только одни недоразумѣнія.

Или же началъ рѣчь г. Краевскій и сказалъ г. Некрасову слѣдующее:

— Вы, Николай Алексѣевичъ, конечно знаете, что

я насквозь вижу васъ; вы можете прикидываться передъ публикой чѣмъ хотите. Но я старый воробей; меня обмануть трудно; я сужу о васъ по себѣ. Вотъ видите, вы потерпѣли нѣкоторое пораженіе; но ручаюсь вамъ, что этого бы не случилось, если бы мы были съ вами вмѣстѣ, въ союзѣ. Стало быть, когда мы соединимся вмѣстѣ, то это не принесетъ намъ ничего, кромѣ обоюдныхъ выгодъ. Я буду служить въ нѣкоторомъ родѣ противовѣсомъ излишнему либерализму и такъ сказать гарантіей въ глазахъ — вы понимаете чьихъ. Что же касается до вашего либерализма и даже радикализма (при этомъ говорившій улыбнулся), то я думаю, что вы столь же преданы ему, какъ я преданъ охранительнымъ принципамъ, и потому не станете сильно жалѣть объ немъ, особенно когда дѣло идетъ о...

— Довольно, Андрей Александровичъ, не продолжайте; я васъ вполнѣ понимаю. Соединимтесь, забудемте прошлое; вѣдь между нами были только одни недоразумѣнія. Принесемте вмѣстѣ посильную пользу литературѣ, меньшей братіи....

— Хе, хе, возразилъ Андрей Александровичъ, вы и до сихъ поръ остались все такимъ же шутникомъ, какимъ были 23 года тому назадъ.

Затѣмъ, конечно, должны были начаться дѣловые переговоры, постановка и разборъ условій.... Господи, я бы кажется отдалъ полъ-жизни, полъ-царства за счастье внимать этимъ дебатамъ. Вѣдь вы только подумайте, что здѣсь происходило? Здѣсь сражались съ абсолютно

равными силами и въ абсолютно одинаковыхъ положеніяхъ Киръ Персидскій съ Александромъ Македонскимъ, Атилла съ Чингисъ-Ханомъ, Наполеонъ I съ Суворовымъ; здѣсь вели переговоры самъ Макіавелли съ Талейраномъ, Бисмаркъ съ Наполеономъ III; здѣсь состязались между собою, стараясь превзойти другъ друга, Моцартъ съ Бетховеномъ, Паганини съ Вепявскимъ, Тамберликъ съ Маріо, Бозіо съ Патти, Богданова съ Петипа, Деверіа съ Лядовой и т. д.; здѣсь торговались между собою Кокоревъ съ Бернардаки, Перейры съ Миресами, Плюшкинъ съ Коробочкой; здѣсь старались обыграть другъ друга два совершеннѣйшіе и равные игрока на билліардѣ, въ карты, въ шахматы, въ биксъ и т. д. Словомъ, здѣсь мѣрялись силами два льва, два равно искусныхъ мастера и равно глубокихъ знатока своего дѣла; здѣсь дока на доку нашелъ и коса наскочила на камень. Это единоборство должно было быть совершенствомъ и образцомъ въ своемъ родѣ; каждое движеніе, каждый шагъ были искусно разсчитаны, глубоко соображены и обставлены всевозможными осторожностями; быстро, какъ молніи, сверкали въ головѣ одного противника самыя оригинальныя и неуловимыя комбинаціи и не менѣе быстро разгадывались и отражались другимъ; въ одну секунду совершались умственно и скрытно отъ противника такія цифирныя вычисленія, какія самый быстрый счетчикъ могъ бы произвести не меньше какъ въ часъ; словомъ, съ обѣихъ сторонъ блистала равная геніальность, такъ рано подмѣченная и оцѣненная Бѣлинскимъ. Если бы существовалъ

и былъ напечатанъ протоколъ этихъ переговоровъ, то онъ непремѣнно сдѣлался бы классическою настольною книгою и кодексомъ для всякаго журнальнаго антрепренера.

У насъ когда-то была въ литературѣ мода на параллели, и ихъ придумано довольно: Кольцовъ и Борнсъ, Жоржъ Зандъ и Евгенія Туръ, два графа Кавуръ и Монталамберъ. Но что значатъ эти параллели передъ той, какую мы рекомендуемъ какому-нибудь смѣльчаку литератору—если таковой еще существуетъ гдѣ-нибудь—и которая представляетъ собою въ высокой степени богатый и благодарный сюжетъ; это—два Нестора русской журналистики: Некрасовъ и Краевскій!

ГЛАВА VII.

«Всѣ тамъ».—Четыре органа Краевскаго: «Отечественныя Записки», «Голосъ», «Искра», «Недѣля».—Почтительное отношеніе къ нимъ «Дѣла».—Добродѣтельныя, но робкія «Спб. Вѣдомости».—Краевскій глава литературы. — По его имени будетъ называться текущій періодъ нашей литературы.

Такимъ образомъ сбылось оное знаменитое пророчество: „всѣ тамъ будемъ“. Дѣйствительно, теперь уже „всѣ тамъ“, т. е. въ рукахъ г. Краевскаго, который, одержавши побѣду надъ бывшими своими литературными противниками, снова занялъ съ тріумфомъ первое мѣсто въ журналистикѣ. Теперь у него ровно четыре литературныхъ органа; два прямые, открытые, такъ сказать офиціальные:

„Голосъ“ и „Отечественныя Записки“ и два непрямые, сокровенные, такъ сказать официозные: „Искра“ и „Недѣля“. Другія изданія, чувствуя невольную робость передъ этою четырехъ-органною силой, болѣе или менѣе угодничаютъ передъ г. Краевскимъ или, питая внутреннюю дерзость, не смѣютъ ее высказывать. Возьмемъ, напр. „Дѣло“; оно стоитъ въ почтительной позиціи передъ органами г. Краевскаго, особенно передъ „Отечественными Записками“, о которыхъ оно увѣрено, что они пользуются большою либеральною репутаціей. Стало быть, разсуждаетъ „Дѣло“, если я буду относиться непочтительно къ ежемѣсячному органу г. Краевскаго, то подумаютъ многіе, что я нелиберально; и тогда чѣмъ же я докажу свой либерализмъ? „Петербургскія Вѣдомости“ также относятся къ органамъ г. Краевскаго, хотя по другимъ побужденіямъ. Раболѣпство ихъ передъ „Отечественными Записками“ просто забавно, потому что оно не искренно; видно, что люди чувствуютъ и замѣчаютъ въ нихъ дурное, но боятся сказать объ этомъ прямо. Вмѣсто того, напр., чтобы сказать, что „Отечественныя Записки“ черезъ силу натужатся показаться либеральными и прикинуться такими либералами, какъ былъ „Современникъ“,—„Петербургскія Вѣдомости“ говорятъ, что „Отечественныя Записки“ хотятъ напомнить собою лучшія времена литературы; вмѣсто того, чтобы сказать: это стихотвореніе есть лицемѣрное и пошлое фразерство, „Петербургскія Вѣдомости“ говорятъ: въ стихотвореніи нѣтъ силы, а есть натяжки; вмѣсто того, чтобы сказать:

критика „Отечественныхъ Записокъ“ есть неудобочитаемое повторенiе битаго, перебитаго, молотаго и перемолотаго, „Петербургскiя Вѣдомости“ говорятъ: критика еще подаетъ надежды; и т. д. Тоже отношенiе у „Петербургскихъ Вѣдомостей“ къ „Голосу“. Посмотрите, какъ гордо, даже какъ презрительно онъ относится къ „Петербургскимъ Вѣдомостямъ“; онъ иначе не называетъ ихъ, какъ академической газетой, получающей субсидiи, пользующейся привиллегiею безнаказанности, чуть не полуофицiальной, и потому не могущей имѣть никакой независимости, свободы и смѣлости, какими въ такой высокой степени обладаетъ самъ „Голосъ“. „Петербургскiя Вѣдомости“ или отмалчиваются или робко отпираются отъ приписываемыхъ имъ качествъ и ужъ ни въ какомъ случаѣ не дерзаютъ подвергать своему суду независимость, свободу и смѣлость своего собрата. Отчего все это происходитъ, г. Коршъ? Въ добродѣтельности „Петербургскихъ Вѣдомостей“ я не сомнѣваюсь. Я увѣренъ, что вы не любите литературнаго лицемѣрiя и либеральнаго фарисейства, потому что у васъ самихъ его нѣтъ. „Петербургскiя Вѣдомости“ никогда не казались и не усиливались казаться болѣе либеральными, чѣмъ они есть на дѣлѣ, и, напротивъ, часто казались менѣе либеральными противъ дѣйствительности, чѣмъ и пользовался „Голосъ“ для сколачиванiя собственной либеральной репутацiи и для униженiя „Петербургскихъ Вѣдомостей“. Откуда у „Петербургскихъ Вѣдомостей“ это подобострастiе, даже раболѣпство передъ либеральными фарисеями?

Отъ робости; ужъ не отпирайтесь; именно отъ робости. Какъ же не бояться, когда г. Краевскій можетъ вдругъ спустить на васъ четыре органа, если вы задѣнете хоть одинъ изъ нихъ; просто растерзаютъ. Этотъ страхъ, вѣроятно, еще усилился вслѣдствіе дѣла объ Лядовой, въ которомъ на „Петербургскія Вѣдомости“ напали вдругъ три органа г. Краевскаго. Эхъ, господа, чего вы робѣете? Если у васъ есть внутренняя опора, убѣжденія, сознаніе своей правоты, то дѣйствуйте и боритесь смѣло, не ища внѣшней опоры, хоть бы противъ васъ выступили сто органовъ г. Краевскаго. Энергическое убѣжденіе имѣетъ на своей сторонѣ всѣ шансы побѣды; но ужъ пораженія, при указанныхъ условіяхъ, вы не потерпите ни въ какомъ случаѣ. Если же дѣятели „Петербургскихъ Вѣдомостей“, строча статейки для этой добродѣтельной газеты, въ тоже время изъ подтишка высматриваютъ, нельзя-ли перебѣжать въ одинъ изъ органовъ г. Краевскаго или достать тамъ работишку, и вслѣдствіе этого ихъ перья не повинуются ихъ мыслямъ и вмѣсто должныхъ продерзостей пишутъ комплименты, то ужъ тутъ я не могу дать никакого совѣта, а скажу только, что за этимъ обязанъ смотрѣть самъ г. Коршъ.

Такимъ образомъ одни органы прессы находятся въ прямой зависимости отъ г. Краевскаго, въ какой, напр., состоятъ всѣ государства отъ ихъ государей, или въ какой находятся государства Сѣверогерманскаго Союза отъ Пруссіи; другіе же связаны съ нимъ вассальными отношеніями подобострастія и робости, хотя формально со-

вершенно независимы отъ него; примѣромъ подобныхъ отношеній можетъ быть Пруссія и Австрія, Франція и Италія. Кто скажетъ, что Австрія зависитъ отъ Пруссіи и Италія отъ Франціи; однако же чувствуется одними изъ нихъ нѣкоторая робость передъ другими. Поэтому можно безъ преувеличенія сказать, что г. Краевскій есть въ настоящую минуту глава и владыка русской журналистики, по крайней мѣрѣ петербургской, и въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ Наполеонъ I (благо подвернулись подъ руку политическія сравненія) могъ быть названъ главою и владыкою Европы. Вѣдь собственно онъ обладалъ одною только Франціей; всѣ другія государства сохраняли свою верховную независимость, твердо держались своихъ самостоятельныхъ убѣжденій и либеральныхъ принциповъ; государи ихъ не жертвовали для него ни однимъ своимъ правомъ, не измѣняли ни одной іоты въ своихъ убѣжденіяхъ и принципахъ, въ своемъ отрицательномъ и обличительномъ направленіи, которому они слѣдовали до Наполеона, тѣмъ не менѣе они не смѣли и пикнуть противъ него, и исторія говоритъ, что они были даже не подвластными вассалами его, а просто подчиненными намѣстниками и чиновниками его. Это самое вполнѣ приложимо и къ нашему журнальному Наполеону I, г. Краевскому, и ко всѣмъ зависящимъ и независящимъ отъ него органамъ прессы.

Поэтому можно навѣрное предполагать, что текущій періодъ литературы, слѣдующій за гоголевскимъ, будетъ называться краевскимъ, или краежскимъ или краев-

щинскимъ періодомъ (ужасно трудно смастерить производное прилагательное отъ фамиліи нашего Наполеона I. Вотъ-то будетъ головоломная работа для нашихъ историковъ и филологовъ; и я не хочу облегчать ихъ труда; чтожь они будутъ дѣлать, если мы все для нихъ приготовимъ и рѣшимъ).

ГЛАВА VIII.

Доказательство того, что органы Краевскаго суть дѣйствительно его органы; — что «Отечественныя Записки» съ Некрасовымъ, даже съ самимъ Елисеевымъ суть все таки настоящій органъ Краевскаго.

Я навѣрное знаю, что нѣкоторымъ органамъ г. Краевскаго очень не понравится то, что я ихъ такъ называю; они всячески будутъ стараться показать видъ, что они совершенно самостоятельны, что они существуютъ сами по себѣ, что они свои собственные органы, а не чьи нибудь другіе. Любопытно знать, какъ они будутъ отказываться отъ г. Краевскаго; вѣдь этого никакъ нельзя будетъ сдѣлать, не сдѣлавши дерзости или обиды г. Краевскому. Увидимъ, дерзнутъ ли они на это? — Особенно будутъ настаивать на своей независимости „Отечественныя Записки“.—„Что вы, возопіютъ они, все суете намъ Краевскаго? Краевскій, да Краевскій! какъ будто это что нибудь доказываетъ? Это одно имя, звукъ, нисколько не́мѣ-

шающій самостоятельности журнала и его либерализму".— Однако, господа, этотъ звукъ скрѣпляетъ по листамъ всѣ ваши свободолюбивыя и независимыя умствованія и писанія, это имя припечатывается въ концѣ каждой вашей книжки. Быть не можетъ, чтобы оный звукъ и сіе имя были для васъ рѣшительно безъ всякаго значенія.— „Но, возразите вы, зачѣмъ придираться къ именамъ? это уже старая и пошлая манера выѣзжать на именахъ; теперь время не такое, теперь настала пора дѣла; вы должны судить не имена, а идеи, попрекать не подписями и скрѣпами, а высказываемыми мыслями. Мы, скажете вы, умѣемъ постоять за свои убѣжденія еще получше васъ, и не поступимся ими ни передъ кѣмъ и ни за что. Никогда Краевскій не заставитъ насъ сказать что нибудь противъ совѣсти и написать хоть одно слово, хоть одно рѣченіе, несогласное съ нашими убѣжденіями. Вы покажите, что и гдѣ мы написали противъ нашихъ убѣжденій; тогда и корите насъ, а то, только и тычутъ въ глаза одно имя; Краевскій, да Краевскій! какъ будто это что нибудь доказываетъ?"

Конечно, друзья мои, я самъ знаю, что вы горды, непреклонны въ своихъ убѣжденіяхъ и стойки какъ камень.— Воображаю я, какъ обидѣлся бы австрійскій Францъ I и прусскій Фридрихъ Вильгельмъ III, если бы имъ сказали, что они не суверенные государи, а вассалы Наполеона I, и съ какимъ негодованіемъ они протестовали бы противъ этой инсинуаціи, сославшись на то, что они ничего не дѣлали противъ своего убѣжденія. Но сколькихъ

трудовъ стоило Россіи уламать ихъ сдѣлать дерзость Наполеону и возстать противъ него, уже полупобѣжденнаго? И потому исторія стоитъ на своемъ, и называетъ ихъ вассалами.—Вотъ тоже самое, други мои, и съ вами. Вы не пишите ничего, противнаго вашимъ убѣжденіямъ? не спорю, вѣрю вамъ на слово. Но позвольте васъ спросить, пишите ли вы то, что согласно съ вашими убѣжденіями, чего требуютъ ваши либеральныя идеи, что вообще можно писать, что вы писали прежде, что писали бы навѣрное и теперь, если бы надъ вами не висѣлъ мечъ вашего Наполеона I? Что вы на это скажете?

Вы, сотрудники „Отечественныхъ Записокъ", знаете и я знаю, что вы прежде очень любили писать статейки о „Куриномъ Эхѣ". Позвольте же васъ спросить, почему вы теперь ничего не пишите объ этомъ интересномъ сюжетѣ? Должно быть такъ, не приходится, не хочется? Многіе изъ васъ поламали во время оно много копій въ ратоборствѣ съ послѣднимъ дѣтищемъ нашего журнальнаго Наполеона I, съ возлюбленнѣйшимъ Веніаминомъ г. Краевскаго, съ „Голосомъ". Скажите, отчего теперь у васъ пропала охота къ подобному ратоборству; аль у васъ всѣ уже копья поизломались, и нѣтъ ни одного больше въ запасѣ?

Вы, сотрудники „Отечественныхъ Записокъ", не смотря на весь вашъ крайній либерализмъ, имѣете однако право касаться всѣхъ вопросовъ текущей политики какъ внѣшней такъ и внутренней, можете говорить о явленіяхъ политическихъ, экономическихъ, соціальныхъ и иныхъ.

Однако что то мало поговариваете объ нихъ; видно очень затрудняетесь выборомъ сюжетовъ и въ скудости своей прибѣгаете даже къ писанію церковно-славянскимъ и несторо-лѣтописнымъ стилемъ издѣвокъ надъ несчастнымъ г. Скарятинымъ, битымъ, перебитымъ, убитымъ и окончательно лежачимъ. — Конечно, я знаю, что вамъ, какъ большимъ либераламъ, весьма неудобно говорить о весьма многомъ; это ужъ всѣ знаютъ и безъ вашего напоминанія, хотя впрочемъ г. Некрасовъ свободно слагаетъ вирши о терновыхъ вѣнцахъ. Но между тѣмъ вашъ же сводный братъ, „Голосъ", ежедневно касается всего и съ большимъ удобствомъ разрѣшаетъ всѣ вопросы политическіе, экономическіе, соціальные, общественные и иные; отчего бы и вамъ не идти вслѣдъ за нимъ? — На это вы отвѣтите съ самодовольной улыбкой: „ну, мы немножко не то, что „Голосъ"; между нами и имъ существуетъ нѣкоторая разница; мы не въ примѣръ либеральнѣе его; этого не замѣчаютъ или прикидываются, будто не замѣчаютъ, только недобросовѣстные клеветники, изъ-за личностей придирающіеся къ личностямъ, прогнанные Некрасовымъ за литературную неспособность („передъ другими самъ я заперъ дверь") и мстящіе за это разными нелѣпыми инсинуаціями и равняющіе такой журналъ, какъ „Отечественныя Записки", который лучшая часть нашей публики давно поняла и оцѣнила, справедливо забывши людей, выѣзжавшихъ нѣкогда только на личностяхъ, неприличныхъ и бранчивыхъ выходкахъ и т. д.,—равняющіе, говоримъ, такой журналъ съ „Голосомъ"; это пи-

синуація и клевета, которую мы даже не считаемъ нужнымъ опровергать; она очевидна для всякаго, кто хоть сколько нибудь и проч. и проч.“ въ церковно-славянскомъ и несторовскомъ стилѣ.

Эхъ, господа, развѣ вы не замѣчаете, что вы ужэ давно у меня въ западнѣ? и я васъ ни за что не выпущу изъ ней, такъ и буду держать въ ней на показъ всѣмъ; сами же вы никакъ не вырветесь, хоть бы даже у васъ была изворотливость и пронырливость трикраты большая некрасовской. Вѣдь вы только подумайте, что вы во всемъ равны мнѣ, исключая того, что вы уже „тамъ“, а я, благодаря Бога, не „тамъ“; сказать же, что вы неравны мнѣ вамъ ужасно не хочется, такъ какъ вы силитесь показать видъ, что вы все тѣже, неизмѣнно твердые какъ камень. Такимъ образомъ для васъ вездѣ клинъ. Знайте, друзья, что это уже обыкновенная привиллегія фальшивыхъ и неискренних положеній: съ одной стороны они очень дороги и выгодны, но за то съ другой кусаются; человѣкъ думаетъ схватить только лакомаго червячка, а глядь онъ самъ повисъ на удѣ и вытащенъ изъ мутной воды на показъ всѣмъ.

Вы не въ примѣръ либеральнѣе „Голоса“? вамъ поэтому неудобно говорить о томъ, о чемъ онъ пространно разсуждаетъ ежедневно? Бѣдные, какъ вы стѣснены! Но вѣдь мнѣ помнится, что наша либеральная литература выработала нѣсколько стратегическихъ маневровъ, если не для устраненія, то для обхода этого неудобства. Если нельзя прямо говорить объ идеяхъ, то можно въ нѣко-

торыхъ случаяхъ говорить о личностяхъ, олицетворяющихъ эти идеи. И такихъ идеальныхъ личностей у насъ много, если даже не считать московскую пару, гг. Каткова съ Леонтьевымъ; напр. г. Краевскій выражаетъ собою одну идею, г. Некрасовъ — ту же идею только въ другой формѣ; г. Лохвицкій есть воплощенный типъ цѣлаго ряда юридическихъ идей и проч. Возставая противъ той или другой изъ этихъ личностей, вы тѣмъ самымъ показываете, что вамъ не по-сердцу та или другая идея. Но въ томъ-то и бѣда, что этотъ маневръ уже не возможенъ для васъ во многихъ случаяхъ, потому что вы теперь обязаны почтительнымъ молчаніемъ относительно многихъ изъ этихъ идеальныхъ личностей, а стало быть и идей, воплощаемыхъ ими, и вашимъ конемъ остается только одинъ изъѣзженный г. Скарятинъ съ братіею. Вотъ одно изъ основаній, почему я вамъ сую личности.—Соединившись съ г. Краевскимъ, Вы уже не можете выразить изъ вашихъ убѣжденій ничего, что такъ или иначе можетъ обидѣть или задѣть Андрея Александровича, ничего, что можно было бы сказать либеральнаго при посредствѣ имени г. Краевскаго и личностей ему подобныхъ и любезныхъ.—Если это не есть измѣна убѣжденіямъ, то во всякомъ случаѣ доказательство, что г. Краевскій не есть звукъ, не есть пустая формальная скрѣпа, а есть сильный факторъ, вліяющій на вашу литературную дѣятельность и зажимающій вамъ ротъ, если только у васъ дѣйствительно есть охота раскрывать его либеральнымъ образомъ. Кромѣ того я во-

обще не смѣю думать, чтобы Андрей Александровичъ позволилъ себѣ скрѣпить что нибудь своею подписью, зажмуря глаза.

Второй маневръ либеральной литературы состоитъ въ томъ, что когда ей неудобно давать прямые и вѣрные отвѣты на извѣстный вопросъ, то она ограничивается опроверженіемъ невѣрныхъ отвѣтовъ. Изъ множества отрицаній читатель можетъ вынести что нибудь положительное и даже напасть на положительное рѣшеніе. Но мнѣ ли объяснять вамъ, прославленнымъ отрицателямъ, пользу и стратегическія выгоды отрицанія? Вы безъ меня и навѣрное лучше меня сами знаете это. Отчего же вы не занимаетесь отрицаніями? Вашъ сводный братъ, „Голосъ", почти ежедневно предлагаетъ рѣшенія всякихъ и иныхъ вопросовъ. Позвольте васъ спросить, какъ вы въ душѣ относитесь къ этимъ рѣшеніямъ? Если они вамъ нравятся, если вы согласны съ ними, то почему вы этого не говорите, почему не поддерживате своимъ согласіемъ и подтвержденіемъ рѣшеній, согласныхъ съ вашими убѣжденіями? За дѣло не грѣшно хвалить даже роднаго брата, а тѣмъ болѣе своднаго. Если онъ либераленъ, то и ставьте ему это въ заслугу; помните, какъ это дѣлало нѣкогда „Внутреннее Обозрѣніе" относительно уже совсѣмъ забытыхъ нынѣ „Очерковъ"; и никто этого не находилъ ни страннымъ, ни пристрастнымъ. „Голосъ" же, это я всегда скажу, бываетъ либераленъ; раза два или даже три въ годъ въ немъ бываютъ воскресные фельетоны, далеко превосходящіе либерализмомъ даже фельетоны „Отечественныхъ

Записокъ", не только обыкновенные фельетоны этого журнала, но даже его фельетоны высшіе, такъ сказать, фельетоны перваго класса; напр. въ „Голосѣ" недавно описывалось, какъ одинъ господинъ пріѣхалъ изъ-за границы и фельетонистъ давалъ ему отчетъ въ нашемъ либерализмѣ и подводилъ передъ нимъ итоги нашихъ гражданскихъ пріобрѣтеній и разныхъ прогрессовъ; — это, я вамъ скажу, такъ было все либерально, что прелесть; еслибы я сотрудничалъ въ какомъ нибудь литературно-политическомъ изданіи, то непремѣнно цѣликомъ перепечаталъ бы этотъ фельетонъ въ своемъ журналѣ. Между тѣмъ „Отечественныя Записки" какъ будто вовсе и не замѣчаютъ этого похвальнаго либерализма. Значитъ есть причина, запрещающая вамъ хвалить то, что согласно съ вашими либеральными тенденціями.

Если же вы въ душѣ не согласны съ „Голосомъ", если онъ вамъ не нравится, а вы объ этомъ умалчиваете, то и это также значитъ, что вы хромаете и поступаете вопреки вашимъ убѣжденіямъ. Я думаю, что „Голосъ" вамъ сильно не нравится; по крайней мѣрѣ это вы должны говорить и показывать, какъ либералы; иначе возникаетъ сомнѣніе въ вашемъ либерализмѣ. Я же васъ считаю весьма большими либералами и даже радикалами; я думаю о вашемъ либерализмѣ также, какъ вы сами. Но чѣмъ выше ставлю я вашъ либерализмъ, чѣмъ больше вы славитесь вашимъ радикализмомъ, тѣмъ неизвинительнѣе и виновнѣе ваше молчаніе о „Голосѣ". Такимъ образомъ, дозволивши г. Краевскому сѣсть къ вамъ на

шею, вы добровольно отказались отъ одного изъ самыхъ сильныхъ орудій либеральной литературной дѣятельности; для васъ остается неприкосновеннымъ и недоступнымъ самый богатый родникъ либеральныхъ сюжетовъ и поводовъ къ либеральничанью; вы обязаны хранить о „Голосѣ" почтительное молчаніе.

Итакъ пока я не встрѣчу въ „Отечественныхъ Запискахъ" статейки о „Куриномъ эхѣ", пока они не станутъ свободно относится къ „Голосу", я буду считать ихъ дѣйствительнѣйшимъ и естественнѣйшимъ органомъ г. Краевскаго; а всѣ эти завѣренія, что имя г. Краевскаго есть пустой звукъ, что скрѣпа его ничего не значитъ буду называть продѣлкой, надувательствомъ. — „Искру" же перестану считать органомъ г. Краевскаго только тогда, когда она возьметъ назадъ пущенную ею мысль, будто г. Краевскій равняется пол-Бѣлинскому, а въ соединеніи съ Некрасовымъ составляетъ цѣлаго Бѣлинскаго, и будетъ относиться къ Краевскому также свободно и непринужденно, какъ относилась къ нему прежде, до соединенія его съ г. Некрасовымъ. — Объ „Недѣлѣ" не стоитъ и распространяться; она вся состоитъ частью изъ „Отечественныхъ Записокъ", а большею частью изъ „Искры", и потому къ ней относится все, что сказано объ этихъ двухъ журналахъ.

---

*

ГЛАВА IX.

Предполагаемыя возраженія защитниковъ Некрасова и опроверженіе ихъ. — Права Некрасова на снисхожденіе и на прощеніе его гражданскихъ ошибокъ.

При настоящемъ состояніи литературы г. Некрасовъ найдетъ себѣ много защитниковъ; всѣ, работающіе въ 4-хъ органахъ г. Краевскаго, завопятъ противъ меня и въ пользу г. Некрасова. Ужь и теперь я живо представляю себѣ слѣдующія смягчающія умствованія.

„Зачѣмъ придираться къ личности г. Некрасова, зачѣмъ безцеремонно вторгаться въ его частную домашнюю жизнь, которая не подлежитъ вѣдѣнію и суду общества и литературы и должна быть неприкосновенна для литературной и публицистической критики? Къ чему толковать о подвигахъ г. Некрасова, объ его отреченіяхъ, о сваливаніи имъ вины либерализма на сотрудниковъ; это все частныя, домашнія дѣла, не относящіяся къ литературѣ. Г. Некрасова нужно судить какъ поэта; нужно забыть его имя, его личность, а видѣть только книжку его стихотвореній и судить объ нихъ. Хороши они,— такъ и сказать, а дурны, — нужно это доказать. Что они хороши,—это признала вся либеральная Россія, это доказано множествомъ изданій ихъ. Понятно, что безсильная злоба, не находя ничего дурнаго въ нихъ, изливаетъ свою жолчь на личность поэта, на его частную

дѣятельность, чтобы затѣмъ бросить тѣнь на его прекрасныя стихотворенія. Злоба ослѣпляется до того, что наконецъ подкапывается подъ самыя стихотворенія, хочетъ представить ихъ натянутыми, несильными, лицемѣрными. Публика оцѣнитъ по достоинству этотъ недостойный маневръ и заклеймитъ его настоящимъ именемъ; она найдетъ ключъ къ нему въ новомъ стихотвореніи г. Некрасова, обращенномъ къ „неизвѣстному другу", гдѣ поэтъ говоритъ, что передъ нѣкоторыми изъ своихъ бывшихъ друзей „онъ самъ заперъ дверь" (отворивши ее потомъ для впуска г. Краевскаго). Стрѣла поэта попала въ цѣль; и мы понимаемъ теперь причину всѣхъ этихъ нападеній на него... и т. д."

Вы были бы правы, мои любезные противники, еслибы я дѣйствительно вторгся въ частную домашнюю жизнь г. Некрасова, обличалъ бы передъ публикой его квартиру, качество и количество мебели въ ней, его одежду, его пищу и питье, его развлеченія, его отношенія къ родителямъ и сродникамъ, къ отцамъ и дѣтямъ, къ супругѣ, къ прислугѣ и т. д. Но вѣдь я говорилъ о политическихъ подвигахъ г. Некрасова, объ его отношеніяхъ къ журнальнымъ сотрудникамъ, къ предержащимъ властямъ, къ формальному и неформальному суду. Ужъ если все это относится къ частной и домашней жизни, то я и незнаю, что же не относится къ ней. Мои противники, въ бытность свою обличителями и отрицателями, много нападали на взяточниковъ. А вѣдь взятки берутся не по формальнымъ приказаніямъ и даются не

въ присутствіяхъ, не подъ формальныя росписки; эти дѣла совершаются въ самыхъ интимнѣйшихъ формахъ, дома, въ кабинетѣ, въ халатѣ, и до нихъ никому нѣтъ дѣла. Чиновникъ, взявшій взятку, не кривитъ душой въ стихотвореніяхъ, въ печати, на бумагѣ; онъ заготовляетъ бумагу о своемъ кліентѣ самую строгую, самую законную; а за тѣмъ при докладѣ начальнику на словахъ замолвитъ два-три словечка, такъ что начальникъ умилосердится и прикажетъ ему приготовить другую бумагу, менѣе строгую. Чиновникъ на бумагѣ, печатнымъ образомъ, дѣйствовалъ совершенно законно, а покривилъ душою только на словахъ, т. е. частнымъ, домашнимъ образомъ; а частную жизнь его никто не имѣетъ права судить. Былъ когда-то въ нашей литературѣ поэтъ, Всеволодъ Костомаровъ, либеральныя стихотворенія котораго нравились публикѣ; но вдругъ публика почувствовала омерзеніе къ нимъ, хотя въ поэтической дѣятельности поэта не произошло никакихъ перемѣнъ и онъ не напечаталъ ни одного не либеральнаго или вообще неодобрительнаго стихотворенія. Оказывается, что поэтъ этотъ говорилъ кое-что на словахъ, но не публичнымъ образомъ, а самымъ конфиденціальнымъ и сокровеннѣйшимъ. — Всѣ знаютъ, какъ либеральны и радикальны были статьи и рѣчи г. Кокорева, съ какою энергіей и чисто русской своеобразностью онъ выражалъ въ нихъ свою любовь къ свѣту, гласности, прогрессу и свое искреннее участіе къ горькой участи меньшаго брата, „сѣраго“ русскаго мужичка, который былъ столь же дорогъ для него, какъ для г. Не-

красова были дороги „деревенскіе русскіе люди“. Словомъ все, выходившее изъ-подъ пера и изъ устъ г. Кокорева, было столь же гуманно, либерально и восторженно, какъ вся поэзія г. Некрасова. Но не смотря на это, почти всѣ подсмѣивались надъ произведеніями г. Кокорева, совершенно безукоризненными въ литературномъ и либеральномъ отношеніяхъ, и для поддержанія своего смѣха вторгались въ частную, домашнюю жизнь г. Кокорева, намекали на его торговыя операціи хлѣбнымъ виномъ, разными акціями и даже касались его дружескихъ связей — и этого не пощадили! — съ подрядчиками, не кормившими своихъ рабочихъ бѣлымъ хлѣбомъ. Вотъ опять сужденіе о литературныхъ произведеніяхъ на основаніи вторженія въ частную жизнь писателя!

Вообще довольно трудно провести теоретически рѣзкую черту, которая бы для всѣхъ случаевъ отдѣляла частную жизнь отъ общественной, домашнюю дѣятельность отъ публичной. Но несомнѣнно, что для каждаго даннаго случая эта черта существуетъ и можетъ быть найдена. По моему убѣжденію, въ настоящемъ объясненіи я не переступилъ этой черты; упоминаемые въ немъ факты лежатъ далеко отъ этой черты въ сторону общественности и публичности.

Что касается до того правила, что при сужденіи о поэтическихъ произведеніяхъ не должно быть никакого лицезрѣнія, что нужно при этомъ вполнѣ отрѣшиться отъ личности поэта, забыть ее и судить только печатную книжку, то я самъ прежде держался этого правила. Для

меня Иліада не теряла прелести и тогда, когда мнѣ говорили, что она сочинена не Гомеромъ, что Гомеръ никогда не существовалъ, что онъ миѳъ, а что сочинителями ея были цѣлые десятки рапсодовъ; хотя признаюсь, мнѣ было бы непріятно узнать, что она сочинена сикофантами. Но потомъ либеральные люди, спасибо имъ, просвѣтили мои очи и вылечили меня отъ нелиберальной терпимости, научили меня, что нужно зрѣть и на лица поэтовъ, а не на одни только ихъ стихотворенія. Вотъ что я когда-то прочиталъ во „Внутреннемъ Обозрѣніи“ и что съ тѣхъ поръ неизгладимо напечатлѣлось въ моемъ умѣ и сердцѣ.

«Мы уже не одинъ разъ говорили вамъ, читатель, какую удушливую атмосферу имѣетъ наше общество. Это вы услышите отъ насъ еще много разъ. Мы въ этомъ случаѣ не застѣнчивы, и, что намъ нужно, повторимъ хоть пять-сотъ разъ.—Каждый день понемножку и понемножку, но тѣмъ не менѣе дѣйствительно и ядовито, оно, т. е. общество—отравляетъ жизнь лучшихъ изъ насъ и доводитъ нѣкоторыхъ до апатіи, даже до единомыслія съ г. Аскоченскимъ. Скверные, возмутительные образы преслѣдуютъ насъ отъ нашихъ разнообразныхъ канцелярій до поэзіи включительно. Когда вы изъ вашей канцеляріи,—истерзанные, измученные отъ одной встрѣчи съ людьми, съ которыми не желали бы встрѣчаться всю жизнь, если бы васъ не вынуждала къ тому необходимость дневнаго пропитанія,—прибѣгаете домой, васъ встрѣчаетъ здѣсь нужда или что нибудь худшее еще, заботы нынѣшняго дня, еще большія заботы о днѣ завтрашнемъ, мелочи, сплетни. Утомленные всѣмъ этимъ до послѣдней возможности, вы находите наконецъ свободную минуту и думаете употребить эту минуту на освѣженіе силъ своихъ литературой. Вы берете стихотворенія поэта, когда то доставлявшія вамъ удовольствіе своею оригинальностію, свѣжестію мотивовъ, начинаете читать, но изъ за строкъ на васъ

непріязненно выглядываетъ образъ поэта, который давно уже успѣлъ превратиться въ калику перехожаго, *толчется въ переднихъ милостивцовъ и пишетъ пошленькіе и подленькіе стишки изъ-за подачки....* Вы съ отвращеніемъ бросаете подъ столъ ненавистную вамъ книгу» (Современ. 1861. № 4. Внутр. Обоз. 471).

Послѣ этого всякому легко представить, что должно происходить въ моей душѣ при чтеніи некрасовскихъ стихотвореній; всякій разъ, какъ я берусь за нихъ, во мнѣ совершается такое же мучительное колебаніе, какъ у того несчастнаго почтмейстера. Въ одномъ ухѣ раздается: „прекрасно, читай", а въ другомъ: „мерзко, брось подъ столъ",—„читай",—„брось подъ столъ" и т. д. И я право не знаю, какъ мнѣ выдти изъ этого колебанія, какъ утишить эту бурю искусительныхъ сумленій.

Тѣже самые либеральные люди желали поднять меня еще на высшую степень либеральной строгости и внушали мнѣ, чтобы я при встрѣчѣ съ поэтическимъ произведеніемъ узнавалъ предварительно не только человѣческую и гражданскую мораль поэта, но и его гражданское и іерархическое положеніе, т. е. просто говоря, справлялся бы, какой онъ имѣетъ чинъ, и если окажется, что этотъ чинъ солидный, а тѣмъ болѣе крупный, то не довѣрялъ бы поэтическимъ талантамъ такого чиновника. Вотъ это внушеніе, заученное мною наизусть.

Вы берете творенія другаго поэта, когда то еще болѣе вамъ нравившіяся, начинаете читать, но изъ-за строкъ, вмѣсто когда то милаго вамъ образа, выглядываетъ *статскій совѣтникъ*, почитающій за честь и счастіе служить *украшеніемъ обѣдовъ* для

жизни полезныхъ.... Вы непріятно поражены.... чувство прежней симпатіи шепчетъ вамъ: «чтожь?.. вѣдь это не поэтъ, это.... *статскій совѣтникъ*», но неумолимый принципъ вопіетъ: зачѣмъ поэту связываться съ *статскимъ совѣтникомъ?*... и вы бросаете отъ себя прочь книгу, ничѣмъ впрочемъ невинную, но показавшуюся вамъ гадкою отъ ползанія творца ея» (Ibid. 472).

Признаюсь, я не могъ подняться до такой радикальной высоты и примириться съ тѣмъ либеральнымъ положеніемъ, что литературныя дарованія и способности обратно пропорціональны высотѣ чина. Къ г. Некрасову отличнѣйшимъ образомъ примѣняется этотъ критерій, по которому онъ долженъ быть первѣйшимъ поэтомъ. Но противъ общаго и повсюднаго примѣненія такого критерія возставало—homo sum—мое самолюбіе: имѣя чинъ, непосредственно граничащій съ оберъ-офицерскими чинами, какъ я долженъ былъ думать о своихъ литературныхъ способностяхъ по обратной пропорціональности чину? Кромѣ того въ моемъ упорствѣ подкрѣпляли меня и объективныя основанія; перебравши всѣхъ извѣстныхъ мнѣ литературныхъ дѣятелей съ точки зрѣнія указаннаго критерія, я убѣдился, что онъ не вѣренъ. Я увидѣлъ напр., что между надворными совѣтниками есть очень порядочные, и либеральные и радикальные публицисты; открылъ даже, что дѣйствительные статскіе совѣтники, т. е. настоящіе генералы, могутъ быть отличными обличителями и отрицателями, сатириками, юмористами и фельетонистами. Почему же въ самомъ дѣлѣ генералъ не можетъ быть хорошимъ поэтомъ?

По этому при чтеніи стихотвореній г. Некрасова я не справляюсь и не думаю о чинѣ поэта; но не могу удержаться отъ повторенія слѣдующихъ мучительныхъ скорбныхъ думъ „Внутренняго Обозрѣнія“ и Пушкина.

«Боже! гдѣже искать непоколебимыхъ убѣжденій, гдѣ искать людей, если ихъ нѣтъ даже между тѣми, которые причисляютъ себя къ жрецамъ истины и *поэзіи?* Гдѣ наши Чарскіе съ гордымъ и независимымъ характеромъ, которыхъ давно желаетъ видѣть нашъ народъ, которые бы были способны не только сказать, но и своею дѣятельностію оправдать, что «наши поэты не пользуются *покровительствомъ господъ*, что наши поэты сами господа, и если наши меценаты этого не знаютъ, тѣмъ хуже для нихъ; что у насъ нѣтъ оборванныхъ аббатовъ, которыхъ музыкантъ бралъ бы съ улицы для сочиненія libretto, что у насъ поэты не ходятъ пѣшкомъ изъ дому въ домъ, выпрашивая себѣ вспоможенія» (Соч. Пушкина Т. V.). Гдѣ наши Камоэнсы, которые бы считали низостью *такъ или иначе продавать свои убѣжденія или вдохновеніе*, которые не кланялись бы золотому тельцу, въ какихъ бы видахъ онъ ни являлся, которые бы, больные, полумертвые, всѣми оставленные, нищіе, лежа въ нечистомъ лазаретѣ, все еще были способны сказать съ твердостію какому нибудь Квебедо и проч. (Ibid)».

Всѣ три вышеприведенныя мѣста служатъ, мнѣ кажется, достаточнымъ авторитетомъ, подкрѣпляющимъ меня и защищающимъ меня отъ всякихъ возраженій моихъ противниковъ. Эти мѣста избавляютъ меня отъ труда еще болѣе развивать ту мысль, что весьма непріятно читать возвышенно-гордыя стихотворенія поэта, который „толчется въ переднихъ милостивцевъ,“ и что хотя это толченіе есть частное домашнее дѣло, однако оно есть одно

изъ элементовъ, неизбѣжно вліяющихъ на сужденіе о литературныхъ заслугахъ поэта какъ гражданина.

Нѣтъ, о гражданскихъ подвигахъ г. Некрасова нельзя не вспоминать при чтеніи его стихотвореній; эти подвиги далеко не домашнія и частныя дѣла. Другая точка зрѣнія на предметъ будетъ гораздо вѣрнѣе и гуманнѣе: эти подвиги можно извинить г. Некрасову, простить ихъ за его другія заслуги. Съ своей стороны я вполнѣ признаю эту точку зрѣнія; на нее же сталъ и самъ г. Некрасовъ. Онъ думаетъ о себѣ, что онъ до того усердно воспѣвалъ русскій народъ, что на пальцахъ у него выступила „капля крови", и что онъ такимъ образомъ, подобно капитану Копѣйкину, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, проливалъ кровь. За эту „каплю крови" онъ въ правѣ требовать себѣ индульгенціи за разные гражданскіе грѣшки, и тѣмъ болѣе, какъ самъ онъ говоритъ, что во 1-хъ онъ не получилъ въ дѣтствѣ хорошаго воспитанія, во 2-хъ не имѣетъ друзей и „ни въ комъ не находитъ опоры" и въ 3-хъ любитъ „блага жизни." Всякій снисходительный и гуманный человѣкъ признаетъ всю силу и основательность этихъ правъ г. Некрасова на снисхожденіе къ нему и прощеніе. Но когда я подумаю о нашихъ либералахъ и радикалахъ, о томъ, до какой ужасной степени они строги, неумолимы и неумытны ко всякимъ прегрѣшеніямъ, какъ безпощадно они карали во сто кратъ слабѣйшія прегрѣшенія, то мнѣ становится страшно за г. Некрасова, который самъ же и содѣйствовалъ развитію такого ригористическаго радикализма.

Былъ напримѣръ такой случай. Одинъ господинъ напечаталъ, что онъ будетъ заниматься только производствомъ, а не распредѣленіемъ; другой господинъ видѣлъ, какъ это печаталось и не остановилъ злодѣйской мысли, такъ сказать, попустилъ совершиться гражданскому преступленію. Нужно было видѣть, какъ взъѣлись на этого другаго господина либералы и радикалы; это ренегатство, кричали они, измѣна убѣжденіямъ; занятіе производствомъ безъ распредѣленія постыдно, позорно, хуже ростовщичества, хуже гласныхъ ссудъ Карповича и т. д. Я думаю даже до вашихъ ушей, Николай Алексѣевичъ, доходилъ этотъ громовой судъ; можетъ быть и вы сами прибавили своего грому къ этой казни.

На смягчающія обстоятельства не было обращено ни малѣйшаго вниманія; можетъ быть и этотъ господинъ въ нѣкоторомъ родѣ проливалъ „каплю крови", отдававшуюся на съѣденіе тѣмъ клопамъ и блохамъ, которыя описаны въ стихотвореніи г. Некрасова „Судъ" и отъ которыхъ г. Некрасовъ, по его словамъ, сильно страдалъ, когда сидѣлъ, неизвѣстно впрочемъ когда, на гауптвахтѣ; можетъ быть и этотъ господинъ получилъ дурное воспитаніе, „ни въ комъ не имѣлъ опоры" и любитъ „блага жизни". Но все это не принято въ соображеніе, и приговоръ не смягченъ. А между тѣмъ, согласитесь сами, попущеніе къ совершенію преступленія далеко не такъ преступно, какъ самое совершеніе; а занятіе производствомъ безъ распредѣленія нисколько не уступаетъ гражданскимъ подвигамъ г. Некрасова. Вотъ

напримѣръ „Отечественныя Записки“ послѣ своего либеральнаго ренесанса ни слова ни пикнули не только о распредѣленіи, но даже и о производствѣ, а занимались похвальными словами Екатеринѣ II, остротами надъ г. Скарятинымъ, переопроверженіемъ г. Тургенева и проч.; и никто не возмущался этимъ не занятіемъ распредѣленіемъ.

А то вотъ былъ и другой случай. Одинъ почтенный литераторъ, никогда не проповѣдывавшій ни терновыхъ вѣнцовъ, ни радикальнаго либерализма, занялся корректурой объявленій въ „Полицейскихъ Вѣдомостяхъ“ и вообще редижированіемъ ихъ. „Позоръ! кричатъ по этому случаю либеральные радикалы, ренегатство, измѣна; такого литератора нельзя пустить въ порядочный домъ, въ литературную компанію; это не литераторъ, а полицейскій ярыжка!“ Вотъ какъ! А вѣдь согласитесь сами, Николай Алексѣевичъ, что между вашими подвигами и корректурой „Полицейскихъ Вѣдомостей“ большая разница въ пользу корректуры, тѣмъ болѣе, что литераторъ, занимающійся ею, можетъ быть тоже дурно воспитанъ, проливалъ въ нѣкоторомъ родѣ „каплю крови,“ не имѣетъ опоры, любитъ „блага жизни“.

Больше же всего бывало такихъ случаевъ. Какой нибудь несчастный литераторъ, не имѣя возможности пробавляться литературой, поступаетъ на казенную службу— это единственное, всеобщее, надежное пристанище для всѣхъ, ищущихъ куска хлѣба. Это поступленіе считалось такимъ ужаснымъ преступленіемъ въ глазахъ либераловъ,

такимъ ренегатствомъ, которымъ нѣтъ прощенія. А между тѣмъ служеніе государству, особенно добросовѣстное, есть дѣло весьма почтенное, и во всякомъ случаѣ не можетъ равняться съ подвигами г. Некрасова. Кромѣ того, очень можетъ быть, что и поступившіе на государственную службу были дурно воспитаны, проливали въ нѣкоторомъ родѣ каплю крови, любятъ блага жизни и проч.

Я уже не стану говорить о томъ, какъ жестоко и безпощадно наказывали либералы даже не важные нелиберальные проступки, совершавшіеся печатно даже въ легкой поэтической формѣ. Всѣ знаютъ и помнятъ, какъ доставалось г. Майкову за его подблюдные стишонки, г. Полонскому за его „Разладъ“, произведеніе искреннее и сравнительно безвредное, г. Ключникову за его „Марево“, стебницкимъ романистамъ за ихъ разсказы и проч. Никто изъ либеральныхъ судей и палачей и не подумалъ, что, быть можетъ, всѣ эти поэты любятъ „блага жизни,“ въ нѣкоторомъ родѣ проливали „каплю крови“ и проч.

Послѣ этого легко себѣ вообразить, какъ эти судьи и палачи отнесутся къ подвигамъ г. Некрасова, къ тѣмъ смягчающимъ обстоятельствамъ и извиненіямъ, которыя онъ представляетъ. Они нисколько не уважутъ этихъ обстоятельствъ, не примутъ этихъ извиненій. Относительно капли крови они скажутъ, что всякому въ теченіи своей жизни непремѣнно приходилось, такъ или иначе пролить нѣсколько капель крови, и что хоть одну изъ нихъ непремѣнно можно поставить на счетъ народу, отчизнѣ.

Противъ оправданія дурнымъ воспитаніемъ, они замѣтятъ, что вообще въ нашей жизни нельзя найти „ни одного отраднаго явленія“, „ни одного свѣтлаго луча въ темномъ царствѣ“. Развѣ можно, скажутъ они, найти у насъ хоть одного человѣка, воспитаннаго какъ слѣдуетъ? Некрасовъ счастливъ хоть тѣмъ, что онъ не получилъ никакого воспитанія, и предоставленъ былъ природѣ, т. е. естественному развитію; его не гнули въ хорошую сторону, но за то не гнули и въ дурную; ему не внушали хорошаго, но за то и не вбивали систематически въ голову ничего дурнаго, такъ что онъ не имѣлъ надобности, подобно воспитаннымъ людямъ, передѣлывать, переламывать себя, и т. д. Я думаю, что радикальные либералы съ особеннымъ неудовольствіемъ и энергіей отвергнутъ то извиненіе г. Некрасова, будто бы онъ не имѣетъ друзей и ни въ комъ не находитъ опоры. Ужъ если кому, скажутъ они, можно жаловаться на недостатокъ друзей и опоры, то ни въ какомъ случаѣ не г. Некрасову. Еслибъ все зависѣло отъ друзей, отъ опоры, то г. Некрасовъ долженъ былъ бы быть идеальнѣйшимъ человѣкомъ и высочайшимъ аскетомъ гражданской добродѣтели; въ теченіи всего долговременнаго поприща своей литературной дѣятельности онъ былъ окруженъ честнѣйшими, искреннѣйшими и непоколебимѣйшими бойцами мысли, правды и добра; его поддерживали и поучали лучшіе наши литературные дѣятели, первый цвѣтъ литературы, начиная Бѣлинскимъ, и оканчивая Писаревымъ. Еслибы даже у г. Некрасова теперь дѣй-

ствительно не было друзей и опоры, то одно воспоминаніе объ этомъ цѣломъ рядѣ окружавшихъ его лучшихъ людей должно было бы служить самой лучшей опорой для него; отъ многаго его должно было бы удержать уваженіе къ памяти его бывшихъ друзей. Но г. Некрасовъ, непремѣнно скажутъ строгіе либералы, даже не имѣетъ ни малѣйшаго права жаловаться и въ настоящее время на недостатокъ друзей и опоры; потому что и настоящій его антуражъ, весь, за исключеніемъ конечно г. Краевскаго, состоитъ изъ радикальныхъ либераловъ чистѣйшей крови. Въ самомъ дѣлѣ, скажутъ они, развѣ г. Слѣпцовъ не другъ и не опора, развѣ г. Елисеевъ (Грыцько) не другъ и не опора, не говоря уже о множествѣ закулисныхъ друзей и опоръ?

Дѣйствительно, это послѣднее возраженіе либераловъ совершенно основательно. Жалоба г. Некрасова на то, что у него нѣтъ друзей и опоры, и что вслѣдствіе этого онъ поетъ на лирѣ не то, что слѣдовало бы, и вообще совершаетъ гражданскіе подвиги, очень оскорбительна, и унизительна для двухъ вышепоименованныхъ писателей; г. Некрасовъ публично объявляетъ, что они вовсе не друзья его, что въ нихъ нельзя найти никакой опоры, что они словомъ для него ничто или такая хрупкая дребедень, на которую никакъ нельзя опереться въ хорошемъ дѣлѣ, которая скорѣе подталкиваетъ его на гражданскіе подвиги, чѣмъ удерживаетъ отъ нихъ Право, это очень обидно. Два вышепоименованные писателя могутъ сказать, что эта обида касается и меня.

что и я былъ прежде въ числѣ друзей окружавшихъ г. Некрасова, что онъ и во мнѣ не находилъ опоры. Совершенно справедливо; но вѣдь за тоже я и прогнанъ г. Некрасовымъ; онъ и „заперъ передо мною дверь“ потому, что я ни на что для него не годился, что онъ не могъ опираться на меня. Васъ же, два вышеназванные писателя, онъ оставилъ при себѣ, пустилъ васъ въ дверь къ себѣ; значитъ считалъ васъ нужными, годными на что нибудь, и вдругъ теперь поетъ, что вы для него ничто, что отъ васъ точно отъ козла молока, ни дружбы, ни опоры, ни поддержки въ хорошемъ дѣлѣ. Если это обидно для меня, то для васъ обиднѣе въ сто разъ; относительно васъ это уже слишкомъ безцеремонно. Какъ вы думаете?

Я уже и не знаю, что скажутъ радикальные либералы на то оправданіе г. Некрасова, что онъ любитъ „блага жизни“. По ихъ ригористическому кодексу запрещено любить даже женщину, даже произведенія Шекспира; а какъ нужно относиться къ благамъ жизни, — объ этомъ ужъ ничего и не сказано. Я съ своей стороны замѣчу объ этомъ предметѣ слѣдующее: еслибъ поэтическій и гражданскій либерализмъ не давалъ г. Некрасову „благъ жизни“, то послѣдній имѣлъ бы нѣкоторое право по временамъ отступаться отъ либерализма, чтобы этимъ пріобрѣсть благъ. Напротивъ, либерализмъ-то именно и приносилъ ему съ собою блага; такъ что если онъ любитъ блага, то тѣмъ сильнѣе и крѣпче долженъ былъ бы держаться либерализма. Сочиненія ни одного изъ на-

шихъ лучшихъ поэтовъ и публицистовъ не издавались такъ часто, какъ стихотворенія г. Некрасова, и все за ихъ либерализмъ; ни одинъ журналъ не имѣлъ столь блестящаго успѣха, какъ журналъ г. Некрасова, и тоже за либерализмъ. Какихъ же еще большихъ благъ нужно было г. Некрасову, и для какихъ благъ онъ измѣнялъ либерализму?

Воображаю я, что произошло бы, еслибы подобное стихотвореніе съ подобными оправданіями дурнымъ воспитаніемъ, каплей крови и любовью къ благамъ жизни, напечаталъ кто-нибудь изъ обыкновенныхъ стихотворцевъ: г. Майковъ, г. Полонскій, г. Щербина и проч.! Сколько бы на нихъ посыпалось остротъ, насмѣшекъ, издѣвательствъ, оскорбленій, негодованія и презрѣнія! „Искра" сочинила бы на это стихотвореніе сотню пародій и столько же каррикатуръ. Г. Благосвѣтловъ зарыкалъ бы въ „Дѣлѣ", какъ левъ, съ негодованіемъ на такое позорное оскверненіе искусства, предался бы крайнему изумленію по поводу того, что возможны еще въ литературѣ люди, не презирающіе, а любящіе блага жизни и вообще наказалъ бы такого стихотворца гораздо строже, чѣмъ фельетонистовъ „Петербургскихъ Вѣдомостей" за Лядову. Даже всехвальный изъ этихъ фельетонистовъ, можетъ быть, не похвалилъ бы такого стихотворенія. Особенно же досталось бы ему отъ „Отечественныхъ Записокъ"; гм! сказали бы они, блага жизни! а мы думали, что поэтическое вдохновеніе не можетъ быть заказано и вызвано благами жизни, что поэтъ безкорыстно

приноситъ жертвы Аполлону, а оказывается, что россійскіе поэты, какъ и всѣ мы грѣшные, любятъ блага жизни и при случаѣ для этихъ благъ готовы тово.... изъ лиры ложный звукъ извлечь; значитъ россійскіе поэты блага-то жизни возлюбили больше, чѣмъ лиру.... и т. д. Повидимому скромно и тихо, а на дѣлѣ ѣдко и колко. Посмотрите, напримѣръ, какъ досталось въ „Отечественныхъ Запискахъ“ Фоссу за изданіе „Женскаго календаря“; рецензентъ забрался въ душу, въ самый секретный уголокъ души Фосса и выворотилъ всю ее наружу, показалъ намъ всѣ нечистыя побужденьица и мелкіе разсчетцы Фосса и выслѣдилъ весь путь, какимъ сей издатель дошелъ до своей спекуляціи. Вообразите же, что́ этотъ почтенный журналъ запѣлъ бы спекулянту не издателю, а поэту, гоняющемуся за благами жизни. Но извинительное стихотвореніе съ благами жизни написалъ и напечаталъ не Фоссъ, не гг. Полонскій, Майковъ и Щербина, не г. Ключниковъ или г. Стебницкій, а самъ г. Некрасовъ и — никто не смѣетъ пикнуть!

ГЛАВА X.

Усиленный либерализмъ Некрасова. — Эпилогъ.

По минованіи тучи и по проясненіи литературнаго горизонта Вы, Николай Алексѣевичъ, стали стараться

загладить свои послѣдніе подвиги усиленнымъ либерализмомъ и довели его до такой крайности, что онъ представляется уже безтактнымъ и смѣшнымъ. Вы, Николай Алексѣевичъ, человѣкъ способный понимать всякое дѣло и воображать себя во всякомъ положеніи, даже сидящимъ на гауптвахтѣ и страдающимъ за идею. Вообразите же себѣ, что кто нибудь другой дѣйствуетъ на литературномъ поприщѣ такъ, какъ Вы нынѣ дѣйствуете, а себя вообразите постороннимъ зрителемъ и наблюдателемъ; ужели Вы не раскусили бы этой дѣятельности, и какъ бы она Вамъ показалась? Точно также относятся къ вашей настоящей дѣятельности всѣ люди, способные понимать дѣло и неспособные обманываться блестящими фразами. Какъ Вы думаете, какой эффектъ производитъ напримѣръ слѣдующее ваше стихотвореніе?

Пожалуйста, не говори
Про русское общественное мнѣнье!
Его нельзя не презирать,
Сильнѣй невѣжества, распутства, тунеядства;
На немъ предательства печать (однако оно никогда не измѣняло поэзіи г. Некрасова)
И непонятнаго злорадства!
У русскаго особый взглядъ,
Преданьямъ рабства страшно вѣренъ:
Всегда побитый виноватъ,
А битымъ—счетъ потерянъ!
Какъ будто *съ умысломъ силки*
Мы разставляемъ *мысли смѣлой:*
Сперва – сторонниковъ полки,
Восторгъ почти Россіи цѣлой,
Потомъ—усталость; наконецъ

Всѣ на сторожѣ, всѣ въ тревогѣ,
И покидается боецъ
Почти на пол-дорогѣ......
Побѣда! мимо всѣхъ преградъ
Прошла и принялась идея:
Ура! кричимъ мы не робѣя
И тотъ, кто радъ, и кто не радъ....
Зато съ какимъ зловѣщимъ тактомъ
Мы неудачу сторожимъ!
Замѣтивъ облачко надъ фактомъ,
Какъ стушеваться мы спѣшимъ!
Какъ мы *вертимъ хвостомъ лукаво*,
Какъ мы уходимъ величаво
Въ скорлупку пошлости своей!
Какъ негодуемъ, какъ *клевещемъ*,
Какъ *ретроградамъ рукоплещемъ*,
Какъ выдаемъ своихъ друзей!
Какіе слышатся аккорды
Въ постыдной оргіи тогда!
Какіе выдвинутся морды
На первый планъ! Гроза, бѣда!
Облава въ полномъ смыслѣ слова!..
Свалились въ кучу—и готово
Холопской дури торжество,
Мычанье, хрюканье, блеянье
И жеребячье гоготанье —
А—ту его! а—ту его! (Однако въ поэзіи г. Некрасова этого никогда не бывало).
Не такъ ли множество идей
Погибло несомнѣнно важныхъ (Не погибло ни одной идеи изъ поэзіи г. Некрасова; всѣ раскуплены въ нѣсколькихъ изданіяхъ),
Помявъ (кто?) *порядочныхъ людей* (правда)
И выдвинувъ впередъ *продажныхъ* (правда)?

Вѣроятно окружающіе Васъ литераторы и всехвальные

фельетонисты говорятъ Вамъ, что это стихотворенie прекрасно, что Вы отлично отдѣлали общественное мнѣнie, мѣтко попали въ больное мѣсто общества, въ его тайную язву. Если они говорили Вамъ это на словахъ, то на умѣ, увѣряю Васъ, они думали слѣдующее о стихотворенiи: „Это, другъ, ты описалъ не общественное мнѣнie, а себя самаго; ужъ, братъ, не прикидывайся, не кивай на Петра, всякiй увидитъ, что это твой собственный портретъ. И вѣдь дѣйствительно эта ваша грозная филиппика противъ общественнаго мнѣнiя буквально до мельчайшихъ подробностей примѣняется къ Вамъ, къ вашему поведенiю; только вмѣсто „жеребячьяго гоготанья — а-ту его! а-ту его!“ Вы восклицали почеловѣчьи: „это зло нужно вырвать съ корнемъ“. Вѣдь это до очевидности ясно всякому неглупому человѣку, понимающему дѣло; а таковые есть между вашими сотрудниками. Это даже, я вполнѣ увѣренъ, ясно и видно для васъ самихъ. Что же послѣ этого значитъ приведенное стихотворенie; что оно? шутка, красное словцо, цинизмъ, приманка, мороченье? Все, что хотите; только не выраженie искренняго чувства, не живое и не дѣйствительное слово.

А вотъ другое стихотворенie г. Некрасова, „Мать“, еще лучшее и либеральнѣйшее.

Она была исполнена печали,
И между тѣмъ и шумны и рѣзвы
Три отрока вокругъ нея играли,
Ея уста задумчиво шептали:
«Несчастные! зачѣмъ родились вы?
Пойдете вы дорогою прямою

И вамъ судьбы своей не избѣжать!»
Не омрачай веселья ихъ тоскою,
Не плачь надъ ними, мученица—мать!
Но говори имъ съ молодости ранней:
Есть времена, есть цѣлые вѣка,
Въ которые нѣтъ ничего желаннѣй,
Прекраснѣе—терноваго вѣнка....

Вообразите себѣ, что какая нибудь мать съ дуру дѣйствительно увлечется словами поэта, и не разобравши хорошенько дѣла, станетъ твердить своимъ „отрокамъ“, что нѣтъ ничего „желаннѣй и прекраснѣй терноваго вѣнка“; отроки, тоже не раскусивши дѣла, послушаются маменьки и надѣнутъ терновые вѣнки. Вотъ тутъ только и маменька и отроки узнаютъ на дѣлѣ, что терновые вѣнки вовсе не таковы, какъ ихъ изображаютъ слова поэта, что они очень и очень тяжелы, что они больно, пребольно колютъ; вотъ тутъ только начнутся раскаянья, упреки, проклятья и рыданья несчастной матери, и единственнымъ ея утѣшеніемъ остается мысль, что поэтъ своимъ задушевнымъ словомъ состраданья и участья облегчитъ ея материнское горе и звуками ободренія воскреситъ материнскую гордость и подкрѣпитъ падающее мужество. Но не тутъ-то было; поэтъ является на сцену и начинаетъ распѣвать такую рапсодію: „хорошенько, хорошенько ихъ: такъ имъ и надо; а ту ихъ, а-ту ихъ; ишь что выдумали молокососы, надѣвать терновые вѣнки; нѣтъ, это нужно вывести, это зло нужно вырвать съ корнемъ“ и проч....

Я очень уважалъ и любилъ г. Елисеева за то, что

онъ очень строго относился ко всякаго рода соблазнителямъ, соблазнившимъ хоть единаго изъ малыхъ отроковъ. Да, подводить отроковъ подъ терновые вѣнки даже по искреннему убѣжденію, по чувству, — и то не ловко, больно. А что же думать о людяхъ, которые подбиваютъ отроковъ на терновые вѣнки такъ себѣ, безъ всякой причины, или лучше сказать по извѣстной причинѣ, какъ дѣлаетъ это г. Некрасовъ? Какъ Вы, Григорій Захарычь, думаете объ этомъ?

Затѣмъ прощайте, Николай Алексѣевичъ, до свиданія за гробомъ, гдѣ насъ съ Вами разсудятъ Бѣлинскій, Добролюбовъ и Панаевъ.

Вмѣсто эпилога я позволю себѣ привести слѣдующее мѣсто изъ „Отечественныхъ Записокъ“:

«Время нахальныхъ спекуляцій въ Россіи проходитъ; хотя онѣ иногда и доставляютъ различнымъ издателямъ такъ-сказать розы, въ видѣ пачекъ кредитныхъ билетовъ, за то и шипы такихъ розъ даютъ имъ порою чувствовать свое присутствіе, обнаруживающееся, между прочимъ, закрѣпленіемъ за спекулянтами-издателями не особенно лестной извѣстности («Отечественныя Записки» 1869. № 1, 118)».

О, еслибы вашими устами да медъ пить; еслибы можно было на эти слова сказать аминь!

II.

POST-SCRIPTUM

Ю. Г. Жуковскаго.

POST-SCRIPTUM

Ю. Г. Жуковскаго.

Почему я считаю нужнымъ сдѣлать этотъ Post-scriptum. — Особенное положеніе петербургскихъ издателей-редакторовъ. — Г. Некрасовъ какъ болѣе яркій представитель этого положенія. — Онъ чувствуетъ особенности своей роли. — Его обѣщаніе вступить съ нами въ товарищество и наконецъ прощаніе. — Кратковременное возобновленіе знакомства новыя предложенія г. Некрасова и новая роль въ журналѣ г. Краевскаго. — Размолвка.

То, что встрѣтитъ читатель на слѣдующихъ строкахъ уже относится большей частью къ нашимъ посмертнымъ въ смыслѣ литературы отношеніямъ съ г. Некрасовымъ, и потому я буду кратокъ. Главной цѣлью моей при этомъ все-таки будетъ не лично г. Некрасовъ, а положеніе русской литературы. Если я и коснусь нѣсколько личныхъ вещей, то имѣю па это двѣ причины. Во первыхъ, на меня случайно пала тяжелая обязанность разстаться съ г. Некрасовымъ нетолько за себя, но и за нѣкоторыхъ другихъ и потому уясненіе настоящаго хода нашей размолвки можетъ быть

не лишнимъ какъ въ интересахъ г. Некрасова, такъ и въ моихъ собственныхъ. Во вторыхъ, это будетъ не лишнимъ въ видахъ разъясненія того положенія, которое русская журналистика выработала своимъ редакторамъ-издателямъ и сама себѣ, благодаря этимъ издателямъ-редакторамъ.

Г. Некрасовъ игралъ такую видную роль съ этой стороны въ судьбахъ журналистики, что всякій вопросъ объ интересахъ послѣдней можетъ коснуться его лично. На этомъ основаніи г. Некрасовъ можетъ назвать сколько ему угодно и мое обращеніе къ нему личнымъ дѣломъ; я, конечно, буду другаго мнѣнія. Я полагаю, что если только судьба журналистики сколько-нибудь связана съ той ролью, которую играетъ въ ней редакторъ-издатель, то вопросъ о дѣятельности въ ней этого издателя-редактора есть прежде всего вопросъ, касающійся общаго положенія литературы, а не частныхъ интересовъ издателей—есть такой же публицистическій вопросъ, какъ и всякій другой.

Если самое содержаніе литературы и ея свобода только сколько-нибудь зависитъ, помимо юридическихъ условій, и отъ тѣхъ отношеній, которыя существуютъ между издателями и сотрудниками, отъ независимости того положенія, въ которомъ находятся литературныя силы, то я полагаю, что литература, прежде чѣмъ требовать для себя политической свободы, должна поглядѣть поближе на свои внутреннія отношенія, на которыя всякій въ правѣ указать ей пальцемъ.

Въ этомъ-то смыслѣ я считаю, что въ нашихъ личныхъ расчетахъ съ г. Некрасовымъ было нѣчто болѣе простыхъ личныхъ расчетовъ, былъ вопросъ о принципѣ и, касаясь ихъ, я полагаю касаться ихъ только въ интересахъ литературы. Какова бы ни была эта литература, но она все-таки важнѣе для общества вопросовъ нашихъ личныхъ самолюбій и я охотно принимаю на себя заранѣе всѣ нареканія, которыя могутъ быть пущены въ ходъ моими противниками для того, чтобы отвлечь глаза отъ сущности дѣла, лишь бы мои слова могли способствовать выясненію самой литературѣ того положенія, въ которомъ она находится. Поэтому, если г. Некрасовъ хочетъ понимать мое настоящее обращеніе къ нему какъ слѣдуетъ, пусть не думаетъ, что я касаюсь въ немъ его лично и для него. Я касаюсь собственно его духа и типа, того рода отношеній между издателями и литературными силами, которыя онъ стремился установить и касаюсь потому, что прежде чѣмъ въ литературѣ не установится натуральныхъ отношеній между издателями и литературными силами самая литература будетъ лишена правды, полна лжи, лицемѣрія и личнаго угодничества. Собственно же говоря, извѣстная доля того, что будетъ сказано о положеніи литературы, можетъ быть также отнесена не къ одному г. Некрасову, а вообще къ тѣмъ, которые издаютъ журналы и газеты, не имѣя своего литературнаго мнѣнія, которые только скупаютъ и перепродаютъ чужія статьи, мысли и пр.

Даже изъ всѣхъ личныхъ нарѣканій на меня лич-

я коснусь лишь тѣхъ, которыя имѣютъ какое-либо отношеніе къ общему положенію литературы.

Г. Некрасовъ жаловался недавно, что не находилъ поддержки въ людяхъ, его окружавшихъ и заперъ имъ двери. Любопытно знать, что разумѣлъ г. Некрасовъ подъ личной поддержкой, въ какомъ смыслѣ онъ нуждался въ ней искренно. Считалъ-ли онъ нужнымъ ее только въ смыслѣ выбора сюжетовъ для его стихотвореній и направленія его музы, или въ смыслѣ образа дѣйствій его какъ издателя.

Судя по буквальному смыслу его словъ, судя по самому образу его дѣйствій, дѣло должно было касаться только его музы. Но какъ человѣкъ достаточно опытный, онъ долженъ понимать, что роль, которую онъ игралъ въ русской литературѣ, какъ стихотворецъ, гораздо незначительнѣе той, какую онъ игралъ, какъ издатель. Какъ стихотворецъ, онъ переложилъ извѣстное число чужихъ мыслей въ стихи, частью хорошіе, частью дурные. Какъ издатель, онъ игралъ роль не въ одной литературѣ, онъ былъ хозяиномъ направленій мысли и репутацій.

Слѣдовательно, если для публики можетъ быть сколько нибудь интересенъ вопросъ о поддержкѣ г. Некрасова его друзьями, то только о поддержкѣ его, какъ издателя. Съ этой только стороны на людей, его окружавшихъ можетъ пасть нарѣканіе въ томъ, что они оставили его безпомощнымъ дѣйствовать на собственную голову или на г. Некрасова въ томъ, что онъ заперъ

двери этимъ людямъ и слѣдовательно отказался отъ ихъ недостойной или ненужной помощи. Съ этой-то стороны я нахожу, что лучшая помощь, въ которой г. Некрасовъ могъ нуждаться и которой могъ ожидать, состояла въ выясненіи ему той особенной роли издателя-редактора, которую онъ игралъ въ русской литературѣ и того новаго оттѣнка, которымъ усложнилась эта роль въ его новомъ положеніи въ журналѣ г. Краевскаго.

Съ этой стороны во всемъ, что будетъ слѣдовать, я только подробнѣе разовью то уясненіе г. Некрасову его роли, какъ издателя, начало которому было положено въ нашихъ послѣднихъ личныхъ переговорахъ и въ моемъ печатномъ (общемъ съ г. Пыпинымъ) заявленіи о тѣхъ условіяхъ, на которыхъ я соглашался принимать участіе въ чужихъ изданіяхъ.

Пусть не жалуется ни г. Некрасовъ, что люди, его окружавшіе, ни журнальная литература вообще, что люди ей когда-то близкіе оставляли ихъ безъ поддержки не только во времена близости къ нимъ, но и даже удалившись отъ нихъ.

Русская журналистика выработала совершенно особое положеніе для своихъ критиковъ и публицистовъ съ одной стороны и редакторовъ—съ другой. По существу дѣла, редакторъ журнала долженъ составлять его душу; а критики и публицисты — быть только исполнителями его предначертаній; редакторъ журнала долженъ давать ему направленіе, отвѣчать передъ публикой за каждую его строку, не только по формѣ, но и на самомъ дѣлѣ.

Но для того, чтобы пользоваться такой ролью, онъ долженъ прежде всего внести въ залогъ ее образщики своей личной критической силы, своихъ личныхъ знаній и дарованій, которые бы дѣлали ее вѣроятной. Одной подписи его фамиліи на оберткѣ журнала для этого было недостаточно.

На дѣлѣ этого, однако, весьма часто недоставало; и въ такомъ случаѣ все то, что по существу дѣла должно было принадлежать редактору, переносилось во мнѣніи публики на его сотрудниковъ по текущимъ отдѣламъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ и отвѣтственность за каждую строку, напечатанную въ журналѣ.

Самъ редакторъ въ такомъ случаѣ могъ представить въ доказательство своей неповинности или ограниченность образованія или даже такое невѣжество, образщиками котораго особенно богата литературная карьера г. Краевскаго. Послѣ этого его роль становилась крайне выгодной, какъ лице, пріобрѣвшее репутацію неспособнаго; онъ считался человѣкомъ вполнѣ безопаснымъ, которому могла быть дана завидная привиллегія литературнаго предпринимательства, о которой никогда не могли думать его ближайшіе дѣятели.

Заручившись такой монополіей, онъ превращался въ сборщика подписки, сборщика чистаго дохода съ журнала. Предполагалось, что мало интересуясь собственно сущностью, занятый исключительно коммерческой выгодой, онъ будетъ служить естественной уздой легкомысленнымъ порывамъ литературной фантазіи и заносчивости под-

чиненныхъ ему тружениковъ, что онъ будетъ вторымъ естественнымъ цензоромъ своего собственнаго журнала, заложникомъ его умѣренности.

Факты однако противорѣчили такому предположенію; если мы обратимъ вниманіе на эти именно факты, то придется согласиться съ одной стороны, что наиболѣе консервативными и сдержанными изданіями были у насъ тѣ, гдѣ предприниматель былъ самъ авторомъ и главной литературной силой своего собственнаго изданія. Таковы были по преимуществу журналы московскіе и наиболѣе необузданными съ другой стороны считались тѣ петербургскія изданія, относительно которыхъ была допущена только что указанная несообразность. На дѣлѣ выходило, что если петербургскіе предприниматели, одушевленные исключительно коммерческимъ разсчетомъ и ограничивали что нибудь, то развѣ личный доходъ и заработную плату дѣйствительныхъ творцевъ и дѣятелей ихъ журналовъ. Что же касается затѣмъ самого литературнаго содержанія, то въ этомъ отношеніи обезпеченные лично отъ всякихъ невыгодныхъ подозрѣній, они относились къ этому содержанію дѣйствительно какъ люди, которымъ платятъ, которые ищутъ, печатаютъ и поощряютъ зависящихъ отъ него тружениковъ на то, что даетъ подписку, увеличиваетъ доходъ.

Настроеніе русскаго подписчика за послѣдніе года было именно таково, что оно дѣлало выгоднымъ литературную спекуляцію на радикальную жилку и наиболѣе радикальными оказывались тѣ именно изданія, ре-

дакторы которыхъ признавались за людей наименѣе связанныхъ какими либо убѣжденіями, за людей наиболѣе равнодушныхъ ко всему, кромѣ коммерческаго разсчета.

Теперь конечно поздно разбирать, кому принадлежала большая доля повинности въ томъ, что эти журналы представляли тревожнаго ихъ комерсантамъ или сотрудникамъ, но я полагаю, что эти журналы были бы въ тоже самое время нѣсколько иными, еслибы самое положеніе въ нихъ ихъ предпринимателей было не столь уже привилегированное. Я полагаю, по крайней мѣрѣ, что тотъ пустой задоръ и только одуряющая фраза, которыя придавали не совсѣмъ умѣстный и нѣсколько трактирный характеръ нашему журнальному направленію, были во многомъ обязаны ложному положенію литературы.

И такъ, во всякомъ случаѣ, петербургскій издатель-редакторъ представлялъ изъ себя нѣчто особенное. Чуждый вовсе литературѣ, онъ былъ въ ней хозяиномъ; онъ нанималъ, прогонялъ, выбиралъ литературныя силы. сортировалъ по категоріямъ, имѣя всегда въ рукахъ надлежащее орудіе противъ зазнающихся сотрудниковъ въ своей монополіи издателя.

Пользуясь аудиторіею нѣсколькихъ тысячъ подписчиковъ, доставленныхъ ему исключительно его сотрудниками, пользуясь правиломъ divide et impera, онъ создавалъ и убивалъ литературныя репутаціи, бралъ себѣ сколько хотѣлъ и удѣлялъ сколько хотѣлъ своимъ ра-

ботникамъ, выставляя елико возможно впередъ имена послѣднихъ въ свою защиту отъ всякой отвѣтственности передъ публикой не только за вещи болѣе серьезныя, но за всякую литературную ошибку, пошлость и глупость, которая могла проявиться въ журналѣ, благодаря присутствію въ немъ этого исключительно коммерческаго дѣятеля, этого избранника, рожденнаго на свѣтъ для благъ и наслажденія.

Литературная сила, создавшая доходъ, набираемая, сортируемая и выгоняемая по произволу, играла при немъ жалкую роль того Макара, на котораго валились всѣ шишки до послѣдней, кончая отвѣтственностью не только за весь либерализмъ, но и за весь соръ, за личныя ошибки и даже личныя недостатки и слабости частной жизни такого издателя-редактора. Если онъ при этомъ, къ несчастію, былъ самъ отчасти сочинитель въ стихахъ или прозѣ, то онъ безцеремонно рисовался такой отвѣтственностью несчастныхъ Макаровъ за его личное поведеніе. Онъ бралъ въ руки свою издательскую лиру и на ней доказывалъ, что вотъ онъ велъ себя съ достоинствомъ, пока у него были подъ рукою люди, его поддерживавшіе, а теперь все-таки кругомъ него люди гроша не стоящіе, что вотъ онъ и ведетъ себя поэтому хуже. Ясно ли, до чего въ его сознаніе въѣлось представленіе личной безъотвѣтственности, ясно, что по его понятіямъ даже и за его частную жизнь должны были отвѣчать его люди, его сотрудники.

Что прикажете отвѣчать такому коммерсанту, какого рожна хотите вы требовать отъ него, какой логической послѣдовательности, когда сами обстоятельства до того спутали передъ нимъ логику вещей, что онъ принимаетъ свою частную жизнь за жизнь чужую, своихъ сотрудниковъ, свои поступки за поступки чужіе.

Г. Некрасовъ, по своей дѣятельности, не только принадлежалъ къ такого рода издателямъ, но и занималъ между ними не послѣднее мѣсто. Онъ не мало трудился надъ выработкой такого положенія издателя-редактора въ русской литературѣ, и это, по моему мнѣнію, та главная, неотъемлемая услуга, которую онъ принесъ русской литературѣ. Какъ онъ достигалъ при этомъ своей цѣли, какъ онъ успѣлъ при этомъ пользоваться всѣмъ сокомъ лучшихъ литературныхъ силъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выработать себѣ положеніе совершенно непричастное къ своему журналу, какъ эта репутація Лазаря въ его журналѣ нисколько не страдала отъ его радикальныхъ стихотвореній — все это было уже подробно разсказано выше и здѣсь не нуждается въ повтореніи; я могу свести только всѣ подробности, приведенныя въ своемъ мѣстѣ къ общей идеѣ, къ тому принципу, который г. Некрасовъ внесъ и котораго остался представителемъ въ русской литературѣ.

Въ то время, какъ журналъ г. Некрасова проповѣдывалъ освобожденіе въ различныхъ его проявленіяхъ, въ то время, какъ онъ входилъ во всѣ положенія, обиженныя обстоятельствами, и хотѣлъ принести облегче-

ніе каждому; въ то время, какъ онъ такъ хлопоталъ объ улучшеніи положенія крестьянъ, дѣтей, женщинъ, передъ носомъ его оставалось одно положеніе, котораго не могла коснуться журналистика — это положеніе литератора. И вотъ принципъ г. Некрасова состоялъ въ томъ, чтобы стать поперекъ дороги такому прикосновенію. Что же было это положеніе такъ уже хорошо и безъ того, что не нуждалось ли въ чемъ лучшемъ? Каково бы оно ни было до него, но онъ работалъ надъ его усовершенствованіемъ. Глядя на него, нужно было думать, что въ то времи, когда наступаетъ минута для освобожденія физическаго труда, наступаетъ такой же часъ для записи ряду Краевскихъ и Некрасовыхъ, въ удѣлъ и крѣпость умственнаго труда.

Но лица, которымъ раздавался въ свое время въ удѣлъ физическій трудъ, были оказавшими извѣстные услуги отечеству. За какія заслуги г. Нерасовъ хотѣлъ получить въ крѣпость литературныя силы — это одному Богу извѣстно. Вы, Н. А., укажите мнѣ при этомъ на вашъ карманъ; но объ немъ давно пора сказать слово.

Или вы, можетъ быть, скажете, что я не въ правѣ касаться кармана, что денежный вопросъ — есть вашъ частный вопросъ.

Врядъ ли такъ. Вы очень хорошо знаете, что если о чемъ слѣдуетъ разговаривать съ вами, то именно о деньгахъ. Вы изучили этотъ вопросъ спеціально, вы въ немъ сильнѣе, чѣмъ въ какомъ либо другомъ вопросѣ: вашъ журналъ такъ много и строго разсуждалъ

объ этомъ вопросѣ, призывалъ столько различныхъ общественныхъ положеній къ отвѣту по этой статьѣ, что позволяю себѣ поговорить съ вами объ этомъ вопросѣ, въ которомъ вы сильнѣе всего.

Могу васъ увѣрить впрочемъ, что мое прикосновеніе къ нему будетъ совершенно прилично. Вамъ знакомъ отчасти мой взглядъ на вещи. Я такъ много сводилъ вопросовъ и положеній на экономическую почву для оцѣнки ихъ нравственнаго смысла и положенія, что позволю себѣ свести на ту же почву и васъ; если я въ чемъ ошибаюсь, поправьте меня. Руку на сердце — какой капиталъ нужно затратить, по вашему мнѣнію, для того, чтобы получать съ журнала, по меньшей мѣрѣ, 20,000 р. дохода? (Эти тысячи относительно вашего журнала, замѣчу, не составляютъ вовсе секрета. Бюджетъ журнала извѣстенъ всякому и если извѣстна цифра подписчиковъ, то извѣстны и эти 20,000).

Нужно было владѣть тѣми литературными силами, которыми вы владѣли; безъ нихъ вы могли истратить сколько угодно и все-таки провалиться; при нихъ вся затрата капитала понижалась до какихъ нибудь 10,000, которыя покрывались въ тотъ же годъ, оставляя 10 же тысячъ чистаго дохода на первый годъ и по 20,000 на всѣ остальные. И такъ 200% на доходъ не съ капитала, а 200% ренты съ умственнаго труда—вотъ что вы брали и я васъ прошу не смѣшивать этого съ доходами на капиталъ. Такіе капиталы, которые приносятъ 200%, не слыханы въ политической экономіи.

Ростъ капитала, учитъ политическая экономія, имѣетъ общій уровень для всѣхъ предпріятій; да это и не можетъ быть иначе, ибо въ противномъ случаѣ конкуренція перенесетъ капиталы изъ менѣе выгодныхъ предпріятій въ болѣе выгодныя. Этотъ ростъ ограниченъ у насъ теперь, при всей его дороговизнѣ, 10%. Итакъ, для удовлетворенія вашихъ правъ капиталиста, я вамъ вычитаю 10% съ 10,000. за первый годъ всего 1.000 руб., и затѣмъ приглашаю возвратить по 20 тыс. чистаго ежегоднаго дохода вашимъ литературнымъ силамъ, если вы были только капиталистомъ литературы. Во всякомъ случаѣ, платить вамъ по 200% въ годъ за ваши 10,000 ваши литературные собраты не имѣли никакого основанія, имѣя всегда возможность заплатить за тѣ же 10,000 на сторонѣ всего 10%. Во всякомъ случаѣ, подписчикъ вашего журнала шелъ въ вашъ журналъ не ради вашихъ 10 тысячъ, а полагаю, ради его содержанія, въ которомъ вы участвовали только изрѣдка вашими стихотвореніями. Конечно, вы можете указать еще на ваши хлопоты по администраціи журнала, но во сколько же оцѣнить эти хлопоты, если они и стоятъ, въ самомъ дѣлѣ, серьезной оцѣнки? Ужъ не въ 20 же тысячъ, потому что администраторы цѣлыхъ провинцій получаютъ не болѣе 4 или 5 тысячъ; тѣмъ болѣе, что если сказать правду, то значительная доля и этихъ хлопотъ лежала все-таки на вашихъ сотрудникахъ. За что же, спрашивается, вамъ платили эти 200% эти наивные литераторы? Тутъ-то

вотъ ключъ отъ всей загадки. За что вы сами платили г-жѣ Плетневой по 3 тысячи рублей ренты?

Дѣло въ томъ, что право изданія равнялось своего рода находкѣ драгоцѣннаго камня у береговъ Невы и что это право давалось не всѣмъ и каждому. Г. Антоновичъ уже показалъ вамъ достаточно ясно, что вы дѣлали, между прочимъ, чтобы это право не могло попасть въ руки вашей литературной силы. Итакъ, вамъ платили по 20 тысячъ въ годъ исключительно за право печататься въ вашемъ журналѣ — и ни за что другое. И такъ вы платили г-жѣ Плетневой 3 тысячи и жаловались, что это много и въ то же время брали съ другихъ 20 тыс. за право издавать вашъ журналъ и хотѣли, чтобы эти другіе находили, что это умѣренно и не жаловались.

Согласитесь, что послѣ этого я имѣю нѣкоторыя основанія считать васъ неоплатнымъ должникомъ литературы, а самое положеніе издателя, которое вы выработывали своей особой въ русской литературѣ по меньшей мѣрѣ несообразнымъ ни съ тѣми гуманными началами, которыя постоянно проповѣдывали вы въ нашихъ стихахъ и журналѣ, ни даже съ тѣми комерческими началами, къ которымъ вы относились презрительно. Лично вамъ далеко было еще до этихъ началъ; лично вся ваша гуманность была слѣдовательно похожа на лицемѣріе, которое когда нибудь, а должно было выйти наружу.

Не думайте, впрочемъ, чтобъ я судилъ васъ съ точки

зрѣнія какого либо небывалаго идеальнаго порядка. Тотъ порядокъ, къ которому я васъ призываю принять къ руководству такими людьми, которыхъ никто никогда не называлъ идеалистами. Посмотрите на г. Каткова, Скарятина и убѣдитесь на сколько они стояли въ этомъ случаѣ выше васъ. Чтобы они не печатали, но они никогда не прятались за другихъ и не работали чужими руками, они первые несли отвѣтственность за свои изданія и были въ нихъ первыми тружениками, а потому все что приноситъ ихъ журналъ хорошаго или дурнаго принадлежитъ имъ. По этому никто не будетъ оспаривать у нихъ и права на тотъ доходъ, который можетъ приносить ихъ журналъ.

Я хочу только, чтобы всѣ дѣлали тоже, что они не разводили въ литературѣ непристойнаго барышничества чужими мыслями и за чужой отвѣтственностью.

Я слышалъ, будто Вы упрекаете меня въ томъ, что я напечаталъ статью о языкѣ въ журналѣ, который отказывался говорить о распредѣленіи богатствъ — называете это измѣной убѣжденіямъ, послѣ которой я не могу имѣть мѣста въ вашемъ журналѣ.

Вы такъ любите меня очевидно въ вопросахъ распредѣленія, что этотъ небольшой возвратъ съ моей стороны, къ нимъ долженъ доставить вамъ совершенное удовольствіе.

Приглашаю васъ послѣ этого возвратиться къ этимъ вопросамъ, въ иной формѣ, только собственнымъ умомъ и на вашу собственную отвѣтственность.

И такъ вотъ то мѣсто, которое г. Некрасовъ занималъ въ литературѣ въ качествѣ издателя.

Мое близкое знакомство съ нимъ или вѣрнѣе мое болѣе близкое отношеніе къ его прежнему журналу началось сравнительно очень поздно и продолжалось всего нѣсколько мѣсяцевъ: отъ сентября 1865 года до марта 1866 года.

Въ теченіи этого времени я постоянно слышалъ отъ него двѣ вещи, которыя убѣждали меня въ томъ, что по крайней мѣрѣ въ ту пору онъ понималъ довольно ясно особенности роли петербургскаго издателя. Первая состояла въ увѣреніи, что журналъ не приноситъ ему никакого ровно дохода, что онъ запутанъ въ долгахъ; во вторыхъ, что онъ завтра или вотъ съ новаго года предоставитъ его въ распоряженіе своихъ литературныхъ силъ.

Какъ относились подобныя завѣренія къ дѣйствительности, объ этомъ я не буду много распространяться. Въ этомъ отношеніи, я думаю, достаточно сказать, чѣмъ кончились эти завѣренія, указать на конецъ, вѣнчающій всякое дѣло. Такимъ результатомъ въ моихъ глазахъ было то, что не задолго до перерыва нашихъ отношеній, когда пришлось устанавливать условія на 1866 годъ, г. Некрасовъ едва согласился удержать наши прежнія условія на три мѣсяца новаго года.

Литературныя условія, заключаемыя съ главными сотрудниками на три первые мѣсяца года, т. е. пока длится подписка, заключаемыя на то время пока

эти сотрудники могутъ своимъ уходомъ изъ журнала повредить его подпискѣ! Какъ вамъ нравятся такія условія со стороны петербургскаго издателя редактора, который ихъ предлагаетъ не мнѣ положимъ, лицу сравнительно мало знакомому—а тѣмъ лицамъ, съ которыми онъ находился издавна въ тѣснѣйшихъ литературныхъ связяхъ, которые неразрывно связались въ глазахъ публики съ его журналомъ.

Спустя три мѣсяца, конечно не было и помину о прежнихъ обѣщаніяхъ и онъ только согласился продолжать прежнія условія до конца года. Но имъ не суждено было продолжаться такъ долго фактически. Тутъ случились обстоятельства, въ виду которыхъ г. Некрасовъ заявилъ, что мы ему болѣе не нужны.

При этомъ, разрывая только что заключенныя условія, онъ предложилъ выплатить каждому незначительную сумму.

Никто изъ насъ не возражалъ противъ такого рѣшенія и мы разстались съ миромъ.

Но г. Некрасовъ и тутъ счелъ нужнымъ не только выполнить, но даже помнить о своемъ обѣщаніи. Явившись ко мнѣ нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ не счелъ покрайней мѣрѣ нужнымъ вовсе вспомнить объ немъ и крайне кажется удивился, когда я напомнилъ ему объ этомъ.

Вопросъ тутъ заключался не въ деньгахъ; нужно было положить конецъ этимъ безцеремоннымъ обѣщаніямъ, тому пренебреженію, съ которымъ г. Некрасовъ привыкъ относиться къ людямъ, составлявшимъ его

журналъ. Что это было дѣйствительно такъ, то это доказывается тѣмъ, что когда г. Некрасовъ прислалъ мнѣ засимъ половину долга, удерживая почему-то за собою право возвращать или невозвращать остальную, то деньги эти вернулись къ нему немедленно обратно и на этомъ прекратились, какъ я тогда думалъ, навсегда и окончательно наши отношенія. Такъ кончился этотъ продолжительный періодъ самостоятельной издательской дѣятельности г. Некрасова.

Въ то время я полагалъ, что роль издателя редактора была выработана имъ до совершенной художественности, законченности. Двѣсти процентовъ дохода, да къ тому же начальство надъ какой ни на есть мыслью, но все-таки мыслью и барское положеніе надъ какими ни на есть людьми. но все-таки высшими его по образованію и за все это круглая безъотвѣтственность, чего же лучше. Въ то время я полагалъ однако тоже, что эта роль въ глазахъ самого Некрасова покрайней мѣрѣ относительно насъ съиграна имъ окончательно. Но я ошибся, оказалось, что и эта роль издателя редактора подлежала усовершенствованіямъ, оказалось, что г. Некрасовъ могъ придумать для себя положеніе еще лучше того, которымъ онъ пользовался и что мы опять ему нужны какъ точка опоры. какъ руки, которыми загребается жаръ.

Годъ спустя г. Некрасовъ счелъ нужнымъ возобновить со мною знакомство; рѣчь шла о новомъ журналѣ и я объяснилъ ему совершенно прямо все, на что онъ можетъ расчитывать съ моей стороны. Я объ-

яснилъ ему, что не соглашусь на прежнюю роль, на прежнее положеніе, что если я составляю въ его журналѣ отвѣтственное лицо передъ публикой, то я буду сообразно мѣрѣ моего въ немъ участія хозяиномъ не только литературной его части, но и его доходовъ. Г. Некрасовъ, по обыкновенію, на все согласился и плоды этого согласія, по обыкновенію, оказались не только подобны прежнимъ, но превзошли ихъ. Результатомъ этого разговора было недѣли двѣ спустя новое посѣщеніе меня со стороны г. Некрасова съ предложеніемъ принять участіе въ журналѣ г. Краевскаго не только ту же двусмысленную роль, но вообще ухудшенную. Спрашивается, въ качествѣ чего г. Некрасовъ являлся ко мнѣ тогда съ такими предложеніями — къ чему въ журналъ Краевскаго являлся приглашать меня не г. Краевскій, не посланецъ г. Краевскаго, а г. Некрасовъ, или г. Некрасовъ являлся въ качествѣ посланнаго отъ Краевскаго, въ качествѣ его фактора? или онъ являлся въ качествѣ соиздателя г. Краевскаго, участвовавшаго капиталомъ, хозяйственнымъ распоряженіемъ и отвѣтомъ за предпріятіе наравнѣ съ Краевскимъ? Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Пока г. Некрасовъ приглашалъ меня въ свой журналъ, журналъ основанный при участіи его капитала, обѣщая съ новаго года вступить съ своими главными сотрудниками въ товарищество, до тѣхъ поръ я могъ faire bonne mine au mauvais jeu смотрѣть на г. Некрасова какъ на коммерческаго предпринимателя, на хозяина пред-

пріятія, хотя и пользующимся извѣстными привилегіями; но все-таки какъ на отвѣтственное лице, по крайней мѣрѣ за исправный выходъ книжки. Теперь, сколько я могъ узнать изъ словъ Некрасова, онъ не вкладывалъ никакого капитала, онъ не несъ никакой издательской отвѣтственности передъ публикой; онъ не касался даже вовсе веденія хозяйственной части журнала и за все это г. Краевскій отдавалъ ему половину дохода. За что спрашивается, за его стихи что ли! или за то только, чтобы Некрасовъ пріурочилъ къ „Отечественнымъ Запискамъ“ бывшихъ сотрудниковъ „Современника“, чтобы онъ принялъ на себя роль фактора между Краевскимъ и бывшими своими сотрудниками, за чисто личную и странную услугу. Спрашивается, почему г. Краевскій не заключалъ этихъ условій просто съ тѣмъ же г. Елисеевымъ и его новыми друзьями и что потерялъ бы онъ отъ такого прямаго сближенія, а не сближенія черезъ посредство третьяго лица; какую роль играло это третье лицо?

И не смотря на все, г. Некрасовъ принялъ на себя эту роль третьяго лица...

По мѣрѣ того, какъ выяснялъ я себѣ эту роль изъ нашего разговора, вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилось для меня и то, что если г. Некрасовъ чувствовалъ когда-то неловкость своего прежняго положенія, то теперь время измѣнилось и онъ потерялъ даже это смутное сознаніе.

Съ моей точки зрѣнія его предложенія казались мнѣ шуткой; но въ тоже время я очень хорошо пони-

малъ, что и мои притязанія на всякую другую роль кромѣ той, какую онъ мнѣ предлагалъ, должна была быть для него такой же шуткой. Ясно, что весь этотъ разговоръ долженъ былъ остаться шуткой и мы дѣйствительно пошутивъ разошлись. Г. Некрасовъ нашелъ въ одномъ изъ своихъ бывшихъ сотрудниковъ человѣка менѣе разборчиваго и строгаго къ нему и дѣло какъ будто на этомъ кончилось.

Но два мѣсяца спустя г. Некрасовъ является снова. Не безъ нѣкотораго волненія онъ меня проситъ облегчить его сердце и принять старый долгъ. Я облегчаю его сердце. Онъ вскользь заговариваетъ о журналѣ и недѣлю спустя является уговаривать меня принять тѣ условія, которыя онъ предлагалъ мнѣ сначала, прибавляя, что это только на этотъ годъ и увѣряя, что теперь онъ связанъ; а съ будущаго года.... и т. д. Я отвѣтилъ, что дамъ ему отвѣтъ письменно. Вмѣсто отвѣта недѣлю спустя появилось мое печатное заявленіе русской журналистикѣ о тѣхъ условіяхъ, на которыхъ я считалъ для себя возможнымъ принимать въ ней участіе, я ограничивалъ ихъ ролью случайнаго сотрудника.

Вслѣдъ за этимъ я получилъ отъ г. Некрасова письмо, въ которомъ онъ, не получая отъ меня отвѣта, торопился взять назадъ свои послѣднія предложенія.

Почему же вдругъ такая перемѣна? Или г. Некрасовъ думалъ въ самомъ дѣлѣ, что я соглашусь принять на себя солидарность съ тѣмъ, что они съ г. Краевскимъ будутъ печатать въ своемъ журналѣ, что я приму на

себя солидарность съ его стихотворенiемъ о терновыхъ вѣнкахъ, о томъ, что онъ запираетъ двери своимъ друзьямъ, съ учеными упражненiями г. Елисеева и комп., со статьею о скандалахъ, съ рекламами „Искры“ о возрожденiи тѣни Бѣлинскаго на радости, что г. Некрасовъ станетъ получать половину дохода г. Краевскаго?

Прежде чѣмъ я успѣлъ рѣшить этотъ вопросъ лично, самъ г. Некрасовъ отвѣтилъ на него за меня. Онъ рѣшилъ что мы нашимъ заявленiемъ „сбиваемъ себѣ цѣну“. Эти слова все объясняли, всего Некрасова безъ остатка. Какъ только онъ увидалъ, что дѣло выводится на чистую воду и вопросъ становится прямо и начистоту, я со всѣми моими статьями потерялъ всякiй смыслъ и всякое значенiе для г. Некрасова; какъ только я отказывался отъ отвѣтственности за дѣло, которое мнѣ не принадлежало, я терялъ въ глазахъ г. Некрасова всякое литературное значенiе. Ясно ли какъ онъ смотрѣлъ на насъ, что цѣнилъ онъ въ насъ. Литературное достоинство, талантъ, знанiе все это въ глазахъ г. Некрасова само по себѣ вовсе не было нужно; ему нужна была наша отвѣтственность, возможность взвалить на извѣстныя имена отвѣтъ за всякiй вздоръ либеральный и нелиберальный, всякую пошлость, которую они съ г. Краевскимъ помѣстятъ въ своемъ журналѣ, всѣ свои зазыванiя въ свой журналъ, въ свой литературный трактиръ, покрыть своей солидарностью съ нашими именами. Внѣ этой солидарности мы для него были совершенные нули.

И г. Некрасовъ полагалъ, что я соглашусь разыгрывать угнетенную жертву литературнаго факторства, соглашусь даже въ виду его обѣщаній все измѣнить къ моему удовольствію съ будущимъ годомъ. Хотя бы онъ вспомнилъ, сколько обѣщаній разбросалъ на вѣтеръ для того, чтобы знать какую еще могли имѣть цѣну въ моихъ глазахъ его обѣщанія.

И онъ послѣ этого увѣряетъ, что у него нѣтъ друзей и онъ поэтому ведетъ себя дурно, нѣтъ поддержки.

Напрасно вы клевещете, Н. А., были люди, которые не хотѣли поддержать васъ въ вашей новой роли; какъ же вы говорите послѣ этого, что не видѣли настоящей поддержки въ людяхъ; но вы имъ-то вѣрно и заперли двери или они вамъ ихъ заперли своимъ отказомъ покрыть своей репутаціей ваше новое и единственное положеніе въ литературѣ.

Что касается меня, то мы разстались затѣмъ съ вами письменно на томъ, что я не хочу придавать нашему чисто литературному и дѣловому разладу характеръ личной ссоры и вы послѣ этого посѣтили меня еще разъ уже какъ частный знакомый. Но я не счелъ нужнымъ продолжать этого знакомства, могу васъ увѣрить, не въ силу какой либо личной нетерпимости или злобы, а только потому, что въ результатѣ нашего разлада пошли въ ходъ такія устныя сказанія, что я, признаться, даже ихъ вовсе не ожидалъ. Разсказывали, напримѣръ, что я являлся къ вамъ просить прощенія за мои передъ вами прегрѣшенія. Вамъ конечно

лучше, чѣмъ кому извѣстно, кто изъ насъ двухъ имѣлъ поводъ извиняться передъ другимъ и дѣйствительно приносилъ другому нѣчто похожее на извиненіе. Но во всякомъ случаѣ подобнаго рода извѣстія пускаемыя въ ходъ отымаютъ охоту и возможность не только дѣлать какое либо дѣло вмѣстѣ, но даже сохранить какую либо частную связь съ человѣкомъ, въ угоду которому они распространяются.

Такъ разстались мы съ вами окончательно; но вы не можете сказать, чтобы мой образъ дѣйствія съ вами способенъ былъ только еще болѣе утвердить васъ въ вашихъ прежнихъ отношеніяхъ къ литературѣ, чтобы онъ не способенъ былъ напротивъ заставить васъ понять и все неприличіе точно насмѣхъ разбрасываемыхъ передъ сотрудниками обѣщаній, которыя вы въ тоже время не думаете исполнять и даже заставить васъ понять несообразность той издательской роли, которую вы выработывали въ русской литературѣ.

Развѣ я не давалъ вамъ чувствовать, что нужно помнить завтра то, что говоришь сегодня; развѣ я скрывалъ отъ васъ неприличіе вашего положенія въ журналѣ Краевскаго.

Въ одномъ вы можете упрекнуть меня — это, что я не былъ достаточно строгъ съ вами; не называлъ прямо вещей по имени и пр. Но есть два рода рѣзкостей — одна есть просто результатъ крѣпостной грубости и возможности безнаказанно высказывать свое пренебреженіе людямъ; въ нашей сферѣ, она именно выра-

жается пренебреженіями подобными тому, чтобы наговорить человѣку съ три короба обѣщаній, а завтра отвѣтить ему: — „ты мой любезный принялъ все это серьезно“, или напримѣръ объясняться съ своими сотрудниками черезъ камердинера. На эту я не способенъ. Есть рѣзкость другаго рода, которая состоитъ въ томъ, чтобы учить людей, не стѣсняясь выраженіями. Но этого рода дерзость, которая можетъ возмущать только людей глупосебялюбивыхъ, къ числу которыхъ вы не принадлежите—уже не дается даромъ, а пріобрѣтается—заслуживается.

Она служитъ выраженіемъ искренняго участія къ человѣку и въ этомъ смыслѣ вы ничего не сдѣлали для меня такого, чтобы имѣть право на дерзость съ моей стороны.

Я былъ съ вами всегда вѣжливъ и остаюсь теперь такимъ же и теперь не называю вещей по имени—не называю по имени того положенія, которое вы заняли въ отношеніи вашихъ сотрудниковъ въ журналѣ г. Краевскаго. Если есть у меня хотя одно дерзкое слово въ томъ или другомъ смыслѣ, вычеркните его ради Бога безъ церемоніи и считайте его ошибкой, за которую я заранѣе прошу извиненія. Я желалъ только опредѣлить совершенно объективно ваше положеніе какъ издателя въ русской литературѣ въ его послѣднемъ фазисѣ и затѣмъ перейду къ разсмотрѣнію того, что принесли вы вмѣстѣ съ этимъ положеніемъ самому содержанію русской журналистики.

Впрочемъ я и теперь не сохраняю на васъ ни малѣйшей злобы; все, что было въ вашемъ поведенiи для меня оскорбительнаго, безтактнаго и пр. все, что было въ этомъ поведенiи несообразнаго съ интересомъ и достоинствомъ того дѣла, которому вы служите, дѣла литературы, я и теперь готовъ объяснить единственно вашимъ воспитанiемъ и влiянiемъ тѣхъ болѣе близкихъ вамъ друзей, которымъ вы вѣроятно не заперли вашей двери.

Согласитесь сами, что если бы вы не нашли какого нибудь стараго друга для вашей поддержки; то вы бы и не были въ настоящую минуту въ томъ прелестномъ положенiи, въ которомъ каждый васъ воленъ теперь наблюдать.

СОДЕРЖАНІЕ и ПРОГРАММА

„ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ“

ЗА ПРОШЛЫЙ ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ и ПРОГРАММА

«ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ» за прошлый годъ.

II.

Мирное настроеніе литературы. — Бѣглый взглядъ на прошлое.— Программа «Отечественныхъ Записокъ». — Почему они либеральны и какъ они либеральны. — Вопросъ о вліяніи крѣпостнаго права на ростъ населенія и статья «Производительныя силы Россіи», нашъ разборъ ея и поздній отзывъ о ней самой редакціи.— Доказательства власти духа Краевскаго въ «Отечественныхъ Запискахъ» и *скандалъ*, какъ резюме программы «Отечественныхъ Записокъ».

Если чѣмъ характеризуется то новое положеніе, въ которое вступила петербургская журналистика съ прошлаго года, то это тѣмъ миролюбивымъ, не требовательнымъ настроеніемъ, съ которымъ отнесся къ ней читатель и тѣмъ миромъ, который водворился въ самыхъ нѣдрахъ литературы.

Возвращаясь послѣ двадцатилѣтней ссоры къ г. Краевскому, г. Некрасовъ считалъ свой шагъ достаточно смѣ

лымъ, чтобы не рѣшиться на него одному. Ему казалась нужной помощь другихъ литературныхъ именъ, которыя бы своимъ участіемъ въ такомъ примиреніи покрыли его формальную неловкость, освѣтили все дѣло иными мотивами кромѣ чисто меркантильнаго расчета. Для поддержанія себя, ему казались нужными и двусмысленныя намеки, имена и неясности въ объявленіи и даже карикатуры „Искры", изображавшія неизвѣстно что; Бѣлинскаго ли, встающаго изъ гроба въ угоду литературнымъ шалостямъ г. Некрасова, или кости Бѣлинскаго, переворачивающіяся въ гробу отъ неожиданнаго примиренія двухъ издателей. Оказалось, что г. Некрасовъ плохо понималъ настроеніе публики. Всѣ эти поддержки были совершенно излишни. Публика ждала какого либо чтенія, какъ утомленный молодой караванъ путниковъ, раздраженныхъ и обманутыхъ миражами гг. Артоболевскихъ, Юркевичей-Литвиновыхъ и т. д., она готова была прильнуть полными устами ко всякой каплѣ живой воды, въ какой бы она нибыла подана чашѣ. Она стояла въ этомъ случаѣ выше всѣхъ формальностей, не нуждалась ни въ какихъ рекламахъ, изъясненіяхъ.

Можно смѣло сказать, что всякій сколько нибудь содержательный журналъ въ это время пріобрѣлъ бы быстрый успѣхъ, не смотря на всю угловатость своей формальной обстановки. Съ этой стороны слѣдовательно миролюбивое настроеніе, съ которымъ была встрѣчена публикой фирма Краевскаго-Некрасова было совершенно понятно и естественно.

Гораздо сложнѣе вопросъ о томъ миролюбивомъ настроеніи, которое водворилось въ самой литературѣ. Извѣстное дѣло, что журналъ г. Некрасова былъ самый неуживчивый въ литературѣ, въ какое общество бы онъ ни попадалъ, онъ вездѣ начиналъ толкаться локтями, въ какой вопросъ бы не вмѣшивался, вездѣ ему было тѣсно. Теперь журналъ г. Некрасова-Краевскаго прожилъ цѣлый годъ въ литературѣ, не обидѣвъ никого пальцемъ. Чему приписать такую скромность. Отсутствію ли въ немъ нѣкоторыхъ прежнихъ сотрудниковъ, вносившихъ задоръ, особеннымъ положеніемъ журнала, подчиненнаго теперь г. Краевскому или особеннымъ положеніемъ литературы. О всемъ ли переспорила эта литература, всѣ ли высшіе вопросы уже порѣшила или внѣшнія обстоятельства закрыли ей доступы къ высшимъ вопросамъ. Я полагаю, что дѣйствительно о высшихъ вопросахъ она поспорила довольно и тѣмъ не менѣе ни одна изъ этихъ причинъ не была настоящей, налагавшей печать смиренія на журналъ г. Краевскаго. Публика конечно объяснила эту смиренность „Отечественныхъ Записокъ“ поочередно всѣми тремя причинами. Особенно невѣроятнымъ казалось ей то, что г. Некрасовъ съ г. Краевскимъ („Голосъ“ и „Отечественныя Записки“) сами не нашли въ теченіи года ни одного вопроса, въ которомъ они могли бы несойтись, несходившись прежде ни въ одномъ. Очевидно, что или г. Некрасовъ долженъ былъ измѣнить прежнія мнѣнія на счетъ органовъ г. Краевскаго, или г. Краевскій долженъ

былъ измѣниться или наконецъ все смиреніе вытекало изъ невозможности для г. Краевскаго вести полемику противъ себя, бранить и опровергать „Голосъ“ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и обратно, а отсюда входить въ полемику съ кѣмъ бы то ни было.

Такъ какъ я нѣсколько знаю русскую литературу по опыту, то и думаю, что г. Некрасовъ съ Краевскимъ неостановились бы за такимъ вздоромъ, и преспокойно бы полемизировали противъ кого угодно, нашли бы возможность нападать друга на друга, если бы знали только о чемъ и какъ полемизировать. Но начиная журналъ, и тѣмъ болѣе, начиная полемику нужно было имѣть въ основѣ какую либо опредѣленную мысль, выясненный взглядъ на положеніе и требованіе литературы, нужно было имѣть идею, въ силу которой г. Некрасовъ счелъ нужнымъ снова явиться въ литературѣ. Я полагаю просто, что г. Некрасовъ не имѣлъ ровно никакой мысли возобновляя свою журнальную карьеру, не имѣлъ ровно ничего сказать публикѣ, а просто снялъ литературный подрядъ. Это первая основная причина отсутствія всякой программы и вялости „Отечественныхъ Записокъ“ за послѣдній годъ. Подъ этой вялостью я разумѣю уже не отсутствіе полемики—можно не быть вялымъ и безъ полемики—а просто безхарактерность, или если вы любите лучше отсутствіе опредѣленнаго взгляда на вещи и всякаго серьезнаго содержанія. Другая причина прямо находилась въ связи съ предъидущей. Многіе находили, что самое слитіе г. Некрасова съ г. Краевскимъ, самое

смиреніе литературы вполнѣ отвѣчало перемѣнамъ, произшедшимъ въ самомъ обществѣ. Находили, что общество измѣнилось за послѣднее время, что прежнее бродящее тревожное настроеніе смѣнилось затишьемъ и эту перемѣну объясняли въ дурную сторону, объясняли его пониженіемъ нравственнаго уровня, утверждали, что общество уходитъ въ свои мелкіе личные интересы, перестаетъ стыдиться того, чего стыдилось еще недавно, теряетъ мужество, которымъ отличалось недавно, теряетъ даже любознательность и интересъ къ тѣмъ вопросамъ, которыми интересовалось недавно, что вмѣсто публицистики оно ничего не хочетъ читать кромѣ романовъ. Такая внѣшняя перемѣна въ настроеніи могла быть совершенно справедлива и тѣмъ не менѣе я отказываюсь видѣть въ такой перемѣнѣ, перемѣну въ существѣ и къ худшему. Я объясню сейчасъ, что общество не стало при этомъ въ существѣ нисколько не хуже, если не лучше чѣмъ было и что даже оно скорѣе пріобрѣло, чѣмъ утратило, нѣчто такое, что на мой взглядъ имѣло нѣкоторую цѣну. Точно также, какъ въ сущности нисколько не измѣнилось общество, точно также отвѣчая ему нисколько не измѣнились ни журналисты вообще, ни г. Некрасовъ съ г. Краевскимъ въ особенности ни ихъ настоящіе сотрудники. Они только, какъ мы увидимъ, пришли въ себя, какъ пришло только въ себя и общество.

Раскрываемъ „Отечественныя Записки“ за іюль стр. 99 и читаемъ слѣдующее:

„Въ каждомъ устроенномъ и даже неустроенномъ обществѣ во всякое время существуетъ нѣсколько разныхъ, такъ называемыхъ, нравственныхъ, соціальныхъ, политическихъ и другихъ ученій, или доктринъ. Всѣ эти ученія имѣютъ своихъ послѣдователей и всѣ, какъ извѣстно, стремятся къ одной общей цѣли — ко благу человѣчества; только средства, предлагаемыя каждымъ, бываютъ различны и даже иногда враждебны другъ другу. По различію этихъ средствъ различаются и самыя ученія. При томъ всегда выходитъ такъ, что одно какое нибудь ученіе, въ извѣстное время, считается господствующимъ и всѣми мѣрами поощряется и распространяется, другое — если не поощряется, то и не преслѣдуется, и третье, наконецъ, всячески преслѣдуется и искореняется. Каждая изъ этихъ трехъ категорій отличается своими характеристическими свойствами. Такъ, напримѣръ, отличительная особенность ученій состоитъ въ томъ, что они рано или поздно вытѣсняютъ всѣ прочія и обыкновенно кончаютъ тѣмъ, что изъ гонимыхъ превращаются въ господствующія. Процессъ созрѣванія идей и вытѣсненіе однихъ ученій другими есть фактъ, неизмѣнно повторяющійся въ исторіи и поражающій своимъ непреклоннымъ однообразіемъ.»

«Время, переживаемое нами въ настоящую минуту, составляетъ одинъ изъ эпизодовъ этой вѣковѣчной борьбы. Въ настоящую минуту, повидимому, наступаетъ именно то время, когда господствующій строй понятій уже начинаетъ мало по малу сдаваться и уступаетъ мѣсто

другому, еще слабому, еще мало распространенному, но уже успѣвшему завоевать себѣ право существованія и имѣющему передъ собою будущность. Отличительный признакъ этого новаго направленія состоитъ въ томъ, что оно уже слишкомъ дальновидно и въ тоже время безпощадно послѣдовательно. Въ этихъ двухъ свойствахъ лежитъ залогъ неоспоримаго торжества его въ дальномъ будущемъ, въ нихъ его сила и громадное преимущество передъ прочими: эти же свойства служатъ постояннымъ источникомъ всевозможныхъ непріятностей, которымъ подвергаются его послѣдователи. Въ заголовкѣ новаго ученія стоятъ, между прочимъ, такого рода тезисы: Прежде всего не обманывайте самихъ себя. Счастье само собою не приходитъ: нужно его создать. Оно должно состоять въ томъ, чтобы дѣлать другихъ счастливыми; а этому надо учиться. Зло необходимо уничтожать въ корнѣ. Когда отыскана ближайшая, частная причина зла, слѣдуетъ искать причину этой причины и т. д. до тѣхъ поръ, пока не отыщется отдаленная общая и, слѣдовательно, главная причина. Эти послѣднія ни для кого никогда не составляли секрета и, повидимому, даже не должны были бы встрѣтить возраженій, но къ удивленію, вышло совсѣмъ напротивъ, это, впрочемъ, объясняется очень просто. Людямъ вообще не нравятся разсужденія, имѣющія свойство безпрестанно тревожить мысль и колебать увѣренность ихъ въ томъ, что все дѣлается какъ слѣдуетъ и притомъ само собою, и притомъ именно въ томъ порядкѣ, въ какомъ нужно, то

есть, что все идетъ къ лучшему. Этого лучшаго всѣ до единаго ждутъ и желаютъ, но никто не хочетъ подумать о томъ, что для наилучшихъ цѣлей требуются и наилучшія средства. Напротивъ, большинство убѣждено, что наилучшія цѣли достигаются наихудшими средствами. Какъ ни нелѣпо кажется такое убѣжденіе, тѣмъ не менѣе оно существуетъ и даже очень распространено въ нашемъ обществѣ. Логика жизни на всякомъ шагу, самымъ наглымъ образомъ смѣется и ругается надъ нимъ, но большинство этого не видитъ, не замѣчаетъ, не хочетъ замѣчать, во первыхъ потому, что это не пріятно, а во вторыхъ, потому что всякое положеніе, всякое дѣло, всякій фактъ, самаую жизнь, наконецъ, можно натягивать, натягивать, можно очень долго натягивать. А время идетъ между тѣмъ, все идетъ. Извѣстно, что человѣка, занятаго подтягиваніемъ, ничѣмъ нельзя такъ обидѣть, какъ сказать ему, что онъ натягинаетъ; а господа пропагандисты всѣхъ новыхъ ученій обыкновенно съ этого начинали, мало того, они ставили себѣ въ священнѣйшую обязанность, какъ можно чаще напоминать своимъ согражданамъ о томъ, что занятіе вредно и что неизбѣжнымъ слѣдствіемъ всякаго неумѣреннаго натягиванія рано или поздно бываетъ разрывъ? Сколько ни натягивайте — говорили они—сколько ни громоздите заблужденій одно на другое, все-таки рано или поздно должно же прійти такое время, когда всѣ ваши натяжки перелопаются,

заблужденія обнаружатся и поэтому случаю произойдетъ великій скандалъ...“

Вотъ этотъ-то образъ натягиванія мнѣ и нуженъ. Разберемъ немного это явленіе натягиванія. Почтенная редакція говоритъ здѣсь о натягиваніи одного рода; но она можетъ узнать, что бываютъ натягиванія различныя, что самое понятіе натягиванія есть понятіе относительное; то, что можетъ одно общество, того не можетъ другое; то, что можетъ одна литература, того не можетъ другая и особенно то, что можетъ одинъ литературный органъ, то для другаго будетъ только жалкое натягиваніе.

Наше общество и литература представляютъ за послѣдніе годы именно такое натягиваніе. Оно имѣло свой градусъ нравственности, свой градусъ цивилизаціи, свой градусъ гражданственности, положимъ, довольно жалкій. Желателенъ былъ успѣхъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ; но думать, чтобы оно могло через-чуръ далеко шагнуть отъ этого уровня, конечно, не могъ ни одинъ сколько нибудь серьезный читатель.

Самую активную роль въ созиданіи этого уровня приняла и литература. Но нужно сказать, что литературное сословіе въ массѣ не имѣло никакого повода признавать себя нравственнѣе, цивилизованнѣе другихъ, словомъ, выдѣлять себя изъ остальныхъ. Какъ въ обществѣ вообще русскій человѣкъ былъ поглощенъ своими личными спекуляціями, какъ здѣсь онъ не отличался ни особеннымъ образованіемъ, ни доблестью, такъ и въ ли-

тературномъ сословіи онъ не долженъ былъ превосходить другихъ нравственными свойствами и развитіемъ.

Нужно прибавить, что даже литературная карьера не особенно привлекала людей съ познаніями. Поэтому, за исключеніемъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ личностей, литература должна была, хотя и въ новой для нея роли, отразить общій градусъ невѣжества, доблести, пороковъ, и пр.

Поэтому и тутъ прежде всего, рядомъ съ людьми, искренно преданными дѣлу улучшенія, долженъ былъ явиться съ одной стороны либерализмъ незнающій и съ другой, либерализмъ спекулирующій—либералъ какъ невѣжество и либералъ какъ спекуляція. Тотъ и другой стали дѣйствительно замѣчаться въ нашей литературѣ очень рано, почти также рано, какъ началось либеральное движеніе вообще, и съ тѣхъ поръ число ихъ возрастало весьма замѣтнымъ образомъ.

Въ свое время кажется одинъ г. Краевскій да букинисты съ толкучки догадывались, что либерализмъ можетъ давать доходъ въ литературѣ. Теперь явились подражатели, которые вступили въ дѣло съ полнымъ сознаніемъ своего успѣха; этотъ успѣхъ первыхъ поощрялъ другихъ и издательская спекуляція охватила цѣлый сонмъ людей своею модой. Начавшись съ журналовъ, она перешла на переводныя изданія и сюда-то направились всѣ гроши, которые не успѣли найти себѣ помѣщенія въ оригинальной литературѣ.

Прежніе издатели лубочныхъ или соблазнительныхъ книгъ могли, по ихъ мнѣнію, теперь издавать только

книжки естественнаго содержанія или радикальнаго политическаго.

Не къ чести этихъ людей нужно конечно сказать, что они перепортили въ русскомъ переводѣ много превосходныхъ иностранныхъ книгъ, и такимъ образомъ перепорченными изданіями загородили путь не испорченнымъ.

Тоже почти приходится сказать о подражателяхъ другаго рода, о подражателяхъ не литературнаго гроша, а литературной мысли. Тутъ точно также успѣхъ лицъ знающихъ, которыя получили возможность заговорить о болѣе живыхъ предметахъ, соблазнилъ многихъ.

Но такъ какъ публицистика въ тѣсномъ смыслѣ всетаки трактуетъ о предметахъ, требующихъ извѣстной умственной подготовки, то еще болѣе набѣжало моралистовъ философовъ и литературныхъ критиковъ, которые находили возможнымъ довольствоваться болѣе скудными познаніями.

Каждый изъ нихъ, какъ истый снигирь, подхватилъ себѣ какую нибудь нотку и пошелъ на всю жизнь развивать ее по своему на всѣ литературные лады. Пока въ модѣ было только обличать и нести наружу всякій соръ, всякій несъ соръ. Когда дѣло дошло до болѣе философскихъ вещей, каждый считалъ нужнымъ выдумать какую нибудь сверхъестественную собственную философію. Но такъ какъ все, желавшее творить, не могло умѣститься въ литературѣ, то явился сонмъ литераторовъ, разносившихъ свои и чужія мысли по своимъ зна-

*

комымъ, комментируя ихъ при этомъ конечно какъ слѣдуетъ.

Благодаря всему этому, стали всходить неожиданные ростки, слагаться философскія сентенціи, переступавшія предѣлы всякой строгости и даже всякаго смысла.

Пошли въ ходъ сентенціи въ родѣ того, что заниматься искусствомъ подло, кончившіяся чуть ли не тѣмъ, что подло трудиться.

Весь этотъ возмутительный и капитальный вздоръ, безнравственный вздоръ могъ приводить только въ озлобленіе людей со смысломъ. Хуже всего было то, что эти самые измыслители подобныхъ нравственныхъ пошлостей при первомъ допросѣ о томъ, откуда они занялись такимъ вздоромъ, трусили, отрекались, валили все съ своей больной головы на здоровую.

Спрашивается, какое чувство было здѣсь торжествующимъ, какое чувство руководило всѣмъ этимъ процессомъ и мѣшало либерализмъ съ возмущающею пошлостью? Что кромѣ лицемѣрія и раболѣпства передъ модой минуты могло объяснить такое явленіе?

Только незная какъ и куда идти, боясь постоянно оступиться, показаться не либеральнымъ, нашъ либералъ могъ попадать въ тѣ непроходимыя дебри, въ которыхъ мы могли его наблюдать. Общество очень хорошо понимало, что оно можетъ и что нѣтъ, какія добродѣтели ему подъ силу; но оно конфузилось, отвѣчало утвердительнымъ покачиваніемъ головы и наконецъ доходило чуть ли не до того, что начинало стыдиться и отпираться

отъ того, что оно любитъ искусство, носитъ въ себѣ еще долю семейныхъ добродѣтелей и прочее,—словомъ на вздорныя и невѣжественныя выходки лицемѣрнаго празднословія, оно отвѣчало такимъ же лицемѣріемъ.

Что же сулили ему въ замѣнъ — неужели сознаніе исполненнаго долга, неужели возвышеніе его нравственнаго уровня? Кажется, что такъ.

Но возвышеніе нравственнаго уровня, кажется, начинается, если не ошибаюсь, только съ воспитаніемъ личности въ обществѣ, историческая жизнь котораго не давала ей мѣста. Уничтоженіе крѣпостнаго права и полагало ей съ своей стороны начало въ извѣстной сферѣ. Русскій человѣкъ долженъ былъ прежде всего стать лицемъ; то есть, именно пріобрѣсть качества, исключающія всякое лицемѣріе. Еслибы онъ менѣе разсуждалъ о посторонних вопросахъ, а болѣе о самомъ себѣ и своихъ личныхъ качествахъ, еслибы онъ понялъ, что въ ихъ исправленіи заключается весь залогъ нравственнымъ возвышеніямъ, а вовсе не въ самоуслажденіи болтовней о темныхъ вещахъ, объ искорененіи какихъ-то золъ съ корнемъ; тогда бы онъ понялъ, что прежде всего ему надлежало лечиться отъ этого самаго лицемѣрія, составлявшаго основу его характера и теперь всецѣло продолжавшаго руководить его ролью среди либеральнаго возбужденія. Но видно такія нравственныя пріобрѣтенія совершаются не такъ легко. Поэтому то разъ начавшееся либеральное краснобайство въ литературѣ и не имѣло конца и только увеличивалось, наростало до по-

слѣдняго времени. Спору нѣтъ, что не у всѣхъ оно было сознательнымъ лицемѣріемъ и спекуляціей. Одни дѣйствительно хвастали, другіе занимались либеральной фразой болѣе или менѣе добросовѣстно, думая что такъ и слѣдуетъ. Наконецъ, были конечно такіе, которые прозрѣвали истинную пробу фразистаго либерализма; и я не буду утверждать, чтобы тѣ или другіе либералы сосредочивались по отдѣльнымъ органамъ. Я думаю напротивъ, что во всѣхъ либеральныхъ органахъ встрѣчались либералы по крайней мѣрѣ первыхъ двухъ видовъ, т. е. либералы спекуляторы и либералы не сознающіе своего пустозвонства; но только чѣмъ дальше, тѣмъ число первыхъ становилось значительнѣе. Среди такого разростанія либеральной литературы съ 1861 года съ возвышеніемъ московской журналистики начинается разростаніе другаго рода литературы нелиберальной. Эта литература груба и безцеремонна, но она настолько же смѣла передъ либерализмомъ и откровенна, насколько труслива въ своемъ смыслѣ предъидущая. За ней остается поэтому во всякомъ случаѣ то несомнѣнное преимущество, что она служила болѣе вѣрнымъ отраженіемъ того общества, съ которымъ имѣла дѣло. Въ ней это общество является за просто безъ прикрасъ съ своимъ настоящимъ нравственнымъ уровнемъ, съ своими ничѣмъ не украшенными желаніями, стремленіями и взглядами; оно не хвалится никакими особенными добродѣтелями, ни доблестями, а прямо объясняетъ себя.

Я лучше люблю это, хотя бы мнѣ эта литература

могла казаться циничной. Но я предпочитаю цинизмъ либеральному ханжеству, потому что онъ никого не обманываетъ. Если она не лишена въ свою очередь своей доли лицемѣрія, то тутъ это лицемѣріе идетъ за урядъ съ прочими сторонами въ общій аккордъ съ остальнымъ, а не звучитъ въ диссонансъ какъ тѣ ничѣмъ не заглушимая фальшивая нота, которая составляетъ отчаяніе здороваго уха.

Если мы будемъ сравнивать теперь между собой обѣ литературы, то мы должны будемъ сознаться, что насколько одна была возбуждающей и одуряющей, на столько другая была поучительной. Одна все рисовала въ розовомъ цвѣтѣ; для одной все было возможно; передъ ней не рисовалось ничего, кромѣ надеждъ; въ ней общество было согласно на все на словахъ; во второй оно приходило въ себя и осмѣивало свои вчерашнія увлеченія. Одна представляла лицо, другая изнанку одного и того же товара, того же общества и либерализма. Обѣ дѣйствовали одновременно, пока обстоятельства не довершили отрезвленія...

Начинаясь въ прошломъ году, петербургская журналистика должна была начаться сначала. Какіе же элементы существовали теперь для ея начала, что дало прошедшее, что было ясно.

Постараемся установить эти элементы.

Прежде всего было ясно, что общество, которому должна служить литература, всего менѣе нуждалось въ литературѣ обучающей прежнему лицемѣрію.

Второй урокъ, который могла вынести литература, былъ не менѣе важенъ и касался ея собственныхъ силъ и притязаній. Эта литература имѣла близорукость приписать себѣ то временное возбужденіе, которое выразилось въ обществѣ за послѣднее время и вслѣдствіе этого вообразить себя дѣйствительнымъ двигателемъ общественнаго настроенія и жизни, общественнаго мнѣнія дѣйствительной политической литературой, между тѣмъ какъ она всегда была только болѣе или менѣе удачнымъ или неудачнымъ выраженіемъ этого общественнаго настроенія.

Общества, въ будничную программу которыхъ не входитъ публичная жизнь, на основаніи ихъ юридическаго строя, не имѣютъ обыкновенно и политической литературы. Такъ, или по крайней мѣрѣ приблизительно, такъ писали, помнится, „Отечественныя Записки" и я совершенно согласенъ съ этимъ.

Иначе публицистическая литература такого общества имѣетъ свою опредѣленную программу, и слѣдовательно всякій выходъ изъ этой программы со стороны литературы не можетъ простираться далѣе нѣсколькихъ соблазнительныхъ фразъ, не выходящихъ изъ предѣловъ административной терпимости въ силу ихъ пустоты и фельетонной легковѣсности. Послѣ этого литературѣ, понимавшей это, казалось бы оставалось отрезвиться на счетъ ея роли, вылечиться отъ излишняго самомнѣнія и войти въ свои настоящіе предѣлы не только по формѣ, но по самому содержанію со всѣмъ яснымъ со-

знаніемъ своего скромнаго положенія. Она конечно и приняла эти предѣлы. Но тутъ-то именно оказалась странная вещь, повидимому противная естественному порядку вещей. Оказалось, что удовлотворить извѣстнымъ требованіямъ для литературы гораздо легче со стороны сущности этихъ требованій, чѣмъ со стороны формы.

Обозрѣвая литературу за прошлый годъ оказывается, что со стороны сущности и содержанія эта литература въ большинствѣ случаевъ не только удовлетворяетъ вполнѣ легальнымъ границамъ, но даже далеко не наполняетъ тѣхъ скромныхъ границъ, которыя совершенно открыты всякой литературѣ и въ тоже время богата такими формальными избытками, драпируется такой фразеологіей, которая только можетъ быть объяснена ея безсодержательностью. Какъ ни скромна программа нашей литературы, оказывается, что послѣдняя не въ силахъ выполнить и этой программы со стороны ея содержанія, и это-то безсиліе обусловливаетъ, съ другой стороны, всю либеральность этой литературы.

Когда одновременно рѣшается вопросъ о торговлѣ государства и его промышленности, свирѣпствуетъ неурожай и голодъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ, рѣшается вопросъ о повинностяхъ, проводится одновременно цѣлая сѣть желѣзныхъ путей, тогда, кажется, нѣтъ недостатка въ мотивахъ для журнала, который хочетъ имѣть содержаніе.

Одно представленіе фактическихъ статей, разъясняющихъ тотъ или другой вопросъ съ должной полнотой и

обстоятельностью, одно элементарное представленіе свѣденій, служащихъ для пониманія желѣзно-дорожнаго вопроса и другихъ, уже принесло бы несомнѣнно болѣе пользы, чѣмъ рядъ скольких угодно либеральныхъ загвоздокъ.

Но есть извѣстная степень развитія для каждаго индивидуума и слѣдовательно для общества, когда все серьезное можетъ казаться скучнымъ; когда даже простая и ясная рѣчь кажется скучной и утомительной и чтеніе такой рѣчи представляетъ невыносимыя затрудненія.

Есть литературы до того бѣдныя познаніями, что они не могутъ представить серьезнаго содержанія.

Такія общества и такія литературы очевидно ниже своей легальной программы и для такихъ-то литературъ убійственна всякая критика, заграждающая ей путь либеральныхъ фразъ и дутаго радикальничанья, обращающаяся къ самому ея содержанію, потому что для такой литературы ничего не остается для прикрытія своей пустоты, кромѣ риѳмоплетства въ томъ или другомъ видѣ, кромѣ риторики, кромѣ роли шарманщика, поющаго соблазнительныя пѣсни въ трактирѣ.

„Отечественныя Записки“ обѣщались въ своей программѣ заниматься преимущественно вопросами русской жизни и потому слѣдовало ожидать отъ нихъ по крайней мѣрѣ двухъ вещей, это: 1) сознанія, что либерализмъ словъ ничего не производитъ въ обществѣ, кромѣ такого же либерализма словъ и лицемѣрія, и 2) что ихъ столбцы представятъ статьи по предметамъ русской жизни,

въ которыхъ главная забота будетъ приложена къ содержанію, а не къ воспроизводству того легковѣснаго и дешеваго либерализма, который въ тоже время осмѣивалъ въ нихъ одинъ изъ сотрудниковъ. Заглавіе статей отвѣчало съ первыхъ же книжекъ повидимому послѣднему требованію, но съ другой стороны уже устрашало своей притязательностью. Нельзя было не прійти въ нѣкоторый трепетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторое сомнѣніе отъ такихъ обѣщаній, какъ напримѣръ разсказать и разсмотрѣть на нѣсколькихъ страницахъ производительныя силы Россіи. Но эти единственные намеки на нѣчто серьезное и русскія дѣла вскорѣ уступили мѣсто матерьялу, не намекавшему ни на русскія дѣла, ни на нѣчто серьезное, даже по заглавію. Взявшись прежде всего выяснить серьезную сторону „Отечественныхъ Записокъ“, мы должны поэтому поневолѣ остановиться на первыхъ и единственныхъ статьяхъ серьезнаго по виду характера, которыя журналъ представилъ за цѣлый годъ. Даже достаточно будетъ остановиться всего на одной статьѣ о „производительныхъ силахъ Россіи“, какъ на капитальнѣйшей изъ всѣхъ. Чтобы выразить кратко и точно самый смыслъ и содержаніе статьи, дадимъ ей прежде всего иное заглавіе или лучше сказать два, потому что тутъ собственно двѣ статьи и два совершенно отдѣльные вопроса. Первая можетъ быть названа „предположеніями г. Елисѣева о вліяніи крѣпостнаго права на увеличеніе народонаселенія“, вторая „замѣткой о пользѣ или

вредѣ для Россіи протекціонизма“. Первая начинается доказательствомъ, что Россія есть государство по преимуществу земледѣльческое, государство мужиковъ. Доказательство это основанное на значительномъ перевѣсѣ сельскаго населенія надъ городскимъ, конечно весьма, убѣдительно. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе тѣхъ золъ, которыя заключаются вообще въ крѣпостномъ правѣ, отдававшемъ чужой трудъ на эксплуатацію барамъ. и наконецъ все вниманіе сосредоточивается на одномъ изъ спеціальныхъ золъ крѣпостнаго права, на его вліяніи на населеніе. Что касается первыхъ двухъ мыслей, то они могутъ быть конечно интересны для самаго автора, который не знаетъ, что всѣ государства въ мірѣ, на приведенномъ имъ основаніи, суть такія же государства мужиковъ, какъ и Россія; вторая не можетъ быть интересна даже для самаго автора, который въ свое время долженъ былъ узнать всѣ достоинства крѣпостнаго права изъ статей болѣе обстоятельныхъ, чѣмъ его собственная. Что же касается третьей мысли, то она заключаетъ въ себѣ нѣчто новое, хотя не особенно любопытное, но за то весьма либеральное, нѣчто въ родѣ ослинаго копыта убитому и преданному всеобщему поруганію учрежденію. Но какъ бы то ни было, вопросъ ставится такъ: какъ вліяло крѣпостное право на населеніе! Въ этомъ собственно заключается единственный вопросъ, похожій на нѣчто серьезное, поставленный за весь годъ „Отечественными Записками“, и потому сосредоточимся на этомъ вопросѣ. Г. Елисѣевъ рѣшаетъ этотъ вопросъ

такъ, что крѣпостное право вліяло дурно, останавливало увеличеніе населенія, и доказываетъ это статистическими таблицами, выписанными изъ „Статистическаго Временника". Но прежде чѣмъ обратиться къ оцѣнкѣ, статистическихъ выкладокъ, остановимся на нѣсколькихъ общихъ соображеніяхъ, и причинахъ вообще, изъ которыхъ могло выходить такое вредное вліяніе крѣпостнаго права на неселеніе.

Что касается экономической литературы, то она представляла въ этомъ случаѣ такія соображенія, изъ которыхъ еще нельзя было сдѣлать вообще того вывода, къ которому приходитъ авторъ. Когда Мальтусъ разсуждалъ о развитіи народонаселенія, то находилъ, что не только какой нибудь крѣпостникъ-баричъ, но даже азіатскій кочевой князекъ, находилъ для себя лично выгоднымъ поощрять развитіе народонаселенія, потому что увеличеніе личнаго состава подвластныхъ слугъ или рабовъ увеличивало его силу. Туже выгоду, разсуждаемъ мы, очевидно имѣлъ всякій помѣщикъ къ увеличенію его крѣпостнаго населенія. Вспомните только, что всякая крѣпостная душа цѣнилась на деньги не ниже 100 рублей. Всякій лишній крѣпостной приносилъ собой придатокъ его капиталу по крайней мѣрѣ въ сто рублей. Какъ же послѣ этого ему было не желать увеличенія своего имѣнія? Или нужно разсуждать иначе; нужно допускать, что еслибы русскому помѣщику крѣпостнаго періода предложить въ подарокъ лишнихъ 10, 100, 1000 и т. д. душъ, то онъ долженъ былъ отказаться отъ этого подарка. Врядъ ли

такъ разсуждали однако сами помѣщики; врядъ ли они были столь же близоруки. Я полагаю напротивъ, что они очень хорошо понимали, что лишняя крѣпостная душа для нихъ вовсе вещь не лишняя. Въ одномъ только случаѣ, она могла быть для нихъ только въ тягость—это въ случаѣ абсолютнаго недостатка земли для прокормленія этой лишней души. Но само собою разумѣется, что такое затрудненіе никогда не могло имѣть мѣста.

Если у какого помѣщика и было мало своей земли, то кругомъ было достаточно, вслѣдствіе чего всегда была возможность реализировать выгоду—переселить или продать безъ земли другому помѣщику лишнія души. И помѣщики, какъ извѣстно изъ практики, пользовались въ значительной степени этой возможностью. Наконецъ можно было не прибѣгать и къ этому средству—отпустить лишнія души на оброкъ, и получать постоянный доходъ съ каждаго лишняго крѣпостнаго. Словомъ, практика представляла столько средствъ пользоваться выгодами отъ всякой лишней пары крѣпостныхъ рукъ, что уже съ этой стороны, кажется, не могло быть недостатка въ личной выгодѣ для помѣщика отъ увеличенія крѣпостнаго населенія. Эта выгода была, напротивъ, столь велика, что цѣнились не только живыя, но, какъ описалъ Гоголь, даже и мертвыя души. А если была выгода, то само собой нужно предполагать и стараніе ею пользоваться. Какой смыслъ имѣла вся система женить крѣпостныхъ какъ можно

ранѣе по распоряженію помѣщиковъ? Имѣя въ виду такія данныя, невольно недоумѣваешь, почему же тутъ именно и именно тутъ всѣ труды и старанія должны были пропадать даромъ, почему задатки прямо направленные къ увеличенію населенія, должны были бы оказывать противоположное дѣйствіе.

Нужна во всякомъ случаѣ какая нибудь новая причина, которая бы парализировала первую; вѣрить автору, прежде чѣмъ онъ укажетъ эту причину вящшую и первостепенную, никто не обязанъ. До тѣхъ поръ, пока онъ не укажетъ этой причины, мы должны принимать его выводы за совершенно произвольные и противные какъ вышеприведеннымъ фактамъ, такъ и здравому смыслу. Но авторъ, повидимому, не подозрѣвалъ того, что его статистика можетъ оказаться въ противорѣчіи съ извѣстными умственными разсчетами. Для него убійственность крѣпостнаго права, относительно населенія, слѣдовала просто изъ чувства, конечно очень похвальнаго и либеральнаго и крайне крѣпостному праву обиднаго. Оно вообще вліяло дурно на жизнь, — было безнравственно — слѣдовательно, думалъ онъ, на него можно валить все, что угодно, и этимъ не останется никто недоволенъ.

Съ этой точки зрѣнія вся причина вреднаго вліянія, для автора, крѣпостнаго права должна была заключаться въ его нравственномъ гнетѣ и деспотизмѣ. Но и тутъ опять выходитъ дѣло немного странное. Тутъ опять умозаключеніе противорѣчитъ тому, что до сихъ

поръ думали политико-экономы, начиная съ Мальтуса, опираясь на факты. Никто не отрицаетъ деспотизма крѣпостнаго права; но никто не отрицаетъ нѣкоторой разницы въ степени этого гнета и того деспотизма, въ которомъ находились рабы въ полномъ смыслѣ слова. Нужно думать, что деспотизмъ римскихъ и азіатскихъ господъ былъ, вообще говоря, почувствительнѣе крѣпостнаго. И всѣ экономисты только и останавливались на томъ фактѣ, что даже этотъ деспотизмъ нигдѣ не препятствовалъ быстрому наростанію избытка рукъ, вездѣ дѣло подходило къ тому, что территорія отказывалась питать разросшееся населеніе, которое приводилось въ границы уже другими естественными силами — голодомъ, моромъ, войной и т. д. Всѣ были убѣждены, что населеніе быстро плодится, какъ только территорія не отказываетъ въ самыхъ скудныхъ средствахъ приросту, а крѣпостное право обязывало притомъ же помѣщиковъ во всякомъ случаѣ кормить хотя скудно, но все-таки кормить своихъ крестьянъ. Замѣтимъ при этомъ, что разсуждая о вліяніи крѣпостнаго права, съ точки зрѣнія автора, мы не должны смѣшивать его физическихъ вліяній съ нравственными, мы не въ правѣ относить послѣдствія, о которыхъ идетъ рѣчь, къ тому усиленному физическому труду, который налагало на мужика крѣпостное право; потому что и пролетарій могъ нести не менѣе тяжелый физическій трудъ, и слѣдовательно, тягость труда есть нѣчто совершенно особое, не исключительно принадлежавшее крѣпостному праву.

Если бы авторъ имѣлъ въ виду эту физическую тягость, независимо отъ того, происходитъ она изъ крѣпостныхъ условій или другихъ, тогда можно было бы до извѣстной степени конечно понять указываемое имъ вліяніе. Говорю до извѣстной степени, потому что этотъ тяжелый трудъ не мѣшаетъ все-таки черезмѣрному размноженію рабочаго сословія вездѣ, гдѣ оно существовало, и потому, если и вліяетъ сколько нибудь на плодовитость, то какъ причина втораго порядка.

Такимъ образомъ, исключивъ изъ вопроса вопросъ физическаго труда, мы должны, строго держась точки зрѣнія автора, ограничиться только тѣмъ, что остается отъ крѣпостнаго права, за такимъ исключеніемъ, т. е. его нравственнымъ вліяніемъ, его принудительностью. Вотъ эта-то собственно сторона дѣла и должна была останавливать развитіе населенія, по мнѣнію г. Елисѣева.

Съ идеальной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія радикальной, конечно очень утѣшительно было бы рисовать себѣ нравственную среду крѣпостнаго населенія устроенною такимъ образомъ, что она отказывается имѣть дѣтей отъ насильныхъ браковъ.

Но уже если такія вліянія, какъ ужасы голода и мора; и физическія страданія, оказываются на дѣлѣ безсильными противодѣйствовать роковому влеченію природы, то едвали не слѣдуетъ себѣ рисовать дѣйствительный образъ этой среды нѣсколько въ другихъ краскахъ, едва ли разсудительно заговаривать о тѣхъ влія-

ніяхъ, къ которымъ сводится вопросъ съ точки зрѣнія г. Елисѣева.

Вопросъ о развитіи населенія, какъ выражаетъ и г. Елисѣевъ, есть вопросъ сложный, на который дѣйствуетъ нѣсколько причинъ и вліяній. Весь анализъ сложнаго вопроса заключается въ томъ, чтобы только расположить эти вліянія въ рядъ, опредѣлить ихъ удѣльный вѣсъ, такъ сказать ихъ относительную величину. При такой работѣ отдѣльныя вліянія сами собою разположутся въ рядъ. Мы найдемъ вліяніе перваго, втораго, третьяго и т. д. порядковъ.

Каждая изъ величинъ послѣдующаго порядка можетъ только умѣрить вліяніе величины предъидущаго порядка до извѣстной степени. Каждая послѣдующая все-таки будетъ уже весьма мала сравнительно съ предъидущей, иначе причины эти будутъ не различныхъ порядковъ.

Наука очень хорошо знаетъ это. Она знаетъ, что человѣческій опытъ и наблюденіе можетъ уловить далеко не всѣ вліянія, и потому въ самыхъ вычисленіяхъ удерживаетъ только величины главныхъ порядковъ, чего бываетъ совершенно достаточно для того, чтобы ея выводы не противорѣчили фактамъ.

Такъ дѣйствовала наука до сихъ поръ и въ вопросѣ народонаселенія. Вотъ почему вѣроятно она, признавая вліяніе на вопросъ населенія, голода, войнъ, болѣзней, до извѣстной степени физическаго труда, не приписывала особеннаго значенія нравственнымъ влія-

ніямъ. Но пора обратиться къ статистикѣ, такъ какъ она послужила поводомъ ко всему замѣшательству. Редакція „Отечественныхъ Записокъ", занимаясь разсмотрѣніемъ изданій по русской статистикѣ, поразилась неравномѣрностью возрастанія въ Россіи населенія за послѣднія 12 лѣтъ. Что же въ этой неравномѣрности такого, что бы указывало прямо на крѣпостное право? Неравномѣрность мѣстнаго возрастанія населенія есть фактъ болѣе или менѣе общій, она существуетъ и тамъ, гдѣ есть крѣпостное право и гдѣ его нѣтъ; почему же такая неравномѣрность служитъ поводомъ подозрѣвать крѣпостное право въ виновности такой неравномѣрности? Доказательства автора на этотъ счетъ очень просты, онъ выписалъ процентъ крѣпостнаго населенія по губерніямъ и нашелъ, въ суммѣ, наименьшее возрастаніе населенія по губерніямъ богатымъ крѣпостнымъ населеніемъ. Но на основаніи этого факта, взятаго отдѣльно, точно также слѣдуетъ, что крѣпостное право способствуетъ развитію населенія, какъ и то, что оно дѣйствуетъ обратнымъ образомъ. Почему не предположить, что такой большій процентъ крѣпостнаго населенія оказался въ тѣхъ или другихъ губерніяхъ потому именно, что крѣпостное же право способствовало его увеличенію, что въ этихъ губерніяхъ чрезмѣрнымъ приростомъ крѣпостнаго населенія за прежнее время уменьшился процентъ свободной земли на душу и потому за послѣднія 12 лѣтъ, которыхъ только и касаются наблюденія автора, меньшій процентъ

населенія зависѣлъ уже не отъ крѣпостнаго права, а просто отъ большей густоты общаго населенія. Вѣдь авторъ не потрудился справиться, замѣчалась ли таже неравномѣрность въ прежнее время; а главное не потрудился сообразить, не находится ли эта неравномѣрность въ связи съ болѣе простыми, чисто естественными условіями.

Мы однако считаемъ нужнымъ не столь небрежно отнестись къ этимъ условіямъ, и прежде, чѣмъ обратиться къ крѣпостному праву, обратиться за разъясненіемъ вопроса къ болѣе простымъ причинамъ.

Указавъ фактъ неравномѣрнаго возрастанія населенія какъ нѣчто замѣчательное, авторъ однако не сразу открываетъ читателю секретъ этой неравномѣрности, а подготовляетъ его путемъ предварительныхъ разсчетовъ, служащихъ какъ бы только введеніемъ къ окончательному удару. „Пробѣжавъ, пишетъ онъ, представленную нами таблицу прибыли народонаселенія въ Европейской Россіи въ теченіи 12 лѣтъ (1850—1862), читатель узнаетъ, какая невѣроятная громадная разница существуетъ у насъ въ движеніи его по разнымъ губерніямъ. Часто въ мѣстностяхъ, находящихся по видимому въ совершенно одинаковыхъ почвенныхъ и климатическихъ условіяхъ, при полномъ однообразіи условій общественныхъ получаются результаты неожиданно противуположные. Такъ въ губерніяхъ Харьковской, Полтавской и Курской, лежащихъ рядомъ, въ одной и той же плодороднѣйшей полосѣ Россіи, населеніе первой дало

34,3 проц., второй 14,8 проц. и третьей 5,7 проц. прибыли населенія."

Прежде чѣмъ удивляться, вмѣстѣ съ авторомъ, невѣроятной, громадной разницѣ прироста, повѣримъ дѣйствительность полнаго однообразія условій общественныхъ, на которыя ссылается авторъ и затѣмъ уже будемъ разсуждать надъ приростомъ. Посмотримъ прежде всего, какое полное однообразіе существовало для этихъ губерній относительно главнаго основнаго условія, отъ котораго прежде всего должна зависѣть величина возможнаго прироста. Это первое условіе есть, очевидно, предъидущая приросту, густота населенія мѣстности и то отношеніе между количествомъ удобной земли, въ мѣстности и числомъ жителей, которое существовало до прироста.

Очевидно, что чѣмъ болѣе остается свободной земли на душу въ мѣстности, тѣмъ больше мы въ правѣ ожидать и прироста и на оборотъ. Иначе, для менѣе заселенной мѣстности само собой естественно ожидать большаго прироста, и обратно. Почвенныя условія трехъ губерній: Харьковской, Полтавской и Курской, по мнѣнію автора, приблизительно одинаковы; стало быть, остается только повѣрить такую же полную одинаковость ихъ въ другомъ отношеніи — въ отношеніи густоты населенія.

Беремъ изъ таблицъ, приведенныхъ г. Елисѣевымъ:

1) Пространство земли для каждой губерніи въ десятинахъ за вычетомъ лѣса.

2) Сельское населеніе каждой до 1850 года;—дѣлимъ первое на второе и получаемъ количество земли, причитающейся до прироста ихъ на душу. Если это отношеніе окажется дѣйствительно не согласно съ ходомъ прироста, то различіе прироста не можетъ быть объяснено главными условіями, то есть предъидущей густотой населенія и нужно будетъ искать другихъ причинъ.

Если же это отношеніе окажется согласующимся съ ходомъ прироста, то пока г. Елисѣевъ не уничтожитъ этого соотвѣтствія, мы откажемся отъ нужды искать болѣе хитрыхъ причинъ, потому что будетъ найдена болѣе вѣская причина.

Получаемъ слѣдующія данныя:

	Удобной земли.	Населенія.	Число десятинъ на душу.
Харьковская	4,363,000	1,048,600	4
Полтавская	4,240,000	1,558,000	2,7
Курская	3,772,000	1,612,200	2,3

И такъ вотъ это полное однообразіе условій: въ одной губерніи приходится по 4 слишкомъ десятины удобной земли на каждую душу, во второй немного менѣе 3, въ третьей почти только 2.

Относительныя количества свободной земли въ трехъ губерніяхъ относятся между собою на 1 : 0,6 : 0,5 и это г. Елисѣевъ называетъ почти одинаковыми условіями. Въ разсужденіи автора 1 выходитъ ровна $^1/_2$.

Но если 1 не ровна, а болѣе половины, то очевидно, что въ этой мѣстности, которая представляетъ

на половину менѣе свободной земли, нѣтъ ничего удивительнѣе встрѣтить и меньшій приростъ.

Обращаясь къ этому приросту, находимъ въ Харьковской губерніи для сельскаго населенія 32 проц., Полтавской 12,6 проц. и Курской 5,8 проц. Видно, что приростъ уменьшается въ одинаковомъ порядкѣ съ поземельнымъ избыткомъ и понижается даже быстрѣе послѣдняго.

Но г. Елисѣевъ разумѣлъ вообще свое соотвѣтствіе между крѣпостнымъ населеніемъ и приростомъ населенія вообще не въ столь точномъ смыслѣ, а въ болѣе грубомъ. Расположивъ въ рядъ губерніи по приросту и по крѣпостному населенію, мы дѣйствительно не находимъ никакого совпаденія между обоими рядами мѣстности, а только развѣ въ общей сложности.

Слѣдующіи губерніи показаны г. Елисѣевымъ съ наибольшимъ процентомъ крѣпостнаго населенія. Выпишемъ ихъ по порядку величины крѣпостнаго населенія въ каждой и затѣмъ озъачивъ, противъ каждой приростъ населенія за послѣднія 12 лѣтъ, мы будемъ имѣть возможность судить о томъ, насколько приростъ совпадалъ съ процентомъ крѣпостнаго населенія въ частности.

	Приростъ сельск. населенія въ %.
Черниговская	4,2
Курская.	5,8
Тамбовская	15,7

Новгородская	9,4
Гродненская.	—2,1
Московская	1
Виленская	8,4
Пензенская . . . . : . . .	8,7
С.-Петербургская	—3,2
Орловская	7,9
Тверская	5
Псковская	6,9
Подольская	1,5
Владимірская	3,2
Минская.	—1,2
Рязанская	2,7
Витебская	2,5
Волынская	4,8
Костромская.	1
Нижегородская	8,9
Ярославская.	0,8
Кіевская	16,5
Калужская	—1,1
Могилевская	5,0
Смоленская	2,3
Тульская	2,0

Выпишемъ теперь точно также губерніи по порядку прироста съ соотвѣтствущимъ каждой числомъ десятинъ на душу — для того, чтобы вывести затѣмъ число десятинъ земли, соотвѣтствующее въ сложности мѣстнымъ нормамъ прироста.

	Приростъ въ проц.	Число дес. на душу сельскаго населенія.
Астраханская	102	131
Херсонская	40	9,2
Харьковская	32	4,1
З. В. Донскаго	19,7	16,4
Кіевская	16,5	2,2
Воронежская	16,3	3,4
Екатеринославская	16,2	6,7
Тамбовская	15,7	3,1
Подольская	15,0	2,1
Вятская	14,9	2,2
Казанская	14,5	2,5
Архангельская	13,6	127,3
Пермская	12,7	4,5
Вологодская	12,7	3,3
Полтавская	12,6	2,1
Новгородская	9,4	4,4
Ковенская	9	3,3
Нижегородская	8,9	2,1
Пензенская	8,7	2,3
Виленская	8,4	3,6
Орловская	7,9	2,6
Псковская	6,9	3,7
Курская	5,8	2,3
Олонецкая	5,7	9,0
Тверская	5	2,2
Могилевская	5	4,0

Волынская . . .	4,8	2,7
Черниговская . .	4,2	2,9
Владимірская . .	3,2	2,0
Рязанская . . .	2,7	2,2
Витебская . . .	2,5	3,7
Смоленская . . .	2,3	3,2
Тульская . . .	2	2,5
Костромская. . .	1	2,3
Московская . . .	1	1,6
Симбиргская . .	0,9	2,6
Ярославская. . .	0,8	2,3
Калужская . . .	—1,1	2,5
Минская. . . .	—1,2	2,0
Гродненская. . .	—2,1	3,2
С.-Петербургская .	—3,2	4,1

Теперь сдѣлаемъ вотъ что. Исключимъ даже изъ разсчета Астраханскую губернію, давшую 102 проц. прироста и обладающую 131 десят. земли на душу, и Архангельскую, имѣющую 127,3 десятинъ на душу, и затѣмъ, раздѣливъ губерніи по приросту населенія на группы, а именно на губерніи, давшія отъ 20 до 40 процент. прироста, отъ 5 до 16,5 проц. и ниже 5 проц. Узнаемъ число десятинъ, причитавшееся въ сложности на душу въ каждой группѣ, окажется, несмотря на исключеніе изъ расчета нетолько Астраханской и Архангельской губерній, въ средней сложности въ каждой группѣ слѣдующее количество свободной земли на душу.

въ 1-й груп.,	давшей	отъ 40	до 19,7 %	прироста	9,9	дес.
во 2-й	—	—	— 5,8 »	16,5 %	—	3,44	дес.
въ 3-й	—	—	— 5 »	—3,2 %	—	2,64	дес.

Отсюда видимъ, что населеніе прироста соотвѣтствуетъ очень хорошо даже такому грубому выраженію мѣстныхъ естественныхъ удобствъ къ приросту, какъ валовое количество земли, не взирая на ея качество и прочія экономическія условія.

Если же крѣпостнаго права оказалось больше тамъ именно, гдѣ земля больше заселена и гдѣ меньшій приростъ, то этотъ удивительный для г. Елисѣева фактъ объясняется весьма естественно раннимъ распространеніемъ его въ губерніяхъ, великороссійскихъ и западныхъ давнимъ стремленіемъ къ пріобрѣтенію имѣній въ мѣстахъ наиболѣе оживленныхъ и заселившихся. Тамъ, гдѣ прежде всего развилась государственная жизнь, тамъ, гдѣ прежде всего образовались центры, вокругъ которыхъ сгруппировалось наиболѣе интересовъ, гдѣ населеніе начало увеличиваться ранѣе, тамъ и ранѣе долженъ былъ наступить уменьшенный приростъ паселенія—чтоже тутъ удивительнаго и такого, изъ-за чего бы стоило поднимать бурю.

Но г. Елисѣевъ не считаетъ нужнымъ останавливаться надъ подобными предварительными повѣрками своей мысли, а прямо сваливаетъ вину неравномѣрности на крѣпостное право. Нужно думать поэтому, что теперь, когда крѣпостное право уничтожено, уничтожится и эта неравпомѣрность, и населеніе уже будетъ возрастать

равномѣрно, не представляя никакого матеріала для ученой разработки публицистамъ „Отечественныхъ Записокъ“. Авторъ даже не трудится дѣлать самъ нужнаго ему сопоставленія между приростомъ и крѣпостнымъ населеніемъ и предоставляетъ его дѣлать читателю; однако изъ такого сопоставленія выходитъ вещь странная. Рядъ губерній, съ весьма сильнымъ процентомъ крѣпостнаго населенія. Кіевская (68 проц.), Подольская (66 проц.), Новгородская (48 проц.), Тамбовская (47 проц.) даютъ лучшій приростъ, чѣмъ губерніи съ меньшимъ процентомъ его. Но это для г. Елисѣева не должно ничего значить. „На это мы должны отвѣтствовать, пишетъ онъ, что мы смотрѣли на крѣпостное право, какъ на общій гнетъ, задерживавшій нормальное развитіе населенія. Но кромѣ его были другія причины мѣстныя, которыя могли уменьшить или увеличить силу этого гнета.“ На это мы должны отвѣтствовать, что мы не хотимъ знать общая ли это причина сокращеннаго прироста или нѣтъ, а прежде всего хотимъ знать, есть ли это причина вообще и если есть, то какой степени и мѣры. Если она такова, что управляетъ развитіемъ населенія 22 губерній изъ 26, если въ числѣ 22 губерній не сыскалось ни одной губерніи, гдѣ мѣстныя условія могли побѣдить эту причину, такъ она сильна, то едвали послѣднее вѣроятно и для остающихся четырехъ губерній, если только мѣстныя условія послѣднихъ не представляли чего либо черезъ-чуръ особеннаго.

Между тѣмъ, въ числѣ этихъ двадцати двухъ губер-

ній есть такія, мѣстныя условія которыхъ повыгоднѣе благодатей Новгородской губерніи, побѣдившей г. Елисѣева. Если эти особыя условія и можно допустить относительно губерній Кіевской, Подольской и Тамбовской, то никакъ уже не относительно Новгородской. Всѣ выгоды послѣдней могутъ только и заключаться развѣ въ одномъ избыткѣ поземельнаго пространства. Стало быть, если поземельное пространство въ глазахъ самого г. Елисѣева оказывается причиной, которая можетъ побѣждать даже такой столь сильный законъ, какъ законъ крѣпостнаго права, то какъ же г. Елисѣевъ былъ столь простъ, что не счелъ нужнымъ прежде чѣмъ рѣшать вопросъ, элиминировать столь рѣшительную причину вообще,—и не устранитъ вообще изъ вопроса всѣхъ естественныхъ вліяній, которыя могли только поспорить въ этомъ отношеніи съ крѣпостнымъ правомъ.

Ужъ если г. Елисѣевъ желалъ выяснить вліяніе крѣпостнаго права на приростъ, не касаясь при этомъ естественныхъ условій, затруднявшихъ дѣло, то ему слѣдовало бы поступить слѣдующимъ образомъ. Въ каждой мѣстности есть крѣпостное и не крѣпостное населеніе; оба находятся ближе всего въ равныхъ мѣстныхъ условіяхъ. Взявъ отдѣльно то и другое и опредѣливъ коэффиціентъ приращенія для того и другаго (конечно, не за послѣднія 12 лѣтъ только а за гораздо большее число лѣтъ) и сравнивая тотъ и другой, можно было еще съ нѣкоторой гадательностью судить о томъ, какое населеніе развивается быстрѣе при

тѣхъ же мѣстныхъ условіяхъ крѣпостное или не крѣпостное. Сверхъ того коэффиціентъ прироста населенія слагается обыкновенно изъ двухъ частей, изъ коэффиціента смертности и плодовитости, и потому, если бы при этомъ оказалось, то вліяніе крѣпостнаго права, которое мерещится г. Елисѣеву, то нужно было бы показать, какимъ путемъ достигало крѣпостное право своей зловредной цѣли, уменьшая ли плодовитость или увеличивая смертность. Тогда бы еще можно было вести съ ними серьезное разсужденіе о предметѣ. Въ настоящемъ же случаѣ, вмѣсто всякаго вывода изъ приведеннаго разбора г. Елисѣева, лучше всего передать тотъ отзывъ, который былъ сдѣланъ, сколько помнится, не только объ ней, но вообще о его первыхъ публицистическихъ попыткахъ въ „Новыхъ Отечественныхъ Запискахъ“ — отзывъ, принадлежащій весьма извѣстному и заслуженному въ ученой литературѣ лицу. На вопросъ о томъ, какъ ему нравятся эти труды, лицо это отвѣтило: „пріятно видѣть въ молодомъ человѣкѣ, такія, хотя и не совсѣмъ удовлетворительныя, но во всякомъ случаѣ дѣлающія честь его любознательности начинанія“. Трудно было бы увѣрить кого бы то ни было, что все это статистическое построеніе законовъ было со стороны г. Елисѣева только шуткой, а между тѣмъ несомнѣнно, что г. Елисѣевъ только шутилъ или шутила по крайней мѣрѣ редакція, когда печатала его статью, потому что нѣсколько времени спустя таже редакція печатала вотъ что:

„Но извѣстно, вопервыхъ, что статистика есть тотъ самый предметъ, на поприщѣ котораго изслѣдователь можетъ дѣйствовать на всей своей волѣ, и во вторыхъ, что это опредѣленіе въ особенности примѣняется къ русской оффиціальной статистикѣ“ („Отеч. Записки“, августъ, 1868 г. стр. 156).

И такъ, вредно ли вліяло крѣпостное право на населеніе не знаю; но что изданіе „Отечественныхъ Записокъ“ вредно вліяетъ на приростъ россійскаго населенія это несомнѣнно. Все это содержаніе „Отечественныхъ Записокъ“, поглощающее собой при 6,000 подписчикахъ не менѣе двухъ милліоновъ листовъ печатной бумаги; при шести тысячахъ подписчикахъ по 16 р. 50 к. съ каждаго, всѣ эти „русскіе вопросы„ обходятся въ годъ не менѣе 99 тысячъ рублей. Спору нѣтъ, что физическій трудъ долженъ содержать въ странѣ просвѣщеніе, но если позволено при этомъ обсуждать государственную роспись, то тѣмъ паче роспись гг. Некрасова-Краевскаго. Считая по 300 р. на каждаго университетскаго стипендіата или на каждое рабочее семейство въ годъ, на означенную сумму можно давать ежегодно высшее образованіе 330 лицамъ или содержать съ избыткомъ по меньшей мѣрѣ полторы тысячи людей или по крайней мѣрѣ 330 взрослыхъ работниковъ, если положить даже, что теперь 1/3 означенной суммы идетъ на содержаніе типографскихъ и другихъ рабочихъ. Затѣмъ подписчики могутъ выбрать что имъ выгоднѣе: 330 стипендіатовъ, 330 работниковъ или десять литераторовъ

въ родѣ гг. Некрасова, Краевскаго, Минаева и проч.; въ 15 ли разъ г. Минаевъ и 30 г. Краевскій и т. д. лучше и цѣннѣе взрослаго физическаго работника и въ 30 ли разъ г. Краевскій превосходнѣе въ дѣлѣ просвѣщенія простаго студента. Все, что могу сказать на этотъ счетъ г. Елисѣеву это, что 15 работниковъ въ 15 разъ выгоднѣе изданія „Отечественныхъ Записокъ“ въ смыслѣ его заботъ объ увеличеніи россійскаго населенія, и потому считаю доказаннымъ, что изданіе „Отечественныхъ Записокъ“ хуже крѣпостнаго права должно было вліять на увеличеніе нашего народонаселенія.

Такимъ образомъ оказывается, что редакція „Отечественныхъ Записокъ“ или только смѣялась надъ читателемъ, печатая статью о „Производительныхъ силахъ Россіи“ и занимаясь статистикой, или сама измѣнила потомъ свой взглядъ на вещи и сочла нужнымъ предать эту статью осмѣянію этой поздней поправкой. Послѣ этого мнѣ остается только поставить точку и перейти къ другимъ предметамъ.

Послѣ этого я не стану уже серьезно разбирать другой половины статьи г. Елисѣева, ни серьезныхъ статей „Отечественныхъ Записокъ“, а займусь выясненіемъ духа и направленія „Отечественныхъ Записокъ“ уже съ болѣе снисходительной точки зрѣнія, на которую меня только-что поставила относительно себя сама редакція своими нежданными комментаріями къ своимъ серьезнымъ статьямъ.

Вторая половина статьи г. Елисѣева посвящена фритредерству. Серьезнаго разбора она уже не стоитъ потому, что не содержитъ ничего новаго, а собираетъ мотивы, нѣсколько разъ повторявшіеся въ литературѣ съ разныхъ сторонъ, и излагаетъ ихъ довольно поверхностно. Самое замѣчательное въ ней то, что разсуждая, хотя и съ чужаго голоса, но болѣе или менѣе вѣрно о болѣе отдаленныхъ вещахъ, онъ въ тоже время оказывается совершенно слѣпъ къ вещамъ болѣе близкимъ. Протестуя противъ протекціонистовъ, онъ въ тоже время считаетъ себя первымъ представителемъ свободы торговли на русской почвѣ и спрашиваетъ, гдѣ русскіе фритредеры.

Извѣстное дѣло, что русскіе фритредеры испоконъ вѣка помѣщались въ „Голосѣ" и въ настоящемъ случаѣ голосъ г. Елисѣева есть не болѣе, какъ униссонъ „Голосу" г. Краевскаго. Все это мы говоримъ не въ укоръ г. Елисѣеву, а только потому, что журналу, претендующему на новую редакцію и обѣщавшему заниматься вопросами преимущественно „русской жизни", можно было бы въ единственной статьѣ за весь годъ, похожей на руководящую, выражающую, такъ сказать, „душу журнала", позволительно было бы показать читателю свою душу, а не душу г. Краевскаго.

Все это я говорю не къ тому, чтобы предупреждать дальнѣйшія подражанія, а чтобы отклонить новую редакцію отъ ложнаго стыда и презрѣнія къ матери, не

только питающей, но и вдохновляющей насъ мыслями. Все это я говорю потому, наконецъ, что г. Елисѣевъ разсуждаетъ въ той же статьѣ очень хорошо о кулакахъ-мужикахъ и не хочетъ ничего видѣть дальше газеты г. Краевскаго тамъ, гдѣ послѣдняя отказываетъ ему въ руководствѣ. „Русскій кулакъ, пишетъ онъ, понялъ торговлю только въ ея простыхъ грубыхъ формахъ удовлетворенія разнымъ животнымъ потребностямъ. Онъ умѣетъ торговать крупой, мукой, мясомъ, чаемъ и т. д., но онъ не понимаетъ, что можно торговать и умомъ, и знаніемъ, и красотою, и добродѣтелями, и пороками, и слабостями, и послѣдними гораздо производительнѣе въ мелочной торговлѣ, чѣмъ первыми".

Пусть только г. Елисѣевъ оставитъ въ покоѣ „Производительныя силы Россіи", „Крестьянскій вопросъ" и тому подобныя темы; пусть не берется заниматься статистикой и выводить законы народонаселенія, — для чего нужно нѣкоторое хотя элементарное знаніе предметовъ, выходящихъ изъ предѣловъ литературнаго краснобайства — пусть обратитъ вниманіе на болѣе скромныя темы, кишащія у него передъ глазами, и смѣемъ вѣрить его, что онъ найдетъ вблизи себя не только торговлю умомъ и способностями, не только кулаковъ въ литературѣ, но еще какихъ кулаковъ!

Вотъ слѣдовательно ему и настоящая тема для приданія новымъ „Отечественнымъ Запискамъ" оригинальности и самостоятельности; тема богатая; ея одной мо-

жетъ хватить на цѣлый годъ разсужденій во всѣхъ разнообразныхъ отдѣлахъ журнала — въ стихахъ, прозѣ, романахъ, фельетонѣ и т. д. Смѣемъ увѣрить его, что занявшись этой темой, онъ принесетъ болѣе пользы русскому обществу, русской жизни и русской литературѣ и своей литературной репутаціи, чѣмъ занимаясь проповѣдью скандальчиковъ ради воспитанія русскаго юношества къ терновымъ вѣнкамъ, сулимымъ послѣднему всероссійскимъ стихотворцемъ, не имѣющимъ понятія ни о торговлѣ чужимъ умомъ, чужими мыслями, способностями и тому подобномъ.

Послѣ всего этого нельзя читать безъ нѣкоторой ироніи слѣдующія слова, напечатанныя въ „Отечественныхъ Запискахъ“: „Справедливо говорятъ, что всего труднѣе понять то, что насъ окружаетъ. Въ то время, какъ вопросы высшей математики, астрономіи и другихъ мудреныхъ наукъ легко рѣшаются самыми обыкновенными умами, вопросы морали, существеннѣйшія задачи человѣческой жизни, требуютъ для своего рѣшенія усилій весьма глубокихъ и оригинальныхъ умовъ. Мало того, вопросы уже давно рѣшенные, истины давно доказанныя въ теченіи многихъ вѣковъ, остаются безъ всякаго вліянія на жизнь, совершенно забываются. Чтобы напомнить объ нихъ людямъ, необходимо слово высокодаровитаго человѣка“.

Совершенно справедливо, г. Покровскій, факты давно признанные, истины давно доказанныя совершенно забываются и для напоминанія объ нихъ, если не всегда

нужно быть высоко талантливымъ, то по крайней мѣрѣ независимымъ человѣкомъ.

Я остановился довольно долго на учено-публицистическихъ попыткахъ г. Елисѣева, потому что они составляютъ единственную попытку за весь годъ представить нѣчто, хотя по формѣ похожее на руководящія статьи журнала, затѣмъ хоть шаромъ покати.

Прочитывая книжку за книжкой за прошлый годъ, чувствуешь себя въ положеніи Вамбери, слѣдующаго черезъ азіатскую степь въ несравненную Бухару. Идешь мѣсяцъ, другой, третій — все степь; по бокамъ, правда, стоятъ какіе-то ученые обрывки; начинается ни съ того ни съ сего статья о Дидеро и не оканчивается, „Крестьянскій вопросъ" и та не оканчинается; пробуетъ силы одинъ фельетонистъ, выходитъ плохо; является другой.

Въ отчаяніи гдѣ-нибудь открыть писателя съ живымъ содержаніемъ, „Отечественныя Записки" взываютъ къ тѣни покойнаго Кайданова и она присылаетъ имъ съ того свѣта посмертный отрывокъ изъ учебника исторіи, которую они и печатаютъ подъ заглавіемъ: „Разсказы изъ исторіи послѣдняго пятидесятилѣтія". Печатаются статьи Писарева, который почему-то стыдится выставить свое имя подъ ними; но и эти статьи не побѣждаютъ печальнаго однообразія пустыни. Печатаются критическіе этюды г. Скабичевскаго, но ихъ уже лучше было бы вовсе не печатать.

Сколько ни ищите той русской жизни, которою обѣ-

щалась заниматься редакція—вы ея не найдете. Вмѣсто нея, вмѣсто публицистики вообще слѣдуетъ рядъ типографскихъ шпонъ и только. Но за то заглавія! Боже мой, какое разнообразіе и богатство заглавій!

Нужно остановиться хотя на этихъ заглавіяхъ, тѣмъ болѣе, что они играютъ немаловажную роль въ дѣлѣ соблазна читателя, роль, которую Краевскій давно понялъ.

Если онъ не пишетъ въ заглавіи передовыхъ статей Голоса: „Газета Голосъ и европейскіе кабинеты“ и т. п., то потому только, что не вошло въ обычай ставить заглавія къ передовымъ статьямъ; но за то онъ усердно начинаетъ эти статьи въ самомъ текстѣ вопросомъ: какъ отнеслась Европа къ статьѣ „Голоса“ отъ такого-то числа и т. д.

Съ этой стороны, конечно, новая редакція могла бы уже держать себя независимѣе; но въ томъ-то и дѣло, что даже въ такихъ пустыхъ вещахъ духъ г. Краевскаго порабощаетъ себѣ все и заставляетъ „Отечественныя Записки“ смотрѣть на все его глазами. При всемъ томъ нельзя сказать, чтобы г. Краевскій не былъ вообще либералъ и такъ какъ образъ его начинаетъ играть нѣкоторую дѣйствительную роль въ уясненіи характера новой редакціи „Отечественныхъ Записокъ“, то я и считаю нужнымъ нарисовать этотъ образъ нѣсколько точнѣе.

Читатель „Голоса“ долженъ знать, какую роль въ этой газетѣ играютъ слова: „Общественное мнѣніе Россіи, общественное мнѣніе Европы и мнѣніе Голоса“.

Для г. Краевскаго общественное мнѣніе Россіи и мнѣніе „Голоса“ одно и тоже, и это до извѣстной степени справедливо. Г. Краевскій можетъ доказать это не только теоретически, но и фактами. Общественное мнѣніе, думаетъ онъ, не есть нѣчто цѣлое, единичное. Общество слагается изъ разнообразныхъ группъ по образованію, по понятіямъ, а слѣдовательно и мнѣніямъ. Общественное мнѣніе есть коллекція самыхъ разнообразныхъ вкусовъ и взглядовъ; газета, которая хочетъ выражать его мнѣніе, быть его представителемъ, должна выражать всѣ эти вкусы вмѣстѣ, всю эту коллекцію; удовлетворить каждаго, дать каждому на водку или на орѣхи и удовлетворить каждаго не зря, а по пропорціи; сколько либераловъ, столько словъ и статей либеральныхъ; сколько радикаловъ, столько радикальныхъ; сколько мнѣній пошлыхъ, столько и статей пошлыхъ; сколько сластолюбивыхъ, столько же сластолюбивыхъ и соблазнительныхъ фактовъ и статей.

Если напечатать больше либеральныхъ статей, чѣмъ это допускаетъ отношеніе либеральныхъ къ нелиберальнымъ подписчикамъ — газета уже не будетъ выражать общественнаго мнѣнія. Но можно не разбрасывать всей этой смѣси по разнымъ статьямъ, а мѣшать ее въ одной и той же статьѣ. И тогда каждый читатель будетъ получать одновременно свое пойло, не дожидаясь своей очереди.

Сотрудники г. Краевскаго утверждаютъ, будто бы у него лежитъ на столѣ постоянно циркуль, которымъ

онъ вымѣряетъ ихъ построчную плату; а я утверждаю, что при посредствѣ этого циркуля проявляется общественное мнѣніе Россіи у г. Краевскаго.

Болѣе точной характеристики литературнаго существа газеты г. Краевскаго опредѣлить нельзя. Послѣ этого понятно, какъ г. Краевскій долженъ объяснять себѣ свою сдачу „Отечественныхъ Записокъ", какое мѣсто долженъ онъ отводить имъ въ своей коллекціи; но никто не можетъ упрекнуть г. Краевскаго въ непослѣдовательности, въ несовмѣстности новой редакціи съ личными воззрѣніями г. Краевскаго въ существѣ дѣла. Никто не можетъ даже утверждать, чтобы „Отечественныя Записки" въ лицѣ новой редакціи не могли ни въ чемъ возражать и противорѣчить „Голосу". Такъ какъ г. Краевскій очевидно глубоко справедливъ къ общественному мнѣнію; такъ какъ его принципъ состоитъ въ томъ чтобы умѣстить всѣ оттѣнки, вмѣстить одинаково все, онъ могъ бы поэтому совершенно послѣдовательно отвергать въ „Отечественныхъ Запискахъ" то, что пишетъ въ „Голосѣ"; опровергать въ „Голосѣ" „Отечественныя Записки" и обратно.

Послѣ этого, если „Отечественныя Записки" въ лицѣ новой редакціи не нашли въ теченіи года ни одного пункта для разногласія съ „Голосомъ", то я долженъ видѣть въ этомъ ихъ добрую волю, а не актъ вынужденный. Я имѣю, такимъ образомъ, вящшую причину смотрѣть на утвержденіе будто новая редакція „Отечественныхъ Записокъ" стѣснена своею связью съ „Го-

лосомъ" какъ на совершенный вздоръ, и потому не нахожу страннымъ, если „Отечественныя Записки" не только не противорѣчатъ „Голосу", но даже заимствуются у него мыслями. Я даже склоненъ думать, что еслибы „Голосъ" не выходилъ ежедневно, не предвосхищалъ текущихъ жизненныхъ темъ, то „Отечественныя Записки" были бы богаче содержаніемъ на этотъ счетъ.

Редакція находитъ вѣроятно страннымъ повторять ежемѣсячно то, что ежедневно говорится въ „Голосѣ"; но я совѣтовалъ бы ей не слишкомъ страшиться такого повторенія, потому что даже это повтореніе можетъ иногда подъ перомъ г. Елисѣева выйти лучше оригинала. Конечно эти подражанія не должны быть похожи на тѣ подражанія, которыя встрѣчаются въ библіографіяхъ новой редакціи библіографіямъ старой редакціи „Отечественныхъ Записокъ".

Для того, чтобы мои слова не могли показаться голословными, я опять раскрою библіографическій отдѣлъ „Отечественныхъ Записокъ" и выберу нѣсколько примѣровъ на удачу. Разборъ книгъ въ нашихъ журналахъ имѣлъ два различныя смысла;—или онъ имѣлъ цѣлью знакомство читателя съ содержаніемъ и предметомъ книги, или книга служила только внѣшнимъ поводомъ для редакціи высказывать свои собственныя, близкія ея сердцу, размышленія на разныя темы. Въ такомъ случаѣ самое знакомство съ книгой и самая книга отходила на задній планъ и главное мѣсто занимали собствен-

ныя размышленія и предметы, которые лежали на сердцѣ редакціи.

Вотъ почему библіографическій отдѣлъ служилъ часто самымъ лучшимъ выраженіемъ настоящихъ тенденцій того или другаго отдѣла, становился, не смотря на внѣшнюю скромность своей формы передовымъ отдѣломъ журнала. Вотъ почему для характеристики новой редакціи мы считаемъ не лишнимъ заглянуть въ этотъ отдѣлъ.

Тутъ дѣйствительно мы находимъ два рода разборовъ: разборъ книгъ для самыхъ книгъ и задушевное слово редакціи по поводу книгъ. Хотя послѣднее и встрѣчается сравнительно рѣже; но тѣмъ оно драгоцѣннѣе, тѣмъ заслуживаетъ большаго вниманія. Оба рода библіографіи принадлежатъ даже повидимому двумъ различнымъ людямъ; въ нихъ чувствуется два различныхъ пера и слога.

Одно перо простое и казенное, безъ примѣтныхъ знаній и таланта, исполняющее свое дѣло какъ службу или подрядъ въ томъ тонѣ, въ какомъ это любилъ всегда дѣлать въ „Отечественныхъ Запискахъ“ г. Краевскій и прежде. Въ этомъ родѣ библіографіи, даже самое міровоззрѣніе съ высоты, котораго произносится критика, принадлежитъ старымъ „Отечественнымъ Запискамъ“ г. Краевскаго.

Вмѣсто того, чтобы выражаться извѣстными мыслями, міросозерцаніе это выражается названіемъ книгъ, именъ, авторитетовъ, какъ это дѣлалъ и прежде г. Краевскій. Такими именами являются Бокль, Спенсеръ, Тэнъ,

Льюисъ и къ этой компаніи присоединяется иногда и Милль. Кто открылъ Бокля въ русской литературѣ, какъ не г. Краевскій. Кто вмѣстѣ съ тѣмъ не разъяснилъ вовсе своимъ читателямъ что такое Бокль; въ чемъ его сила и достоинство; за что она должна считать это имя что-либо доказывающимъ, какъ не г. Краевскій. Но прежній г. Краевскій, открывая Бокля, по крайней мѣрѣ помѣщалъ въ своемъ журналѣ рядъ выдержекъ, и очень пространныхъ, изъ сочиненій Бокля; онъ, признавалъ за читателемъ право и за собой обязанность все-таки познакомить читателя съ содержаніемъ того, что онъ долженъ уважать. Нынѣшній г. Краевскій не дѣлаетъ и этого. Прежде чѣмъ поучать читателя Спенсеромъ, Льюисомъ и Тэномъ, онъ не считаетъ вовсе нужнымъ знакомить своего читателя съ мыслями этихъ людей; а прямо бьетъ ихъ именами думая—„довольно и этого съ васъ умницъ."

Г. Бибиковъ издалъ напримѣръ въ русскомъ переводѣ два извѣстныхъ сочиненія Адама Смита — и это даетъ поводъ „Отечественнымъ Запискамъ" представить нѣсколько соображеній о томъ, какъ слѣдуетъ переводить книги подобнаго рода.

„Въ заключеніе — пишутъ по этому поводу „Отечеств. Записки"—мы считаемъ не лишнимъ представить нѣсколько соображеній относительно того, какъ слѣдуетъ переводить книги подобнаго рода. Въ концѣ изданія г. Бибиковъ заявляетъ, что онъ намѣренъ представить цѣлую коллекцію изданій въ русскомъ переводѣ клас-

сическихъ писателей конца прошлаго и начала настоящаго вѣка. Изданіе Биша, Кабаниса и Адама Смита есть начало предпріятія. Кромѣ того, печатается сочиненіе Мальтуса, исторія политической экономіи Бланки и собраніе сочиненій Лессинга. Въ виду такого колоссальнаго плана не мѣшаетъ обстоятельнѣе обдумать его исполненіе, а не приступать къ нему съ тѣмъ легкомысліемъ, съ какимъ видимо глядитъ на свое предпріятіе г. Бибиковъ. Сегодня публика прочтетъ только-что изданное на западѣ сочиненіе Спенсера и Милля, завтра она прочтетъ Адама Смита, Кабаниса или Бентама, сегодня она прочтетъ Тэна, завтра Лессинга. И вы думаете, что она такъ сейчасъ и провѣритъ одного писателя старѣйшаго другимъ новѣйшимъ? Какъ бы не такъ; и Спенсеръ, и Льюисъ, и Кабанисъ, и Бентамъ, и Адамъ Смитъ — все это для нея современники, потому что въ одно время входятъ въ ея головы, ко всѣмъ имъ она питаетъ одинаковое уваженіе и всѣмъ имъ одинаково вѣритъ. Въ то время, какъ появленіе Адама Смита, Лессинга, Канта, Спенсера въ Европѣ составляло послѣдовательныя историческія эпохи, у насъ все это является какъ нѣчто одинаково современное! Это совершенно равносильно тому, какъ еслибы въ нынѣшнемъ году вышелъ въ Китаѣ переводъ Бѣлинскаго, въ будущемъ переводъ Ломоносова, да кстати Добролюбова, а потомъ сочиненіе г. Сѣченова „Рефлексы головнаго мозга", пошли бы рядомъ съ сочиненіями Посошкова и китайцы научились бы разомъ изъ всего этого безъ

всякой критической оцѣнки, причемъ переводчики завѣряли бы ихъ, что всѣ сочиненія, начиная съ Посошкова и кончая Добролюбовымъ, равно вошли, такъ сказать, въ учебники въ Россіи. Вообразите себѣ, что за сумбуръ образовался бы въ головахъ китайцевъ; неменьшій сумбуръ долженъ произойти и въ головахъ нашей публики, когда у ней идеи Спенсера или Милля сольются съ идеями Адама Смита или будетъ она смотрѣть на искусство разомъ глазами и Лессинга и Тэна. Какъ же избавиться отъ этой бѣды? Издавать сочиненія европейскихъ мыслителей въ хронологической послѣдовательности, чтобы публика наша послѣдовательно переживала всѣ фазы европейской мысли, начиная съ Адама Смита и кончая Спенсеромъ? Или совсѣмъ не переводить прежнихъ писателей, а знакомить публику съ одними новѣйшими, чтобы публика, воспринявши послѣднее слово науки, повела европейскую мысль далѣе?“

И такъ, по мнѣнію „Отеч. Записокъ“, чтобы вести европейскую мысль далѣе, и для кого же? для русской публики, можно не читать Смита и тому подобныхъ отсталыхъ людей, а только Спенсера. Спенсеръ, черезъ двѣ строки Спенсеръ—вотъ послѣднее слово этого развитія. Адамъ Смитъ — это дѣтство того періода, зрѣлость котораго представляется Спенсеромъ. Адамъ Смитъ дитя передъ взрослымъ мужемъ Спенсеромъ. Главное опасеніе состоитъ въ томъ, чтобы читатель не увлекся какъ нибудь Смитомъ на счетъ Спенсера!

Такъ какъ рѣчь зашла объ опасеніяхъ; такъ какъ

читатель вовсе незнакомый, со словъ редакціи, ни съ отсталыми экономическими понятіями Смита, ни съ послѣдними неотсталыми идеями Спенсера, то мы считаемъ нужнымъ помочь ему разобрать это дѣло опасеній.

Излагать ни Смита, ни Спенсера здѣсь нѣтъ мѣста; ни даже приводить выписокъ, которыя бы заняли слишкомъ много мѣста. Достаточно напомнить, что у Смита и Спенсера встрѣчаются дѣйствительно общія темы разсужденія, къ числу такихъ относится напримѣръ вопросъ о народномъ образованіи. Пусть желающій изъ читателей и редакція „Отечественныхъ Записокъ" потрудятся сравнить то, что говоритъ хотя въ этомъ отношеніи Смитъ, съ тѣмъ, что говоритъ Спенсеръ. Страницы Смита по этому предмету принадлежатъ къ числу краснорѣчивѣйшихъ страницъ всего сочиненія „О народномъ богатствѣ" и потому, хоть Смитъ и отсталъ, по мнѣнію „Отечественныхъ Записокъ"—но чтеніе его не представитъ все-таки особенной скуки. Сравнивъ же въ этомъ отношеніи Смита и Спенсера, для читателя будетъ ясно само собою, у кого можно скорѣе выучиться самостоятельному разсужденію и у кого только подражанію чужимъ мыслямъ; и почему выборъ Спенсера по существу своему будетъ совершенно согласенъ съ духомъ „Отеч. Записокъ", какъ новыхъ такъ и старыхъ. Что касается насъ, то мы совѣтуемъ читателю спокойно читать Смита преимущественно передъ всѣми Спенсерами и г. Бибикову спокойно переводить классическихъ писателей, не

дѣлая къ нимъ ровно примѣчаній; а заботиться только о вѣрности и добросовѣстности перевода.

Библіографы другаго рода несравненно любопытнѣе и занимательнѣе; они очень ярки и поучительны, не смотря на всю свою рѣдкость.

Пусть читатель обратитъ только вниманіе на то, что здѣсь было написано по поводу вышедшихъ въ свѣтъ сатиръ г. Минаева. Сатиры эти сами по себѣ стоятъ ни болѣе, ни менѣе вниманія сколько и самъ г. Минаевъ какъ поэтъ; но то, что было написано по поводу этихъ сатиръ стоитъ болѣе вниманія („От. Записки“ стр. 63. Май).

„Но съ тѣхъ поръ, какъ по соображеніямъ высшей важности, попеченія объ интересахъ русской сатиры признано возможнымъ представить литераторамъ, дѣло пошло нѣсколько иначе. Новые дѣятели, не получивъ въ свое распоряженіе никакихъ вспомогательныхъ средствъ, очутились въ самомъ затруднительномъ положеніи. Попробовали поискать идеаловъ, съ намѣреніемъ сдѣлать изъ нихъ нѣчто въ родѣ крѣпости, изъ которой можно было бы съ удобностью стрѣлять по приходящимъ, но и въ томъ не успѣли, потому что какъ идеалы, такъ и прочія украшенія остались, по прежнему, въ завѣдываніи надлежащихъ комендантовъ... Остались, правда, кой-какіе идеальчики, но очень маленькіе, такъ сказать, бросовые — ими довольствовались.

„Изъ этихъ бросовыхъ идеальчиковъ, каждый сатирикъ, выбравъ себѣ такой, какой приходился ему по

комплекціи. Который сатирикъ — евнухъ, тотъ, увидя на Невскомъ камелію, непремѣнно заскрежещетъ зубами; который сатирикъ предпочитаетъ пѣнное — тотъ непремѣнно обругаетъ всѣхъ пьющихъ дорогое виноградное вино; который сатирикъ возлюбилъ халатную простоту — тотъ съ негодованіемъ отнесется къ фраку, сшитому Шармеромъ. Далѣе камелій, фраковъ и шестирублеваго лафита дерзаютъ очень не многіе, да и такое ли теперь, впрочемъ, время, чтобы дерзать!

„Время теперь стоитъ самое веселое; пороки истреблены, злоупотребленія уничтожены, гнусныя поползновенія, какія были, посрамлены. Остались лишь пороки и злоупотребленія втораго сорта, а именно: камеліи, шармеровскіе фраки и колоніальные магазины купца Елисѣева; правда, что истребить эти пятна, затемняющія солнце русской добродѣтели, очевидно, не подъ силу нашимъ сатирикамъ; но за то они тѣмъ удобны, что стрѣлять въ нихъ предоставляется даже безъ пороху. Такимъ образомъ, устранивъ свой величавый, равно для всѣхъ обязательно-дидактическій характеръ, сатира пріобрѣла значеніе камелійно-панталонно-колоніальное и, за немногими исключеніями, сосредоточилась преимущественно около Петербурга, да и въ самомъ Петербургѣ распалась еще на адмиралтейскую, коломенскую, васильевскую, нарвскую и т. п.

„Говоря о людяхъ этого замкнутаго, ничтожнаго міра, признавая ихъ за людей, а не за простую слякоть, сатира не только искажаетъ свое значеніе, но

даже перестаетъ быть чистоплотною. Возможны ли выводы въ виду этихъ общественныхъ курьезовъ? Возможенъ ли судъ? Нѣтъ, ни для тѣхъ, ни для другаго не имѣется достаточныхъ основаній, ибо курьезы тѣмъ именно и замѣчательны, что изъ нихъ ровно ничего не слѣдуетъ, и что относительно ихъ принципъ вмѣняемости становится совершенно излишнимъ. И вотъ почему, когда сатира, желая придать важность подобнымъ неважнымъ предметамъ, становится на ходули и принимаетъ ювеналовскіе тоны, то бичеванье ея кажется похожимъ на стрѣльбу изъ пушекъ по воробьямъ.“

Прочитавъ это краснорѣчивое вступленіе, мы думали, что это не болѣе, какъ подобающая критика на послѣднія стихотворенія г. Некрасова, что это только вѣрное вступленіе къ оцѣнкѣ музы г. Некрасова, но дѣло выходитъ иначе. Оказывается, что подъ эту оцѣнку подходитъ только г. Минаевъ и за что бы вы думали, за то только, что пишетъ иногда сатиры на гг. Некрасова и Краевскаго за то, что называетъ банкировъ „жирными“ и т. д.

А между тѣмъ, тотъ же рецензентъ и таже редакція находятъ вѣроятно вовсе неводевильными печатающіяся въ „Отечественныхъ Запискахъ“ стихотворныя приглашенія г. Некрасова юношеству надѣвать терновые вѣнцы или прозаическія поученія о томъ, что общество наше можетъ развиваться только скандальчиками.

Такимъ образомъ тянутъ за душу цѣлый годъ рус-

скую публику, обѣщая ей торжественно заниматься вопросами русской жизни, и наконецъ, не найдя, въ теченіи года, ни одного, редакція резюмируетъ наконецъ въ ноябрьской книжкѣ свое направленіе и свои русскіе вопросы словомъ скандалъ. На этомъ поприщѣ мы съ ней уже препираться не станемъ. Достаточно признать, что это слово выбрано вѣрно редакціей, что въ ней самой все скандально, начиная съ начала и завязки, начиная съ союза съ г. Краевскимъ, на которомъ она основана, продолжая учеными трактатами и кончая отбросомъ прежней либеральной литературы, которыми она силится укрыть и свое пошлое происхожденіе, и свою безсодержательность.

Пусть она броситъ всякое притязаніе на это солидное содержаніе, на направленіе и русскіе вопросы, на все то, словомъ, что ей не подъ силу, пусть перестанетъ титуловаться новой редакціей, а сосредоточится на стихахъ и романѣ, тогда по крайней мѣрѣ публика будетъ знать чѣмъ она занимается, занимаясь „Отечественными Записками", и не будетъ смѣшивать парикмахерской и буфета съ мѣстами болѣе серьезныхъ занятій, вопросовъ и дѣлъ.

И такъ вотъ приблизительно въ краткихъ словахъ то содержаніе, подъ которымъ г. Некрасовъ приглашалъ меня подписаться и за которое я долженъ былъ бы отвѣчать въ томъ случаѣ, еслибы не разошелся съ нимъ изъ-за 50 р., какъ это утверждаютъ. Я по крайней мѣрѣ подъ такимъ содержаніемъ, которое думаетъ вы-

купить двумя-тремя пошло-либеральными фразами совершенное незнаніе какъ говорить и о чемъ—подписываться вовсе не желаю, потому уже, что оно ранѣе меня было убито и по достоинству оцѣнено даже такимъ неперво-класнымъ поэтомъ, какъ г. Минаевъ:

«....На мотивы гражданскіе мода
Обратилась въ плохое фиглярство».

Не допустить этого фиглярства можно было только будучи хозяиномъ самаго журнала, наравнѣ съ г. Некрасовымъ. Этого-то положенія я требовалъ и это-то мое требованіе не могло уже войти въ разсчетъ г. Некрасова, а потому послужило настоящей причиной разрыва.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ томъ, что прочелъ читатель, заключаются два основанія, по которымъ должны были прекратиться мои литературныя отношенія къ г. Некрасову. Желающіе могутъ видѣть, что мы разошлись не изъ-за пятидесяти рублей, какъ это утверждалось, къ крайнему моему сожалѣнію, въ послѣднее время, въ литературныхъ и нелитературныхъ кружкахъ. За этими 50 руб., если они были на дѣлѣ, содержался свой принципъ и притомъ интересный не для меня лично, а для литературы вообще. Если это не такъ, то пусть только люли, неразо-

шедшіеся съ г. Некрасовымъ, скажутъ мнѣ, что они совершенно свободны въ своей литературной дѣятельности, что они хозяева своей мысли и своего слова, что г. Елисѣевъ, напримѣръ, добровольно принимаетъ на себя печать молчанія противъ гг. Краевскаго и Некрасова, искренно утверждаетъ, что въ литературѣ не существуетъ торговли умомъ и способностями, и подписуется подъ вывѣсками о возстаніи костей Бѣлинскаго на радости союза г. Некрасова съ г. Краевскимъ, — что онъ добровольно становится соумышленникомъ гг. Некрасова и Краевскаго, признаетъ полезною и нормальною ту систему издательства, которую г. Некрасовъ утвердилъ въ литературѣ, и не раздѣляетъ внутренно моего взгляда на эту систему. Во всякомъ случаѣ я полагаю, что если говорить о 50 руб., то нужно говорить о нихъ какъ относительно тѣхъ, которые разошлись съ г. Некрасовымъ, такъ и относительно тѣхъ, которые сошлись, и еще вопросъ, гдѣ этотъ разговоръ болѣе у мѣста. Наконецъ, справедливость требуетъ говорить и о тѣхъ, которые разошлись изъ-за 50 р. не съ г. Некрасовымъ, а можетъ быть съ людьми болѣе имъ близкими по положенію, чѣмъ гг. Некрасовъ и Краевскій.

И такъ не желаніе лишнихъ 50 рублей, а напротивъ положительное нежеланіе получать лишніе 50 руб., за которые г. Некрасовъ покупалъ, какъ доказано выше, не мои труды и статьи, а мое имя и мою солидарность съ его новымъ предпріятіемъ, нежеланіе принять за эти 50 руб. шутовскую и жалкую роль литературнаго ма-

кара передъ г. Некрасовымъ,—вотъ собственно первая и главная причина, по которой я отклонился отъ чести продолжать съ нимъ литературныя связи и за что меня только и могутъ винить. Прибавлю, что я дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ лично отъ себя и только за себя, не думая при этомъ устраивать никакихъ новыхъ порядковъ въ литературѣ и новыхъ издательскихъ основаній, которыя до меня совершенно не касаются, а ограждалъ только себя отъ старыхъ.

Другую причину размолвки читатель найдетъ въ содержаніи „Отечественныхъ Запискахъ“ за прошлый годъ, для уясненія которой оно здѣсь и изложено, она только подтверждаетъ первую. Тутъ объясняется вся разность взглядовъ между мной и г. Некрасовымъ на самый характеръ того содержанія, которое долженъ былъ представить журналъ. Я не могъ принять на себя солидарности и отвѣтственности ни за новѣйшіе ученые труды г. Елисѣева, ни за проповѣди терновыхъ вѣнцовъ г. Некрасова, ни за теорію скандаловъ, еще менѣе за либерализмъ г. Лесевича, кажденія Боклю и Спенсеру и униженія Смита и уже вовсе за защиту кулаковъ. Между тѣмъ въ случаѣ моего присутствія въ „Отечественныхъ Запискахъ“ все это было бы поставлено мнѣ на счетъ. Можетъ все это содержаніе „Отечественныхъ Записокъ“ было пусто и вздорно, но все это имѣетъ на мой взглядъ мало полезнаго для читателя, и представляетъ такое содержаніе, съ которымъ я не имѣлъ ничего общаго. Словомъ, какъ, видите, г. Некра-

совъ остался въ „Отечественныхъ Запискахъ“ тѣмъ же номинальнымъ либераломъ за чужой отвѣтственностью и мы не могли идти вмѣстѣ, потому что я вовсе не желалъ изображать собой эту отвѣтственность. Я предпочелъ стать въ безразличное положеніе къ журналамъ, въ положеніе случайнаго сотрудника, но едва я заявилъ объ этомъ, какъ мои фонды быстро пали. Начались косвенные комки грязи, къ которымъ присоединились недавно даже добродѣтельныя „Петербургскія Вѣдомости“. Г. Некрасовъ поспѣшилъ отказаться отъ моихъ трудовъ, не зная хочу или нѣтъ я ему предложить ихъ даже на этомъ основаніи. Теперь комки грязи могутъ конечно усилиться, можетъ выйти и такъ, что забѣганья, обѣды и подпольный разносъ вранья, замѣнятъ съ успѣхомъ всякія печатныя объясненія. Но съ читателемъ, убѣждающимся этими посторонними средствами, мнѣ уже нечего дѣлать. На случай же печатныхъ объясненій, послѣ всего сказаннаго я удерживаю за собой одно право: какія бы возраженія ни вызвало настоящее объясненіе, я принимаю разговоръ только съ лицами столь же свободными по своему положенію въ литературѣ, какъ я, и оставлю безъ отвѣта всякую защиту хозяевъ ихъ сотрудниками.

